СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И

ПЕРЕВОДОВЪ.

АДМИРАЛА ШИШКОВА

Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.

ЧАСТЬ IX.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1827.

ПЕЧАТАНО:

По опредѣленію Императорской Россійской Академіи.

Маія 12 дня 1817 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Девятой части.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Пѣснь первая надесять.

Верховный повелитель христіянскаго воинства, устремя всѣ мысли свои на то, чтобъ взять приступомъ Іерусалимъ, осматриваетъ согроможденные для сего воинскіе снаряды: тогда приходитъ къ нему пустынникъ Петръ, и отозвавъ его къ сторонѣ, тако съ почтенною вѣщаетъ ему важностію: ты двигаешь, о вождь, земныя орудія; но не оттолѣ начинаешь, отколѣ должно.

Начни отъ неба, призови прежде въ торжественныхъ и благоговѣйныхъ молитвахъ святыя небесныя силы, единыя побѣдоносныя. Да предшествуетъ предъ вами облаченное въ священныя одежды свои духовенство, возноря согласныя и умиленныя пѣснопѣнія, и отъ васъ, великихъ и славныхъ вождей, текущій въ слѣдъ за вами народъ да научится благочестію.

Тако рекъ строгій пустынникъ, и благосердый Готфридъ мудрыя слова его похваляетъ. Вѣрный Христовъ служитель, вѣщаетъ ему, последую благому твоему совѣту. Доколѣ я созову къ себѣ полководцевъ

и военачальниковъ, ты отыщи первосвятителей Вильгельма и Адемара, и ваше да будетъ попеченіе устроить сіе торжественное богослуженіе.

Наутріе старецъ съ двумя первосвятителями собираетъ прочихъ младшихъ священнослужителей въ долину, гдѣ обыкновенно совершаема была божественная служба. Всѣ другіе надѣваютъ бѣлыя льняныя одежды, первосвятители же облачаются въ златотканныя на груди застегнутыя ризы, и на власы свои возлагаютъ вѣнецъ.

Петръ единъ шествуетъ впереди, неся развѣвающееся по вѣтру небесными силами поклоняемое знамя. За нимъ, составя два длинныхъ ряда, тихими стопами идутъ священнослужители, возносящіе съ умиленнымъ видомъ молитвенныя гласы. За сими шли грядущіе рядомъ первосвятители Вильгельмъ и Адемаръ.

Потомъ шелъ Готфридъ, аки верховный вождь, безъ сотоварища. За нимъ по два въ рядахъ слѣдовали прочіе вожди и военачальники, а за сими безъ всякой тѣсноты и безпорядка текло вооруженное въ защиту ихъ воинство. Тако изъ нутри стана простиралось шествіе. Не слышно было ни трубныхъ, ни иныхъ грозныхъ звуковъ, но токмо разносилось по воздуху благочестивое молитвенное пѣніе.

Тебѣ, Отецъ, тебѣ, Сынъ равный Отцу, и тебѣ Любовь, отъ обоихъ соединенныхъ дышущая, поютъ они, и къ тебѣ Богочеловѣка Дѣвоматерь вопіютъ, да услышатся моленія ихъ и ниспошлется къ нимъ помощь ваша. И васъ призываютъ, о воеводы, въ тройственномъ чиноначаліи молніеносными небесными силами двигающіе; и тебя, святый, божескаго чела чистое человѣчество въ источникѣ омывшій.

Тебя просятъ, о ты, камень и утвержденіе непоколебимаго дома Господня, гдѣ нынѣ новый, достойный тебя, послѣдователь твой, отверзаетъ двери прощенія и милосердія; и васъ другихъ Царства небеснаго посланниковъ молятъ, о вы, возвѣстившіе намъ о побѣдоносной смерти, и вы, засвидѣтельствовавшіе кровію и мученіемъ истинну.

Такожъ и васъ величаютъ, наставившихъ писаніями и словами заблуждшія стопы наши на правый путь къ небу; и тебя, любимую и вѣрную рабу Христову, честнѣйшей и благороднѣйшей жизни благую часть избравшую; и васъ, дѣвы, въ обителяхъ цѣломудрія затворенныя, чистыя непорочнаго Агнца невѣсты; и васъ, великодушныя мученицы, презрѣвшія прещенія и казни языческихъ царей и народовъ.

Тако воспѣвая благочестивое воинство,

широко по пространству полей распростертое, тихими стопами направляло шествіе свое къ масличной горѣ, отъ растущихъ на ней маслинъ названіе свое получившей; гора сія, священною славою въ свѣтѣ знаменитая, лежитъ отъ градскихъ стѣнъ къ востоку, единою токмо Іосафатовою глубокою долиною отъ нихъ раздѣляемая.

Туда простирается воспѣвающій народъ: гласъ его носится по низкимъ удоліямъ и высокимъ холмамъ, звучитъ въ вертепахъ ихъ и раздается въ тысячѣ мѣстахъ, такъ что казалось обитающіе въ лѣсахъ и вертепахъ сихъ сельскіе лики громко и ясно повторяютъ великое имя Іисуса Христа и дѣвы Маріи.

Собравшіеся между тѣмъ на стѣнахъ градскихъ нечестивые Срацины стоятъ безмолвно и съ удивленіемъ внимаютъ симъ кроткимъ пѣніямъ, смотрятъ на сіи тихія движенія и на чуждые, необычные имъ обряды. Посемъ, когда насытились новостію зрѣлища, воздвигли страшные вопли, испустили изъ гортаней своихъ хулы и поруганія, огласившія горы и долы.

Но благочестивый народъ Христовъ чрезъ то не умолкаетъ, не престаетъ отъ сладкогласныхъ своихъ пѣній, не озираясь даже на сіи клики, и не больше обращая

на нихъ вниманія, какъ на стадо каркающихъ врановъ. Не страшится также пущенныхъ стрѣлъ ихъ, кои, далеко не досязая, не могутъ нарушить ихъ покоя, почему и продолжаютъ они начатое ими священнодѣйствіе безмятежно.

Возшедъ на вершину горы воздвигаютъ жертвенникъ, на коемъ первосвященникъ долженъ совершить великую тайну жертвоприношенія. По обѣимъ странамъ онаго возжигаются блистающія огнями златыя лампады. Вильгельмъ возлагаетъ на себя великолѣпнѣйшія златотканныя ризы, и сперва безмолвенъ погружается въ размышленіе, потомъ яснымъ и громкимъ гласомъ начинаетъ, обвиняя себя, приноситъ Богу благодареніе и молитвы.

Ближайшіе къ нему съ усердіемъ словесамъ его внемлютъ, прочіе же, отдаленнѣйшіе, съ благоговѣніемъ устремляютъ на него взоры свои. Онъ, по торжественномъ совершеніи божественныхъ таинствъ, подъемлетъ къ челу пастырскую руку свою и благословляя ею воинственные полки речетъ имъ: днесь грядите съ Богомъ. Тогда въ томъже порядкѣ и по тѣмъже слѣдамъ возвращаются они вспять.

По пришествіи къ стану Готфридъ повелѣваетъ имъ разрушить устройство, и грядетъ къ себѣ: безчисленная толпа

сопровождаетъ его до самаго шатра. Здѣсь обратясь отпускаетъ онъ всѣхъ прочихъ, вождей же приглашаетъ къ столу своему и старика Тулузскаго Графа сажаетъ противъ себя.

По насыщеніи пищею, и по утоленіи томившей ихъ жажды, великій вождь вѣщаетъ вождямъ: съ новою зарею будьте готовы на приступъ. Сегодня день приготовленія и отдыха, завтра наступитъ день труда и брани. Всякъ изъ васъ да вкуситъ покой, и потомъ да устроитъ самъ себя и воиновъ своихъ на великій подвигъ.

Вожди отходятъ. Глашатаи трубными гласами возвѣщаютъ, да облечется каждый воинъ въ оружіе и съ новою зарею изыдетъ на брань. Тако день сей частію проводится въ отдохновеніи, частію же въ заботахъ и разпоряженіяхъ, доколѣ тихая ночь, любительница покоя, не положила конца трудамъ.

Еще заря не появлялась и рожденіе дня не показывалось на востокѣ; плугъ земледѣльца не раздиралъ еще полей и пастухъ не возвращался на зеленые луга; птички спокойно сидѣли на вѣтвіяхъ древесъ, и на паствахъ не слышно было ни лая псовъ, ни звука роговъ; какъ вдругъ утренняя труба, къ оружію, къ оружію, вострубила.

Къ оружію! къ оружію! подхватили

мгновенно и воскликнули тысячи гласовъ. Храбрый Готфридъ возстаетъ, и не облекается ни въ большую обыкновенную броню, ни въ тяжелую гладкую обувь; онъ надѣваетъ на себя легкіе доспѣхи, и является подобенъ пѣхотному мало обремененному воину. Тогда приходитъ къ нему благій Раимондъ.

Сей, видя верховнаго вождя симъ образомъ вооруженнаго, проницаетъ мысль его. Гдѣ, государь, вѣщаетъ ему, огромная броня твоя? гдѣ среброблистающая збруя? по- что ты частію обезоруженъ? не могу похвалить тебя исходящаго толь слабо защищеннымъ. Изъ сихъ знаковъ вижу и заключаю, что ты хочешь нижайшими тебя дѣлами снискать славу.

Ахъ! чего ты ищешь? частнаго лавра востекающаго на стѣны воина? другой да восходитъ на нихъ, подвергая жизнь свою, меньше достойную и полезную, опасности, какой въ сраженіяхъ требуетъ отъ него долгъ; ты, Государь, облекись въ обыкновенное твое всеоружіе, и для нашего блага, молю тебя, самъ о себѣ имѣй попеченіе и осторожно храни драгую главу твою, духъ и жизнь войскъ въ себѣ заключающую.

Тутъ умолкъ, и Готфридъ отвѣтствуетъ: вѣдай, что когда въ Клермонтѣ великій Урванъ препоясалъ меня симъ ме-

чемъ, и державною рукою посвятилъ въ поборника по вѣрѣ, тайно принесъ я Богу обѣщаніе, не токмо какъ военачальникъ, но купно какъ и простый воинъ употреблять всякое оружіе мое и силы.

И такъ, когда всѣ мои войска противъ враговъ расположатся и двинутся, когда исполню я все то, чего отъ верховнаго вождя требуется, тогда ничто, думаю, и самъ ты того не отвергнешь, не воспрепятствуетъ мнѣ сражаясь подступить подъ стѣны града, и сдержать данное мною небесамъ слово: онѣ да спасутъ и сохранятъ меня.

Тако рѣшилъ; и всѣ Французскіе витязи, такожъ и два младшіе брата его Бальдовины, въ томъ ему послѣдовали. Прочіе Князи и полководцы облеклись также въ меньше тяжелые доспѣхи, являя видъ пѣхотныхъ воиновъ. Между тѣмъ Срацины востекаютъ на ту часть стѣны, гдѣ оная, простираясь на западъ къ созвѣздію медвѣдицы, была по мѣстоположенію своему меньше безопасна.

И какъ всѣ прочія части града были крѣпки и надежны, то къ сему единому мѣсту нечестивый царь собираетъ всѣхъ изъ народа сильнѣйшихъ, и къ нимъ въ услуженіе и на подъятіе тяжкихъ трудовъ призываетъ и старцевъ и отроковъ, послѣднюю свою надежду. Сіи къ крѣпчайшимъ

ихъ носятъ известь, сѣру, горячую смолу, каменіе и стрѣлы.

Вся сія часть стѣны, равному мѣсту противулежащая, уставлена оружіями и снарядами. Тамъ по срединѣ, какъ нѣкій ужасный исполинъ, стоитъ Султанъ Турецкій. Тамъ между зубцами возносится превышающій ихъ главою, издалече зримый, грозный Аргантъ. Тамъ на высокой угловой вѣжѣ блистательнѣе всѣхъ является могущественная Клоринда.

На хребтѣ ея съ острыми стрѣлами виситъ тяжелый туль. Она ужѐ держитъ въ рукахъ напряженный тетивою лукъ, и жаждущая поражать, прекраснѣйшая стрѣлометательница, перваго прихода враговъ ожидаетъ. Тако нѣкогда чаяли зрѣть нисшедшую съ неба Делосскую дѣву, съ высокихъ облаковъ пускающую стрѣлы.

Сѣдый царь Іерусалимскій ходитъ отъ единыхъ вратъ къ другимъ; востекаетъ на стѣны и смотритъ, всѣ ли заблаговременно данныя имъ повелѣнія исполнены; ободряетъ и воспламеняетъ защитниковъ оныхъ. Индѣ прибавляетъ людей, индѣ умножаетъ число орудій, и обо всемъ печется. Но печальныя матери идутъ въ мечети молиться нечестивому своему лжепророку.

Преломи, Пророче, рукою твоею праведною и сильною копіе зловредныхъ Фран-

ковъ, и враговъ сихъ, великое имя твое оскорбляющихъ, разсыпь и низложи предъ высокими вратами. Тако взываютъ; гласъ ихъ тамъ въ преисподней посреди вѣчнаго плача и смерти исчезаетъ неслышимый. Между тѣмъ какъ во градѣ молятся и просятъ, благочестивый Готфридъ учреждаетъ и распоряжаетъ свои войска.

Онъ выводитъ красивую съ великимъ искуствомъ двумя вереницами устроенную пѣхоту, грядущую косвенно на приступъ къ стѣнамъ градскимъ. Въ срединѣ катится стѣнобитная громада и другіе пагубоносные снаряды, мещущіе, подобно перунамъ, на зубчатыя вершины стѣнъ и стрѣлы и каменья.

Позади разъѣзжаетъ конница, разсылая повсюду свои отряды. Готфридъ даетъ къ сраженію знакъ: мгновенно полетѣли несмѣтныя тысячи стрѣлъ и засвистали ринутыя снарядами орудія, уменьшившія между башнями и зубцами число защитниковъ ихъ. Иной убитъ, другой ушелъ, и густота людей на стѣнахъ примѣтнымъ образомъ стала рѣже.

Тогда Франки, удвоя шаги свои, быстро несутся; часть изъ нихъ, смыкая щитъ со щитомъ, составляютъ надъ главами своими кровлю; часть же, укрываясь за толстыми снарядами, спасаются отъ сыплющагося на

нихъ града каменій. Тако притекаютъ къ пустому, глубокому рву, стараясь заметать и сравнять оный съ полемъ.

Ровъ сей по сухости мѣстоположенія своего не былъ ни топкій, ни наводненный; почему, не смотря, что онъ былъ широкъ и глубокъ, забрасываютъ его хврастіемъ, каменіемъ, бревнами и глыбами земли. Отважный Адрастъ первый, открывъ главу и не страшась ни града камней, ни дождя кипящей смолы, приставляетъ къ стѣнѣ лѣстницу.

Гордый Гельветянинъ востекъ уже на половину сего воздушнаго пути, обратя на себя тысячи стрѣлъ, изъ коихъ ни единая не уязвила его столько, чтобъ воспрепятствовала дерзкому его восходу; какъ вдругъ увѣсистый круглый камень, быстро, аки бы изъ пушки ринутый, ударясь въ шлемъ свергаетъ его въ низъ: камень сей бросилъ Черкесъ.

Хотя ударъ и паденіе были не смертельны, однакоже такъ тяжки, что онъ безъ чувствъ и движенія простерся на земли. Тогда громкимъ и свирѣпымъ гласомъ возопилъ Аргантъ: первый упалъ, кто придетъ вторый? почто явно нейдете на приступъ, прячущіеся воины, когда я не прячусь? не помогутъ вамъ странныя ваши со-

громожденія: вы умрете въ нихъ, какъ дикіе звѣри въ логовищахъ своихъ.

Тако рекъ; но христіянскія войска, не смотря на слова его, продолжаютъ идти скрытно, и подъ черепокожнымъ кровомъ тѣсно сомкнутыхъ щитовъ своихъ выдерживаютъ и стрѣлы и всякія падающія на нихъ тяжести. Ужè составленные изъ огромныхъ бревенъ великіе овны и тараны съ толстыми желѣзными главами приближаются ко вратамъ высокихъ стѣнъ, грозя имъ и ужасая ихъ своими удареніями.

Но въ сіе самое время сто сильныхъ рукъ низвергаютъ съ высоты стѣнъ на сомкнутые тѣсно щиты огромный камень, который, какъ нѣкая гора, покатясь и обрушась раздавилъ множество щитовъ и головъ, такъ что земля обагрилась и усыпалась оружіями, кровію, мозгомъ и костями.

Тогда осаждающіе, видя себя подъ закрытіемъ снарядовъ своихъ не безопасными, оставляютъ сію ненадежную защиту, и выступя изъ за оной въ единой храбрости своей ищутъ успѣха. Иные приставя лестницы лѣзутъ на верхъ, другіе сильными удареніями потрясаютъ основаніе стѣны: она колеблется, рушится, и уже многіе въ ней проломы представляются силамъ Франковъ.

Она бы давно уже низринулась и упала отъ повторенія ударовъ біющаго съ ужас-

ною силою тарана; но народъ, стоящій между зубцами и башнями, обороняетъ ее всѣми искуственными способами: куда токмо таранъ устремится, туда опускаютъ набитые волною мѣхи, пріемлющіе въ себя ударъ его, и уступчивостію мягкаго вещества своего отъемлющіе у него силу.

Между тѣмъ какъ храброе воинство грудью къ стѣнамъ градскимъ приступаетъ, Клоринда семь разъ наклоняетъ лукъ свой, семь разъ напрягаетъ тетиву и пускаетъ стрѣлу: каждая изъ нихъ летитъ и въ благороднѣйшую кровь и желѣзо и перья свои омокаетъ; ибо гордая дѣва пролитіе низкой крови не почитаетъ себя достойнымъ.

Первый пораженный ею воинъ былъ младшій Англинскаго Короля сынъ. Едва показался онъ изъ за снарядовъ, какъ ниспущенная съ верху лютая стрѣла ударяетъ въ него и пробивъ кольчужную рукавицу вонзается въ правую его руку: приведенный въ неспособность къ продолженію битвы отходитъ онъ больше гнѣвомъ, нежели болѣзнію терзаемый.

Графъ Амбозійскій на краю рва, и Французъ Клотарій на лѣстницѣ, оба убиты, одинъ стрѣлою, пронесшеюся сквозь грудь и хребетъ, другой сквозь ребра и ребра на вылетъ. Фландрскій Графъ, направлявшій удары тарана, раненъ въ лѣвую руку: онъ хо-

тѣлъ вырвать вонзившуюся въ него стрѣлу, но желѣзо осталось въ тѣлѣ.

Неосторожному Адемару, издалека смотрѣвшему на жестокую битву, вонзается пернатая трость въ самое чело. Онъ хватаетъ правою рукою раненое мѣсто, но въ тожъ время прилетѣвшая другая стрѣла пригвождаетъ руку его къ лицу. Онъ падетъ на землю и первосвященническою кровію обливаетъ женское оружіе.

Паламеда, бывшаго недалеко отъ зубцовъ стѣны и смѣло, презирая всякую опасность, восходившаго по ступенямъ лѣстницы, уязвляетъ седмая стрѣла въ правую бровь, и растерзавъ глазныя жилы проходитъ окровавленная сквозь затылокъ: онъ падетъ и умираетъ при подошвѣ стѣны, на которую востекалъ.

Тако стрѣляетъ Клоринда. Готфридъ между тѣмъ новыми нападеніями тѣснитъ обороняющихся. Онъ придвигнулъ ко вратамъ градскимъ единую изъ величайшихъ своихъ громадъ. Сія огромная изъ толстыхъ бревенъ сооруженная башня вершиною своею равняется съ вершиною стѣнъ; она людьми и орудіями обремененная движется везомая на колесахъ.

Движется страшная громада, и мещущая изъ себя стрѣлы и копья ищетъ приближиться къ сопротивной стѣнѣ, подобно

кораблю стремящемуся во время бою сцѣпиться съ другимъ кораблемъ. Но обороняющіе стѣну стараются ей въ томъ воспрепятствовать: не допускаютъ, упираются бревнами въ чело ея, и острыми бердышами рубятъ и каменьями громятъ ее по зубцамъ, бокамъ и колесамъ.

Толико въ ту и въ другую страну несется стрѣлъ и каменій, что небо отъ нихъ темнѣетъ. Двѣ тучи сперлися въ воздухѣ, и часто пущенныя орудія, другъ въ друга ударясь, отраженныя летятъ обратно. Подобно какъ съ древесныхъ вѣтвей, потрясаемыхъ оледенѣвшимъ дождемъ, падаютъ несозрѣлые еще плоды, тако съ высоты стѣнъ валятся Срацины.

Они меньше снабдѣнные и вооруженные желѣзными вещами большій претерпѣваютъ уронъ; многіе изъ нихъ даже и нераненые обращаются въ бѣгство, страхомъ великой громовержущей башни обуянные. Но бывшій Царь Никейскій стоитъ неподвиженъ, и многихъ боязливыхъ удерживаетъ и вливаетъ въ нихъ духъ бодрости. Дерзостный Аргантъ притекаетъ, и схвативъ толстое бревно, останавливаетъ движущуюся громаду.

Онъ упирается въ нее, и сколько есть въ немъ силы, держитъ ее на всю длину бревна отдаленною. Мужественная Клорин-

да сходитъ также къ нему и раздѣляетъ съ нимъ труды и опасности. Франки между тѣмъ длинными косами отрѣзываютъ веревки, на коихъ висятъ набитые мякотью мѣхи; они падаютъ и оставляютъ стѣну безъ обороны.

Тако верхъ стѣны высокою башнею, низъ же сильными ударами тарановъ потрясается, и вскорѣ разрушенная и проломленная начинаетъ она открывать внутреннія и потаенныя части града. Тогда верховный вождь покрытый великимъ щитомъ своимъ, въ рѣдкихъ случаяхъ имъ употребляемымъ, подходитъ ближе къ колеблющейся стѣнѣ. Отселѣ внимательно высматривая сквозь нее, видитъ Солимана сшедшаго въ низъ и текущаго къ защитѣ сихъ опасныхъ пробитыхъ въ ней отверстій. Клоринда же и Аргантъ остались оборонять вершину оной. Готфридъ зря сіе возгарается великодушнымъ рвеніемъ и мужествомъ.

Онъ обратясь къ Сегіеру, несшему за нимъ другой щитъ и лукъ со стрѣлами, вѣщаетъ ему: подай мнѣ, о вѣрный мой щитоносецъ, сіе меньше тяжелое бремя, я хочу покуситься первый по симъ разрушеннымъ камнямъ пройти сквозь сію развалину. Время уже какимъ либо отважнымъ дѣяніемъ оказать намъ нашу доблесть.

Но едва, перемѣняя щитъ свой, произнесъ онъ сіи слова, какъ налетѣвшая внезапу стрѣла поражаетъ его въ ногу, въ самое то мѣсто, гдѣ жилы соединяются и боль несравненно чувствительнѣе. Клоринда! слава гласитъ, что твой то былъ ударъ; къ тебѣ единой честь сію относятъ, и что народъ Магометанскій въ сей день избавленъ былъ отъ плѣна или смерти, тебѣ то приписуютъ.

Преисполненный твердостію духа вождь, почти не чувствуя острой причиняемой раною боли, восходитъ по каменьямъ въ проломъ и воиновъ своихъ слѣдовать за собою поощряетъ; однако видя наконецъ, что крѣпко уязвленная нога ему не служитъ, и боль отъ движенія чрезмѣрно раздражается, принужденнымъ себя находитъ уклониться отъ приступа.

Онъ мановеніемъ руки призываетъ къ себѣ благодушнаго Гвельфа и вѣщаетъ ему: я долженъ удалиться отъ битвы; ты заступи мѣсто вождя, и недостатокъ отсутствія моего замѣни. Я не долго останусь; иду и возвращусь. Сказавъ сіе отходитъ и садится на легкаго коня, но не можетъ такъ скрытно проѣхать въ станъ, чтобъ взоры войскъ на него не обращались.

Съ отбытіемъ верховнаго вождя щастіе Франковъ колеблется и уступаетъ. Силы

противной стороны растутъ; надежда, воспрянувшая, ободряетъ ихъ. Стремительность и пылкость въ сердцахъ вѣрныхъ съ перемѣною щастія потухаютъ. Уже мечь ихъ не съ такою жадностію ищетъ крови, и даже самые гласы трубные оскудѣваютъ и тихнутъ.

Вскорѣ на стѣнахъ между зубцами появляются снова толпы прогнаннаго съ нихъ народа, и самыя жены, смотря на храбрую Клоринду и воспаляясь истинною къ отечеству любовію, бѣгутъ съ подобранною одеждою и растрепанными власами, мещутъ стрѣлы и не страшатся за стѣны любезнаго имъ града подвергать жизнь свою опасности.

Наипаче же то, что приступающимъ навело болѣе страха, а у противниковъ ихъ отняло оный, было, что великодушный Гвельфъ, на виду обоихъ народовъ, пораженный упадаетъ. Злощастіе восхотѣло, чтобъ ринутый издалече камень нашелъ его между тысячами другихъ ратующихъ. Въ тоже время подобнымъ же образовъ уязвленный Раимондъ повергается на землю.

Храбрый Евстаѳій на краю рва былъ также тяжко раненъ. Въ сіе нещастное для Французовъ время ни единъ камень или стрѣла, сопротивниками ихъ пущенныя, не пролетали безъ того, чтобъ не отдѣ-

лишь у многихъ души отъ тѣла, или по крайней мѣрѣ не нанесть жестокаго удара. Возгордѣвшій сими успѣхами Черкесъ возвыся гласъ свой заревѣлъ громко:

Это не Антіохія вамъ; здѣсь подъ ночнымъ мракомъ не скроете своихъ обмановъ. Здѣсь, вы видите, солнце свѣтитъ, люди не спятъ, иной образъ войны, иная оборона. Чтожъ вы оторопѣли? куда дѣлась жадность ваша грабить и славиться? что нейдете больше на приступъ? что такъ скоро устали, о не Французы, но Француженки!

Тако насмѣхается, и такою отважный витязь сей воспаляется дерзостію, что пространство обороняемаго имъ града кажется ему тѣсно для его подвиговъ; онъ быстрыми шагами стремится къ содѣланному въ стѣнѣ пролому и востекая на оный стоявшему недалеко отъ него Солиману вопіетъ:

Солиманъ! се мѣсто и время показать намъ нашу храбрость. Что стоишь? чего боишься? за стѣнами града ожидаетъ насъ слава; посмотримъ, кто изъ насъ двухъ больше о ней рачитъ. Тако рекъ, и оба они стремительно кидаются, одинъ бѣшенствомъ, другой честію и гордымъ приглашеніемъ порѣваемый.

Оба незапно и вдругъ нападаютъ на противниковъ, и другъ передъ другомъ

отличаясь столько убиваютъ людей, разрубаютъ щитовъ и шлемовъ, раздробляютъ лѣстницъ и тарановъ, что казалось изъ нихъ, смѣшавшихся съ грудами разбросанныхъ камней, возникла новая гора, заслонившая старую обрушенную стѣну.

Люди, недавно предъ симъ дерзавшіе съ удивительною смѣлостію востекать на вершину стѣнъ, не токмо не помышляютъ теперь о завоеваніи града, но едва обороняются, и оставляя снаряды свои на разрушеніе и содѣланіе ихъ къ новому приступу неспособными, уступаютъ пораженіямъ двухъ витязей: съ толикою пылкостію и гнѣвомъ нападаютъ они на нихъ!

Оба Магометанина, тотъ и другой, стремятся, простираются далѣе, и уже повелѣваютъ жителямъ града подать себѣ два зажженныхъ бревна для воспаленія огромной, сооруженной Христіянами башни: тако изъ вратъ адскихъ, на погибель свѣта, исходятъ исполнительницы Плутоновыхъ повелѣній, двѣ злобныя сестры, потрясая пламенниками и зіяющими на главахъ ихъ вмѣсто влас змѣями.

Но непобѣдимый Танкредъ, поощрявшій въ иномъ мѣстѣ Италіянцевъ своихъ къ восходу на стѣны града, какъ скоро узрѣлъ невѣроятные успѣхи противниковъ, и сугубый пламень, и два великія бревна, тот-

часъ посреди слова прерываетъ гласъ свой и летитъ обуздать ярость Сарациновъ; онъ съ такою храбростію подвизается, что кто побѣждалъ и гналъ, бѣжитъ теперь уступая.

Тако состояніе битвы при перемѣнѣ щастія перемѣняетъ видъ свой. Между тѣмъ уязвленный вождь, сопровождаемый вѣрнымъ Сегіеромъ и братомъ своимъ Бальдовиномъ, пріѣзжаетъ въ шатеръ свой; печальные друзья стекаются и окружаютъ его. Онъ стараясь и поспѣшая извлечь изъ раны стрѣлу, преломляетъ оную.

Хочетъ, чтобъ всѣми возможными способами излѣчили его немедленно. Велитъ каждую скважину въ ранѣ освидѣтельствовать, и гдѣ надобно, рѣзать, не опасаясь причиненія боли. Отправьте меня на брань, да не кончится она безъ меня въ сей день. Тако вѣщаетъ, и опершись на длинное ратовище великаго копія, простираетъ ногу свою къ ножамъ.

Уже старецъ Эротимъ, рожденный на брегахъ Эридана, приступаетъ къ уврачеванію его; онъ искусенъ былъ въ знаніи свойствъ и силы цѣлебныхъ травъ и соковъ; музы также ему благопріятствовали, но онъ восхотѣлъ посвятить себя наукамъ меньше громкимъ и велерѣчивымъ: старался токмо слабыя тѣла людей спасать отъ

смерти, но могъ бы и имена ихъ творить безсмертными.

Стоитъ опершись съ твердымъ лицемъ не испускающій ни малѣйшихъ жалобъ великодушный вождь; врачъ же съ препоясаннымъ запономъ и тонкими засученными рукавами, тщетно то сильными травами, то искусною рукою покушается извлечь увязшую стрѣлу; то перстами шатаетъ оную, то цѣпкимъ желѣзомъ тянетъ, но безполезно.

Щастіе искуству и намѣреніямъ его ни мало не благопріятствуетъ, и жестокое страданіе добледушнаго вождя достигаетъ до такой степени, что становится почти убійственнымъ. Тогда Ангелъ хранитель, сжалясь надъ его мученіемъ, срываетъ на горѣ Идѣ мохнатый багрянаго цвѣта злакъ, коего младыя листья имѣютъ великую силу.

Природа научаетъ дикихъ на горахъ козъ прибѣгать къ цѣлебной силѣ, сокровенной въ семъ злакѣ, когда уязвленныя несутъ онѣ увязшую въ боку своемъ пернатую стрѣлу. Сіе, хотя и далеко растущее зеліе, Ангелъ мгновенно приноситъ, и сокъ онаго въ приготовленный для врачеванія составъ невидимо вливаетъ.

Онъ примѣшиваетъ къ тому благовонную Панацею и спасительную Лидійскаго источника воду. Старецъ омываетъ рану,

стрѣла сама собою выходитъ, кровь престаетъ течь, боль унимается и силы возрастаютъ. Тогда Эротимъ возопилъ: нѣтъ, не искуство и не моя смертная рука тебя исцѣлила.

Высшая сила спасаетъ тебя: Ангелъ, мню, для возвращенія тебѣ здравія низшелъ на землю; я вижу небесной руки знаменія. Не медли, вооружайся, исходи на брань. Благочестивый Гошфридъ, въ нетерпѣніи предстать предъ воинство, обувается въ гладконатянутые сапоги, потрясаетъ великимъ копіемъ, и на главу свою празднолежавшій шлемъ паки возлагаетъ.

Онъ исходитъ за предѣлы стана, тысячію воиновъ послѣдуемый, и направляетъ путь свой въ страну, гдѣ приступаютъ къ проломленной стѣнѣ града: облако пыли подъемлется надъ ними; земля подъ стопами ихъ колеблется и стонетъ. Непріятели съ высоты стѣнъ издалече узрѣли его приближающагося: страхъ объялъ ихъ, и хладный трепетъ протекъ по ихъ жиламъ; онъ же громовымъ гласомъ восклицаетъ трикратно.

Народъ, познавъ гордый гласъ его и клики, поощряющіе къ брани, воспаляется прежнимъ огнемъ и съ новою стремительностію кидается на враговъ. Но уже свирѣпая двоица Срацинъ успѣла стать

въ проломѣ стѣны, противуборствуя силящемуся пройти сквозь нее храброму Танкреду и другимъ вмѣстѣ съ нимъ приступающимъ.

Сюда сокрытый во всеоружіи, гнѣвенъ и грозенъ, притекаетъ верховный вождь Франковъ, и при первомъ прибытіи своемъ мещетъ въ яростнаго Арганта громоносный дротикъ свой. Ни единой стѣноломный снарядъ не могъ бы съ такою силою ринуть копія своего: летитъ, шумя въ воздухѣ, толстое, суковатое древко: Аргантъ, безъ всякаго страха противупоставляетъ ему щитъ свой.

Острое копіе разверзаетъ щитъ, пронзаетъ крѣпкую броню, и проницая всякій оплотъ, упояется кровію Срацина; но онъ, не смотря на боль, вырываетъ его изъ жилъ своихъ, отторгаетъ отъ брони и кидаетъ обратно въ Готфрида, вопія: твое оружіе назадъ къ тебѣ посылаю.

Дротикъ, нанесшій рану, тѣмъ же путемъ возвращаясь, несетъ теперь мщеніе; но не того уязвляетъ, въ кого направленъ былъ: Готфридъ уклонилъ отъ него главу свою, и онъ, пролетѣвъ мимо, раздираетъ горло вѣрнаго Сегіера. Сей, умирая за вождя своего, не сожалѣетъ, что разстается съ жизнію.

Почти въ тоже время Солиманъ пора-

жаетъ камнемъ Нормандскаго витязя: сей падетъ и обуянный силою удара катится подобно кубарю. Тогда Готфридъ, толикими убійствами раздраженный, не можетъ болѣе воздержаться отъ ярости, исторгаетъ мечъ свой, возносится на груды развалинъ и приступаетъ ближе къ битвѣ.

Онъ чудесные оказываетъ тамъ подвиги, отъ коихъ произошли бы лютыя и кровавыя слѣдствія; но наступившая ночь сокрыла свѣтъ подъ ужасами темныхъ крилъ своихъ и распростерла мирные мраки между кипящими толикимъ гнѣвомъ злощастными смертными, такъ что Готфридъ долженъ былъ отступить: таковъ пагубнаго дня сего былъ конецъ.

Но прежде отшествія съ поля брани благочестивый вождь повелѣваетъ всѣхъ изнемогшихъ и раненыхъ забрать съ собою; не хочетъ такожъ и остатки воинскихъ снарядовъ отдать въ добычу непріятелямъ: велитъ спасать ужасающую враговъ огромную башню, хотя уже она отъ страшной бури во многихъ мѣстахъ повреждена и разбита.

Исторженная изъ великой опасности влечется она въ безопасное мѣсто; но подобно кораблю на всѣхъ парусахъ, презирая волны, плывущему, и который въ виду пристанища на подводномъ камнѣ, или на мѣли

останавливается; или подобно коню, скачущему по трудным стезямъ, и близь спокойнаго жилища своего колеблясь упадающему.

Тако громада сія препинается: оба слабыя колеса подъ избитою каменьями страною ея, сокрушаются, и она обрушенная и преклоншаяся пребываетъ неподвижною. Люди, кои сопровождали ее, остаются при ней, и многими утверждаютъ ее подпорами; вскорѣ потомъ приспѣвшіе древодѣлатели и млатобійцы всѣ ея поврежденія исправляютъ.

Готфридъ прислалъ ихъ, повелѣвая, чтобъ прежде восхожденія солнца была она исправлена. Онъ оградилъ ее поставленною со всѣхъ сторонъ стражею. Но стукъ орудій, гласы работающихъ, были во градѣ слышны, и видны тысячи пылающихъ огней, откол ѣ непріятели могли легко о происходившемъ у нихъ догадываться и узнавать.

Конецъ первой-надесять пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ,

пѣснь вторанадесять.

Ночь покрывала землю, но утомленные люди не вкушали еще сна. Съ одной стороны Франки недремно работали и стояли на стражѣ; съ другой Магометане поправляли трясущіеся оплоты свои и укрѣпляли разломанныя и валящіяся стѣны. Оба же народа пеклись о вспоможеніи раненымъ.

Напослѣдокъ подавъ имъ помощь и приведя къ окончанію нѣкоторыя ночныя работы, другія же при умножившемся мракѣ и тишинѣ оставя предаются покою. Но храбрая ратоборица, алчущая чести и славы, не смыкаетъ очей своихъ, и престающихъ отъ трудовъ не престаетъ побуждать къ онымъ. Аргантъ ходитъ съ нею, и она сама съ собою разсуждаетъ:

Поистинѣ въ сей день Турецкій Султанъ и мужественный Аргантъ оказали необычайные и удивительные подвиги: вышли одни противъ толикаго числа войскъ и разгромили сооруженные Христіянами снаряды. Я однимъ, и только однимъ, похвалиться могу, что съ высоты стѣнъ довольно удач-

но мешал асшрѣлы во враговъ; но развѣ больше сего не можешъ женщина?

Лучше бы гоняшься мнѣ въ лѣсахъ за звѣрями и кидашь въ нихъ копья и дрошики, нежели здѣсь, гдѣ мужи ошличаюшся храбросшію, являшься между ими боязливою дѣвою! почшо не облекаюсь въ приличную мнѣ женскую одежду и не сижу зашворенная въ шеремѣ? Тако сама себя укоряя размышляешъ, и наконецъ, взявъ шведое намѣреніе, обращаешся къ Арганшу и вѣщаешъ:

Давно уже шаишся въ умѣ моемъ не дающая мнѣ покоя необычайная и смѣлая мысль. Не знаю, Богъ ли мнѣ вложилъ ее, или человѣкъ желаніе свое пріемлешъ за Бога. Ты видишь внѣ сшана непріяшельскаго горящіе огни: я иду шуда съ мечемъ и пламенемъ превращишь въ пепелъ огромную ихъ башню. Хочу исполнишь шо какой бы небо ни опредѣлило мнѣ жребій.

Есшьли случишся, что судьба моя не допусшишъ мнѣ возврашишься назадъ, я препоручаю шебѣ засшупающаго мѣсшо ошца моего, и вѣрныхъ моихъ рабынь. Посшщись сокрушающихся дѣвицъ и слабаго сшарца ошправишь въ Египешъ: полъ ихъ и сшаросшь его досшойны шводго сожалѣнія.

Удивляешся Арганшъ, и въ шожъ самое время грудь его воспаляешся ревносшію ко славѣ. Ты пойдешь шуда, ошвѣшсшвуешъ,

и меня съ простымъ народомъ здѣсь оставишь? Я стану изъ безопаснаго мѣста смотрѣть и радоваться на клубящійся дымъ и горящія искры? нѣтъ, нѣтъ! бывъ сотоварищемъ твоимъ въ войнѣ, хочу быть тѣмъже и въ славѣ твоей и въ смерти.

Я въ сердцѣ моемъ, презирающемъ опасности, толико же какъ и ты чувствую, что честь лучше жизни. Ты доказалъ это, прервала Клоринда, достойнымъ вѣчной памяти исходомъ твоимъ изъ града. Я женщина, смерть моя не подвергнетъ никакому бѣдствію сей страны; но естьли ты падешь, небо да не дастъ сему событься! Кто защититъ тогда стѣны градскія?

Аргантъ отвѣтствуетъ: тщетно неправыми предлогами мнишь поколебать твердую мою волю. Послѣдую стопамъ твоимъ, естьли поведешь меня; но предварю ихъ, естьли откажешь. По семъ оба идутъ къ царю, засѣдавшему между вельможами и царедворцами своими. Государь! начинаетъ Клоринда, внемли намъ, и да будутъ предложенія наши тебѣ угодны.

Аргантъ обѣщаетъ, и обѣщанія его не тщетны, сжечь грозную непріятелей нашихъ башню. Я иду съ нимъ, и мы для того токмо медлимъ, чтобъ трудъ работающихъ надъ нею болѣе утомилъ и преклонилъ ихъ ко сну. Царь воздѣваетъ руки на небо и

радостныя слезы текутъ по наморщенному его лицу: благодарю тебя, вопіетъ, о ты, обращающій очи на рабовъ твоихъ, и царство мое мнѣ сохранить благоизволяющій.

Не падетъ оно такъ скоро, нѣтъ, когда толь великодушныхъ имѣетъ защитниковъ. Но какую равную доблестямъ вашимъ, почтенная чета, могу я воздать вамъ хвалу или возмездіе? да превознесетъ васъ громкимъ во устахъ всего свѣта гласомъ безсмертная слава; да будутъ наградою вамъ дѣла ваши и немалая царства моего часть.

Тако вѣщаетъ сѣдовласый царь, и то единаго, то другую усердно объемля лобызаетъ. Турецкій Султанъ, присутствующій съ ними, не скрывая возникшаго въ груди своей великодушнаго соревнованія, восклицаетъ: не праздно и я ношу мечъ сей, иду вмѣстѣ съ вами, или немедленно за вами въ слѣдъ. Ахъ, Государь, отвѣтствуетъ Клоринда, неужъ ли всѣмъ намъ устремиться на сіе предпріятіе? естьли и ты пойдешь, ктожъ останется?

Тако рекла, и уже гордый Аргантъ приготовляется отказать ему, но царь Іерусалимскій предупредилъ его и ласково сказалъ Солиману: многими опытами, великодушный витязь, доказалъ ты, что всегда въ бояхъ самому себѣ подобный, не отвра-

щался ты ни отъ какихъ опасностей, не утомлялся никакими трудами.

И знаю, что изшедъ изъ града содѣлалъ бы ты достойные тебя подвиги; но мнѣ кажется не благополезно всѣмъ вамъ изыти отселѣ, и никому изъ васъ, славнѣйшихъ ратоборцевъ, здѣсь не остаться. Даже и сихъ двухъ не согласился бы я отпустить, почитая жизнь ихъ нужною и драгоцѣнною, естьлибъ предпріемлемое ими дѣло не столь было для насъ спасительно, или бы кто другой исполнить оное могъ.

Но какъ огромную башню сію многіе поставленные окрестъ ея стражи защищаютъ. То малое число людей моихъ истребить ее не въ силахъ, а великое число послать не благоразумно: для сего храбрая чета, вызвавшаяся на сіе важное предпріятіе, и многократно уже подобнымъ опасностямъ подвергавшаяся, да идетъ благополучно; ибо двое они вмѣстѣ превосходятъ тысячу.

Ты же, какъ царской чести то приличнѣе, съ другими, молю тебя, останься въ ожиданіи при вратахъ; и когда они, какъ надѣюсь, по сожженіи башни возвратятся, и ежели толпа враговъ за ними погонится, тогда ты отрази ихъ, подкрѣпи и выручи спасающихся. Тако единъ Царь речетъ, другой словамъ его повинуется, но не охотно.

Тогда Исменъ присовокупляетъ: не ис-

ходите скоро; да продлится ночь; я между тѣмъ приготовлю составъ, отъ котораго непріятельская башня удобнѣе воспылаетъ. Можетъ быть, помедля нѣсколько, найдете вы окружающихъ ее стражей спящими. Тако положили, и всякъ отходитъ къ себѣ, ожидая наступленія часа для совершенія сего великаго намѣренія.

Клоринда слагаетъ съ себя сребротканную одежду, и лучезарный шлемъ, и великолѣпные доспѣхи; она, какъ бы по нѣкоему злопредвѣщанію, облекается въ иное черно-багровое одѣяніе, безъ перьевъ и украшеній; ибо въ ономъ мнитъ быть не познанною отъ непріятельскихъ войскъ. Скопецъ Арсетъ присутствовалъ въ то время съ нею; она отъ самыхъ пеленъ своихъ была имъ воспитана.

Онъ повсюду, не смотря на глубокую старость свою, за нею слѣдовалъ. Сей видя перемѣну доспѣховъ ея, предузналъ, на какую опасность она покушается: онъ преисполнился печалію, и бѣлыми власами своими въ попеченіяхъ о ней посѣдѣвшими, и памятію услугъ своихъ заклиная, неотступно умолялъ ее, чтобъ она предпріятіе свое оставила; но она пребывала въ немъ упорно.

Напослѣдокъ онъ сказалъ ей: когда ты къ собственной пагубѣ своей толико тверда и непреклонна, что ни старыхъ лѣтъ

моихъ, ни любви моей къ тебѣ, ни прозьбъ, ни слезъ моихъ не уважаешь, то я откроюсь тебѣ болѣе: ты узнáешь о состояніи своемъ то чего никогда прежде не знала. Послѣдуй тогда своимъ желаніямъ, или моему совѣту. По сихъ словахъ она пристально устремляетъ на него взоры, а онъ продолжаетъ.

Въ Ѳеіопіи царствовалъ, а можетъ быть и нынѣ еще царствуетъ, обладавшій благополучно ею Сенапъ; онъ и чернолицый народъ его покланяются Христу. Я, Магометанинъ и невольникъ, вмѣстѣ съ женскимъ поломъ приставленъ былъ служить супругѣ его, его царицѣ черной, но чернота не отнимала красоты.

Царь пылалъ къ ней страстію, но огнь любви его равенъ былъ мразу ревности: мучительное чувство сіе мало по малу въ подозрительномъ сердцѣ его возрастая, до такой наконецъ степени достигло, что онъ заперъ супругу свою въ уединенное мѣсто, и хотѣлъ бы сокрыть ее не токмо отъ людскихъ очей, но чтобъ и небесныя звѣзды на нее не взирали. Она, благоразумная и послушная, охотно повиновалась всему, что супругу ея было угодно.

На стѣнахъ храмины ея изображены были многія изъ священныхъ и жалостныхъ повѣствованій почерпнутыя живописанія, между коими являлась одна бѣлолицая, съ

играющимъ на ланитахъ ея румянцемъ, прекрасная дѣва, и на нее, прикованную, устремлялся съ разинутою пастью страшный змій. Вооруженный копіемъ воинъ поражалъ сіе чудовище и окровавленное повергъ оное къ своимъ ногамъ. Царица часто предъ симъ изображеніемъ съ живыми чувствами и умиленіемъ преклонялась.

Между тѣмъ она очреватѣла и родила бѣлую дѣвицу; ты была сей плодъ: она удивилась, и сей необычайный цвѣтъ не меньше, какъ бы и новое чудовище, привелъ ее въ трепетъ: зная супруга своего ярость, когда онъ по бѣлизнѣ лица твоего въ вѣрности ея усумнится, она рѣшилась наконецъ скрыть отъ него новорожденное дитя.

И вмѣсто тебя предпріемлетъ показать ему черную почти въ тожъ время родившуюся дѣвицу. И какъ башня, въ коей она содержалась, ни кѣмъ инымъ, кромѣ женъ и меня, не была обитаема, то и поручила она тебя некрещеную мнѣ, искренно ей преданному и съ усердіемъ служившему. Ты не могла воспріять крещенія, потому что обычаи той земли еще того не позволяли.

Она съ горькими слезами отдала мнѣ тебя на воспитаніе въ далекихъ отъ ней странахъ. Кто можетъ описать горесть ея и стократно повторяемыя при послѣднемъ прощаніи лобызанія? съ поцѣлуями ли-

лись слезы и ласки ея къ тебѣ прерывались безпрестанными рыданіями. Возвела напослѣдокъ очи на небо и рекла: о Боже! ты во всякое таинство проницаешь и внутренность души моей зришь.

Ты знаешь, безпорочно ли сердце мое, и соблюла ли я въ чистотѣ плоть мою и брачное ложе. Не молю за себя, тысячами другихъ преступленій оскверненную и милосердія твоего недостойную; спаси невиннаго младенца, коему отрицаетъ мать груди своей млеко. Да будетъ онъ живъ и токмо честностію мнѣ подобенъ; щастливымъ же быть да наставитъ его другой.

Ты небесный воинъ, избавившій юную дѣву отъ лютыхъ угрызеній змія, естьли возжигала я предъ тобою свѣщу благоговѣнія, естьли когда либо украшала образъ твой златомъ и курила предъ нимъ жертву благоуханія, прими подъ кровъ твой сію вѣрную тебѣ рабу, ходатайствуй о ней, и да прибѣгаетъ она къ тебѣ во всякихъ обстояніяхъ жизни. Тутъ умолкла; сердце ея стѣснилось и смертная блѣдность по лицу ея распростерлась.

Я проливая слезы взялъ тебя и въ малой корзинкѣ подъ листьями и цвѣтами сокрытую унесъ. Ни единое око человѣческое тебя не зрѣло, и не единое о семъ слово изъ устъ моихъ не излетѣло. Тайными

нутями пробравшись шелъ я чрезъ густой, дремучій лѣсъ; какъ вдругъ увидѣлъ сверкающую яростными очами ужасную на встрѣчу текущую ко мнѣ львицу.

Я бросился на древо и тебя на травѣ оставилъ: толь великій объялъ меня страхъ! лютый звѣрь приходитъ и гордую главу преклоня на тебя смотритъ. Зракъ его смягчается, ярость исчезаетъ, и въ очахъ является кротость. Онъ тихо къ тебѣ подступаетъ и языкомъ своимъ тебя лижетъ, а ты улыбаешься и его ласкаешь.

Ты играя съ нимъ, слабую руку свою безъ боязни къ острымъ зубамъ его простираешь. Львица, на подобіе кормилицы, становится и приближаетъ сосцы свои къ устамъ твоимъ; ты ихъ пріемлешь и сосешь. Я въ страхѣ и смятеніи смотрю на сіе удивительное, необычайное зрѣлище. Дикій звѣрь, напитавъ тебя млекомъ своимъ, уходитъ въ густоту лѣса.

Я слезаю съ дерева, беру тебя, и продолжаю тотъ же путь, которымъ прежде шелъ. Прихожу наконецъ въ нѣкій малый градецъ и въ немъ тайно тебя воспитываю. Солнце совершаетъ годовой кругъ свой и новаго круга третію часть: языкъ твой разрѣшается, ты начинаешь лепетать, и ноги твои, еще не твердыя, пишутъ по землѣ кривые слѣды.

Но богатый и пресыщенный златомъ, щедро при отбытіи моемъ царицею мнѣ даннымъ, чувствуя обремененіе приближающейся старости и наскуча безпокойною странническою жизнію, пожелалъ я возвратиться въ отечество, дабы на любимой родинѣ съ старыми друзьями пожить и въ зимніе холоды у собственнаго огня своего погрѣться и побесѣдовать.

И такъ отъѣзжаю, беру тебя съ собою, и путь мой въ Египетъ, гдѣ я родился, направляю. Вдругъ, по прибытіи къ рѣкѣ, вижу себя стѣсненнымъ съ одной стороны разбойниками, съ другой рѣкою. Что дѣлать? Спастись хочу, но тебя, драгое бремя, оставить не желаю. Въ сей крайности кидаюсь вплавь и одною рукою держу тебя, а другою разсѣкаю волны.

Потокъ былъ весьма быстрый, вода по срединѣ сама себя крушитъ и вертится. Подплывая къ тому мѣсту, гдѣ она глубже и водовращеніе больше, чувствую, что она меня тянетъ и погружаетъ на дно: тогда выпускаю тебя изъ рукъ, но вода подъемлетъ и вѣтръ совокупно съ нею выносятъ тебя безвредну на мягкій берегъ. По семъ и я изнеможенный и едва дышущій выплываю на оный.

Съ веселіемъ беру тебя, и потомъ, когда ночь простерла повсюду глубокую ти-

шину, вижу во снѣ воина, который съ угрозами обнаженный мечъ свой къ груди моей приставя, повелительно вѣщалъ мнѣ: исполни, что отъ матери тебѣ поручено, окрести младенца сего, любимаго небесами, и моему попеченію ввѣреннаго.

Я хранитель и защитникъ его; я далъ духъ жалости звѣрю и разумъ водѣ. Горе тебѣ, естьли сну сему не повѣришь; онъ низпосланъ съ неба. Тутъ воинъ умолкъ. Я проснулся, возсталъ, и съ первыми лучами солнца стопы мои оттолѣ направилъ. Но почитая вѣру мою правою, и сновидѣніе мечтою, окрестить тебя не мыслилъ,

Прозьбѣ матери твоей не исполнилъ; воспиталъ тебя въ магометанствѣ, и то, что происходило, отъ тебя сокрылъ. Ты возрасла и смѣлостію духа и храбростію далеко полъ свой и природу превысила, славу и области пріобрѣла, и какъ потомъ жизнь свою провождала, сама знаешь, и вѣдаешь также, что вмѣстѣ отцемъ и служителемъ я слѣдовалъ за тобою во всѣхъ твоихъ воинскихъ путешествіяхъ.

Наконецъ вчера, на утренней зарѣ, когда погруженъ я былъ въ тяжкій, подобный смерти сонъ, явился мнѣ тотъ же самый образъ, но болѣе смятенный зракомъ, и болѣе во гласѣ грозный: се, рекъ онъ, измѣнникъ, часъ наступаетъ, въ который жизнь

и судьба Клориндина должна премѣниться. Не смотря на твое непослушаніе, она будетъ моя, а ты наслѣдуешь горесть и слезы. Сказавъ сіе полетѣлъ и въ воздухѣ исчезъ.

Теперь видишь, о возлюбленная, что небо угрожаетъ тебѣ страшными приключеніями. Не знаю, можетъ быть оно не благоволитъ, что воспиталъ я тебя въ различной съ твоими родителями вѣрѣ; можетъ быть вѣра ихъ есть правая. Ахъ! отложи сіе оружіе, и духа твоего смѣльство обуздай. Тутъ умолкъ и проливалъ слезы; она же устрашенная погружается въ мысли, какъ бы другой подобный же сонъ обременилъ ея сердце.

Напослѣдокъ воспріявъ прежнюю веселость вѣщаетъ ему: послѣдую той вѣрѣ, кажущейся мнѣ правою, которую ты съ молокомъ кормилицы въ грудь мою влилъ, и теперь приводишь меня въ сомнѣніе о ней. Не хочу, чтобъ подвигнутая страхомъ, отреклась я отъ моего предпріятія: таковый поступокъ неприличенъ великодушному сердцу; не отложу оружія, хотя бы смерть, приводящая въ содроганіе смертныхъ, въ самомъ ужаснѣйшемъ видѣ предстала предо мною.

По семъ старалась она утѣшить плачущаго старца; и когда часъ къ исполненію

намѣренія насталъ, тогда пошла она обрѣсти воина идущаго съ нею на сей великій подвигъ. Исменъ соединяется съ ними, и рвеніе, уже и безъ того пылкое въ нихъ, словами своими еще болѣе умножаетъ. Онъ даетъ имъ два сѣросмольные шара и заключенный въ мѣдномъ сосудцѣ для возжиганія ихъ огнь.

Они ночью исходятъ безмолвны, и по горѣ ступаютъ длинными и частыми шагами, покуда не приближились къ тому мѣсту, гдѣ вознося главу свою стоитъ огромная непріятельская башня. Духъ возгорѣлся, сердце въ нихъ закипѣло, такъ что въ порывахъ гнѣва желали бы они мгновенно все превратить въ кровь и огонь. Стража окликаетъ ихъ и опрашиваетъ.

Они идутъ не отвѣтствуя: тогда стража громкимъ гласомъ къ оружію, къ оружію, повторяя возглашаетъ. Тутъ храбрая чета не медлитъ и не скрываетъ себя болѣе: какъ молнія или бомба вмѣстѣ съ возблистаніемъ гремитъ и ударяетъ, такъ они вдругъ и во единъ мигъ кидаются, нападаютъ, разятъ, прорываются и достигаютъ.

Тысячи мечей и тысячи ударовъ не могли воспрепятствовать ихъ успѣхамъ. Раскрываютъ огниво и возженными фитилями воспаляя огнеліющіе шары повергаютъ ихъ во внутренность многодревой громады. Кто

можетъ изобразить, какъ извивается, растетъ и повсюду распространяется пламя? и какой густой, свѣтлость звѣздъ помрачающій, валитъ дымъ?

Зри, какъ пламенные клубы въ черномъ крутящемся дыму вращаются и несутся къ небу! Вѣтръ воетъ, и умножая силу пожара, многіе огни во единъ совокупляетъ. Яркое сіяніе свѣта поражаетъ ужасомъ очи Франковъ: всѣ они съ поспѣшностію вооружаются. Огромная, толико въ брани страшная башня, падетъ, и во единъ краткій часъ толь долговременные труды погибаютъ.

Два полка Христіянскихъ немедленно между тѣмъ притекаютъ. Аргантъ, обращая къ нимъ чело свое, вопіетъ грозно: я кровію вашею потушу пожаръ! однакожъ оба они вмѣстѣ съ Клориндою мало по малу отступаютъ, направляя стопы свои къ вершинѣ холма. Противныя силы умножаясь, на подобіе возрастающаго послѣ дождя источника, наступаютъ на нихъ, текутъ за ними на высоту горы.

Златыя врата отверзаются, и царь съ вооруженнымъ народомъ своимъ исходитъ во срѣтеніе и спасеніе двумъ послѣ толикаго подвига благополучно возвращающимся витязямъ. Силы Франковъ несутся въ слѣдъ за ними; Солиманъ отражаетъ ихъ; врата

поспѣшно запираются, и всѣ кромѣ Клоринды находятся въ стѣнахъ градскихъ.

Она единая осталась внѣ оныхъ, потому что во время запиранія вратъ яростная и озлобленная кинулась за уязвившимъ ее Аримономъ. Наказала его; но свирѣпый Аргантъ не примѣтилъ ея отсутствія; ибо темнота воздуха и шумное смятеніе битвы не позволяли ни очамъ видѣть, ни сердцу помышлять о спасеніи другихъ.

Когда же потомъ, по утоленіи мщенія въ крови врага своего, она опомнилась и увидѣла, что врата заперты и тмочисленныя непріятельскія силы окружаютъ ее, тогда отчаялась въ жизни; однакожъ примѣтя, что никто на нее не обращается, къ новой для спасенія своего хитрости прибѣгаетъ: притворяется быть единымъ изъ нихъ, смѣшивается съ ними, и ни кѣмъ не познанная между ими пребываетъ.

Подобно какъ волкъ, послѣ содѣланнаго имъ тайнаго преступленія, ищетъ потихоньку удалиться въ лѣсъ, такъ она при помощи мрака и смятенія старается скрыться и уйти. Отъ единаго Танкреда не могла она утаиться: онъ въ то самое время прибылъ, когда она убила Аримона, замѣтилъ ее, и въ слѣдъ за нею устремился.

Хочетъ сразиться съ нею; онъ почитаетъ ее мужемъ, достойнымъ испытанія

съ нимъ своей силы. Востекаетъ за нею на высоту горы, куда она къ другимъ вратамъ путь свой направляла. Гонится поспѣшно, такъ что шумъ оружія возвѣщаетъ ей о немъ прежде, нежели онъ до нее достигнулъ. Она обращается и вопрошаетъ: о ты, толь быстро за мною скачущій, что такое приносишь ты ко мнѣ? Онъ отвѣтствуетъ: войну и смерть.

Пріемлю, прерываетъ она, война тебѣ и смерть, когда ты ищешь ихъ. Тако изрекши останавливается и ожидаетъ. Танкредъ, видя соперника своего пѣшимъ, не хочетъ воспользоваться преимуществомъ всадника, и съ коня своего сходитъ. Оба извлекаютъ острые мечи, и воспалясь гнѣвомъ и гордостію, единъ на другаго наступаютъ, подобно двумъ ревностію другъ противъ друга разъяреннымъ воламъ.

Битва ихъ толь достопамятная была бы достойна свѣтлаго дня, достойна всемірнаго созерцанія. О ночь, ты сокрывшая въ мрачныхъ нѣдрахъ своихъ и въ забвеніи толь блистательные подвиги, позволь да извлеку ихъ на свѣтъ и будущимъ потомкамъ предамъ. Да живетъ слава сихъ подвижниковъ, и въ славѣ ихъ да сіяетъ мрака твоего память.

Ни уклоняться, ни отражать, ни отступать, не хотятъ они; всякую хитрость

отлагаютъ; ни притворныхъ ударовъ, ни полной всѣмъ тѣломъ выпадки, ни осторожной осадки, не употребляютъ: ночь и гнѣвъ не даютъ искуству мѣста. Слышно только, что мечи ихъ средина объ средину ужасно ударяютъ. Никто никуда не ступитъ: нога стоитъ твердо, и рука въ безпрестанномъ движеніи. Колетъ ли мечъ, или сѣчетъ, нѣтъ ни единаго празднаго удара.

Оскорбленіе возбуждало гнѣвъ къ отмщенію, а мщеніе порывало къ возобновленію оскорбленія: отселѣ къ скорымъ и лютымъ ударамъ всегда новая раждалась причина и побужденіе, такъ что при тѣснѣйшемъ отчасу сближеніи мечамъ не доставало простора: бьются рукоятками, и въ ярости и злобѣ ударяются шлемами, пинаются щитами.

Трижды Танкредъ сильными руками охватываетъ Клоринду, и трижды вырывается она изъ крѣпкихъ его объятій, объятій не страстнаго любовника, но гордаго врага. Возвращаются опять къ мечамъ, и снова обагряютъ ихъ въ крови одинъ другаго; но оба наконецъ израненые, изнемогшіе, послѣ долгой битвы расходятся отдохнуть.

Другъ на друга смотрятъ, кровоточащимъ тѣломъ на яблоко меча своего опершись. Уже при первомъ на востокѣ возгараніи зари блескъ послѣдней звѣзды блѣ-

днѣетъ. Танкредъ видитъ соперника своего изливающимъ болѣе крови, самаго же себя чувствуетъ меньше уязвленнымъ. Радуется тому и гордится. О безумный разумъ нашъ, всякою мечтою щастія величающійся!

Нещастный, чему ты радуешься? О коль горестны будутъ злополучное торжество твое и побѣда! Очи твои, естьли ты останешься живъ, заплатятъ за каждую каплю сей крови моремъ слезъ. Тако оба окровавленные воина въ безмолвіи другъ друга озираютъ. Наконецъ Танкредъ, желая узнать имя противника своего, прерываетъ молчаніе и вѣщаетъ:

По нещастію нашему мы толь храбро сражаемся тамъ, гдѣ никто насъ не видитъ; но когда уже неблагопріятная судьба отрицаетъ намъ и въ похвалахъ и въ свидѣтеляхъ, то прошу тебя, естьли прозьба въ битвѣ имѣетъ мѣсто, открой мнѣ имя твое и санъ, дабы я, побѣжденнымъ ли останусь или побѣдителемъ, зналъ, кто почтилъ меня или смертію или торжествомъ.

Отвѣтствуетъ гордая: напрасно вопрошаешь меня о томъ, чего я никому не объявляю. Но кщобъ я ни былъ, ты видишь предъ собою одного изъ тѣхъ, которые огромную башню вашу превратили въ пепелъ. При сихъ словахъ Танкредъ воскипѣлъ гнѣвомъ: ты худо сдѣлалъ, возопилъ, что въ

томъ мнѣ открылся; твое молчаніе въ одномъ, и признаніе въ другомъ, нечестивый Сарацинецъ, равно порѣваютъ меня къ мести.

Ярость снова въ сердцахъ ихъ возгарается, и побуждаетъ, хотя слабыхъ, вступить въ бой. О коль лютая битва, гдѣ силы истощены, искуство оставлено, и только одно свирѣпство заступаетъ ихъ мѣсто! О какія кровавыя и глубокія раны тотъ и другой мечъ наноситъ, раздробляя доспѣхи и водружаясь въ тѣло! и естьли жизнь еще не исходитъ изъ нихъ, то отъ того токмо, что сила гнѣва не допускаетъ ее оторваться отъ ихъ груди.

Подобно какъ глубокое Эгейское море, югомъ и западомъ воспѣненное, хотя они и укротятся, не скоро утихаетъ; но колыхается и плещетъ еще шумными волнами: такъ они, хотя съ изліяніемъ крови потеряли силу, съ какою рука ихъ ударяла, однако сохраняютъ еще въ себѣ прежнюю запальчивость, и порѣваемые ею ударъ за ударомъ другъ другу наносятъ.

Но се настаетъ роковой часъ, долженствующій пресѣчь дни Клориндины. Танкредъ вонзаетъ въ прекрасныя перси ея мечъ свой; кровь течетъ по немъ, и злашотканная одежда, легко и нѣжно обвивавшаясь вокругъ пухлыхъ грудей ея, наполняется сею горячею влагою. Она чувствуетъ себя уми-

рающею, и слабые ноги подъ нею подламываются.

Онъ продолжаетъ побѣду свою, и на пораженную дѣву грозно наступаетъ и тѣснитъ. Она упадаетъ и томнымъ гласомъ произноситъ послѣднія слова; слова, новымъ духомъ ей внушенныя: духомъ вѣры, любви и упованія; добродѣтелей, какія въ тотъ мигъ возсоздать въ ней угодно было Богу, восхотѣвшему непокорную въ жизни содѣлать ее въ смерти своею рабою.

Мой другъ (промолвила она), ты побѣдилъ; я прощаю тебѣ; прости и ты, не тѣлу моему, нѣтъ, оно ничего не страшится; но душѣ моей. Такъ! помолись за нее; окрести меня, и всякую вину мою омой. Въ сихъ слабымъ гласомъ произнесенныхъ словахъ звучало нѣчто сладкое и жалостное, дошедшее до глубины сердца его, и понуждавшее, потуша въ немъ гнѣвъ, очи его къ слезамъ.

Недалече оттолѣ изъ нѣдръ горы журча истекалъ малый ручей. Танкредъ побѣжалъ туда, и почерпнувъ шлемомъ воды, печально возвратился назадъ, дабы исполнить великое и благочестивое дѣло. Руки его дрожали, когда онъ снималъ шлемъ съ чела ея и открывалъ еще невѣдомое ему лице. Увидѣлъ, узналъ, и сталъ безгласенъ

и неподвиженъ. О зрѣлище! о поздное узнаніе!

Онъ не умеръ однакожъ; но собралъ всѣ свои силы, оградилъ ими сердце свое, и преодолѣвая въ себѣ горесть, обратился дать водою жизнь той, которую убилъ мечемъ. Покуда читалъ онъ божественныя молитвы, зракъ ея просіявалъ радостію, она улыбалась, и душу тихо и спокойно испуская, казалось вѣщала: небо отверзается; я иду съ миромъ.

Бѣлизна лица ея покрылась томною блѣдностію, подобно какъ бы цвѣтъ лилей смѣшался съ цвѣтомъ фіялокъ. Она устремила очи на небо, и казалось небо и солнце съ жалостію на нее смотрятъ; приподняла обнаженную, хладную руку, и вмѣсто словъ простерла ее въ знакъ мира къ Танкреду. Тако скончалась прелестная дѣва, и казалась быть уснувшею.

Какъ скоро Танкредъ узрѣлъ, что душа ея благороднѣйшая разлучилась съ тѣломъ, вся собранная имъ твердость духа пришла въ изнеможеніе. Онъ теряетъ надъ собою владычество и предается необузданному грызенію печали, которая стиснувъ сердце его, и сжавъ жизненныя силы, наполнила чувства и покрыла лице его хладомъ смерти. Онъ живой уподобился мертвому, и цвѣ-

томъ, и безмолвіемъ, и неподвижностію, и охладѣніемъ крови.

Конечно слабые, исчезающіе остатки противной, несносной жизни своей прервалъ бы онъ, дабы въ скорости послѣдовать за тою, которой душа, столь любезная ему, отъ него улетѣла; но нечаянно отрядъ Христіянскихъ войскъ, посланный за водою и другими потребностями, наѣхалъ на нихъ, и взялъ съ собою обоихъ, одну бездушную, а другаго въ самомъ себѣ едва дышущаго, а въ ней съ нею умершаго.

Вождь отряда, бывъ еще въ нѣкоторомъ отдаленіи, узналъ Танкреда по оружію, и приближась увидѣлъ съ сожалѣніемъ убитую дѣву: онъ удивился сему неожидаемому случаю, и хотя почиталъ ее магометанкою, однакожъ не желая толь прекрасное тѣло оставить въ снѣдь волкамъ, велѣлъ ихъ обоихъ взять и на рукахъ отнести въ Танкредовъ шатеръ.

Во время тихаго и бережливаго шествія сего Танкредъ пребылъ безчувственъ, и токмо по однимъ слабымъ стенаніямъ его могли узнавать, что нить жизни его еще не пресѣкалась. Но другое тѣло безгласное и неподвижное являло, что уже въ немъ нѣтъ дыханія. Тако несли ихъ одного подлѣ другаго, но по пришествіи положили въ разные покои.

Тотчасъ къ лежащему на одрѣ витязю

притекли усердные домочадцы его и слуги. Уже попеченіями ихъ сомкнутыя очи его начинають отверзаться; онъ видитъ цѣлебную руку врачей, и слышитъ голосъ ихъ; но изумленная душа его возврату жизни своей не вѣритъ: онъ смотритъ дикими взорами окрестъ себя, и узнавая мѣсто и прислужниковъ печально и томно произноситъ:

Я живъ? я дышу еще? и ненавистные лучи злополучнаго дня сего еще вижу? дня, который былъ свидѣтелемъ сокрытыхъ во мракѣ злодѣйствъ моихъ, и меня за мои преступленія жестокимъ свѣтомъ своимъ укоряетъ! О вялая и робкая рука, ахъ! ты, которая такъ умѣла поражать, ты, виновница лютой и преужасной смерти, почто не дерзаешь теперь гнусную жизнь мою прервать?

Пронзи грудь мою и пагубнымъ желѣзомъ твоимъ разорви сердце мое на части! Но можетъ быть, обыкшая къ дѣламъ свирѣпымъ и звѣрскимъ, почитаешь ты за милосердіе убить во мнѣ мою печаль. И такъ я буду жить, чтобъ между мерзостными примѣрами быть достопамятнѣйшимъ чудовищемъ пренещастной любви; чудовищемъ, которое одною токмо казнію можетъ достойно быть истязано; казнію, жить за безмѣрное злодѣяніе во всегдашнемъ презорствѣ и мученіи.

Я буду жить и терзаться, безумный, скитающійся, раздираемый горестями. Уединеніе и мракъ, напоминая мнѣ о моемъ злодѣйствѣ, станутъ ужасать меня. Солнца, освѣтившаго мое преступленіе, я буду убѣгать и зрака его страшиться. Самъ себя возненавидя, и отъ себя самаго всегда удаляясь, вездѣ самъ съ собою буду.

Но гдѣ, о нещастный! гдѣ почиваетъ тѣло ея безпорочное и прекрасное? Можетъ быть то, что въ немъ отъ ярости моей уцѣлѣло, зубами хищныхъ звѣрей обезображено. О чрезмѣру благороднѣйшая для нихъ добыча! о сладкая, драгая, и всякую цѣну превышающая пища! О презлополучный я! Сперва уединеніе и ночь раздражили меня, а потомъ уже дикихъ звѣрей.

Иду, любезные остатки, иду обрѣсти васъ туда, гдѣ вы возлежите; естьли же найду, что прекрасные члены ея растерзаны жадностію звѣрей, то пусть и меня тѣжъ самые зубы растерзаютъ, и такъ самая, поглотившая ихъ утроба, поглотитъ. Всякій гробъ для меня честенъ и милъ, гдѣ токмо съ нею заключенъ буду.

Тако рекъ нещастный; ему возвѣщаютъ, что тѣло Клориндино, о коемъ онъ толико сокрушается, находится здѣсь. Тогда на мрачномъ лицѣ его появилось нѣкое удовольствіе, на подобіе сверкнувшей сквозь облако

молніи. Онъ поднялъ съ одра тяжелые члены свои, и съ трудомъ переступая, повлекся, шатаясь, туда.

Когда же пришелъ и увидѣлъ на прекрасной груди злую, рукою его нанесенную рану, и блѣдное, потухшее лице, на подобіе ночнаго неба еще свѣтлое, такъ вострепеталъ, что упалъ бы, естьлибъ его не поддержали. По семъ возопилъ: о лице! ты, которое смерть можешь дѣлать сладостною, но мою судьбу усладить не можешь.

О любезнѣйшая десница, съ ласкою въ залогъ дружбы и мира ко мнѣ простиравшаяся, какими, злополучный, вижу васъ теперь? и какимъ сюда прихожу? а вы, прелестные члены, вы уже не тѣ, что были прежде. Ахъ! что вы стали? лютаго и звѣрскаго гнѣва моего бѣдные и плачевные признаки. О столько же, какъ и рука, злобныя очи мои! она сотворила сіи раны, а вы на нихъ взираете!

Взираете безъ слезъ. Пусть же вмѣсто слезъ, когда вы отрицаетесь проливать ихъ, потечетъ кровь моя. Тутъ умолкаетъ, и движимый отчаяннымъ желаніемъ умереть, срываетъ перевязки съ ранъ своихъ, и кровь изъ нихъ полилась ручьями. Онъ бы убилъ себя, естьлибъ сія самая надъ собою жестокость, отнявъ у него память, не послужила къ его спасенію.

Относятъ его на ложе и новыми стараніями готовую излетѣть душу призываютъ паки въ ненавистную жизнь. Но слухъ не молчитъ о безмѣрной печали и нещастномъ его состояніи. Онъ привлекаетъ къ нему Готфрида и другихъ знаменитыхъ его друзей. Однакожъ ни важныя увѣщанія, ни дружескіе совѣты не смягчаютъ упорной горести души его.

Подобно какъ въ нѣжномъ членѣ смертельная рана отъ прикосновенія къ ней больше раздражается и болитъ, такъ отъ ласковыхъ убѣжденій, въ толь великомъ злѣ, утѣшаемое сердце болѣе разрывается. Но достопочтенный Петръ, сострадая какъ добрый пастырь о заблуждшей овцѣ, укоряетъ долгое изступленіе его, и тако ему вѣщаетъ:

О Танкредъ, Танкредъ! о на самаго себя и на правила свои не похожій! кто помрачилъ толико умъ твой? какое густое облако слѣпоты возлежитъ на очахъ твоихъ? случившееся съ тобою нещастіе послалъ къ тебѣ Богъ: развѣ ты не видишь его? развѣ гласа его не слышишь? онъ громко вопіетъ къ тебѣ, и тебя, съ прежняго пути своего совратившагося, призываетъ на него и указуетъ оный.

Онъ призываетъ тебя къ первымъ дѣламъ твоимъ, достойнымъ воина Христова,

и къ той обязанности, которую ты оставилъ, чтобъ содѣлаться, о недостойный промѣнъ! обожателемъ невѣровавшей въ него музульманки. Благодатная ненависть, милосердый гнѣвъ небесный наказуетъ безумную вину твою легкимъ бичемъ, и тебя самаго спасителемъ твоемъ дѣлаетъ, а ты ропщешь и отвергаешь?

Отвергай, неблагодарный, отвергай, коль такъ, спасительный даръ небесъ, и оскорбляй ихъ роптаніемъ твоимъ! Злополучный! куда стремишься ты, строптивой и буйной печали твоей предаваясь? Ты уже на краю вѣчной пропасти, преклонился къ паденію, висишь надъ нею, и того не видишь? воззри, молю тебя, воззри на нее, и обуздай или по крайней мѣрѣ укроти неистовую горесть твою, влекущую тебя въ сугубую смерть.

Умолкъ; и страхъ отъ единой изъ сихъ смертей, отъемля у Танкреда желаніе предаться другой, даетъ въ сердцѣ его мѣсто утѣшенію, уменьшаетъ владычество душевной, снѣдавшей его тоски; однакожъ не столько, чтобъ время отъ времени онъ не стеналъ и языкъ его не произносилъ жалобъ. Иногда онъ самъ съ собою размышляетъ, иногда бесѣдуетъ съ тою оставившею тѣло душею, которая можетъ быть внимаетъ ему на небесахъ.

Ее съ захожденіемъ, ее съ восхожденіемъ солнца зовешъ, и умоляешъ, и оплакиваешъ. Тако соловей, у коего жестокій поселянинъ похишилъ изъ гнѣзда неоперившихся еще шшенцевъ, шоскуешъ въ уединеніи, плачешъ по ночамъ, и печальнымъ пѣніемъ своимъ наполняешъ лѣсъ и воздухъ. Напослѣдокъ на ушренней зарѣ Танкредъ смыкаешъ очи, и сонъ прокрадываешся въ нихъ сквозь слезы.

Онъ видишъ во снѣ Клоринду: она является ему въ свѣшозарномъ одѣяніи, сшократно прекраснѣе, чѣмъ была прежде; но небесное сіяніе и лѣпоша не ошнимали у ней прежняго ея образа. Казалось она жалостною рукою ошерла шекущія слезы его, и шако рекла: зри, вѣрный другъ мой, сколь я прекрасна и весела, зри, и во мнѣ ушѣшься.

Симъ состояніемъ шебѣ я обязана; шы по незнанію исшоргъ меня изъ числа живыхъ; шы, подвигнушый жалосшію, содѣлалъ меня досшойною взойши на небеса и водворишься между бозсмершными. Здѣсь наслаждаюсь я блаженсшвомъ и любовію; здѣсь, надѣюсь, и шы гошовишь себѣ мѣсто, гдѣ при лучезарномъ солнцѣ и вѣчномъ свѣшѣ дня будешъ шы любовашься ихъ красошою, и моею.

Не лиши шокмо самъ себя небеснаго цар-

ства, и заблужденіямъ чувствъ не предавайся. Живи, и знай, что я люблю тебя, не сокрываю, колико тварь любить возможно. Тако вѣщая блистала необычайною смертнымъ въ очахъ ея ласкою; потомъ во внутренность лучей своихъ погрузла, скрылась отъ взоровъ, и пролила новую въ душу его отраду.

Онъ возстаетъ спокойнѣе, и осторожной врачующихъ помощи болѣе не отвергаетъ. Между тѣмъ велитъ предать погребенію тѣло, въ коемъ толь благородная душа обитала, и хотя гробъ ея не былъ изваянъ рукою Дедала и украшенъ драгими каменіями, однакожъ, сколько обстоятельства позволяли, отличнымъ художникомъ избранному камню данъ былъ приличный образъ.

Знаменитые сопровождатели, устроясь въ длинные ряды, съ возженными свѣщами шли за гробомъ. Доспѣхи ея, собранныя въ видъ воина, повѣшены были на обнаженной отъ вѣтвей соснѣ. На другой день, когда Танкредъ могъ возстать съ одра своего, исполненный жалостію и почтеніемъ посѣтилъ онъ прахъ усопшей.

Когда пришелъ къ могилѣ, назначенной отъ небесъ быть плачевною для души его темницею, блѣдный, хладный, безгласный, и почти безчувственный, устремилъ взоры свои на мраморъ. Наконецъ тихимъ гласомъ

съ горькимъ рыданіемъ изрекъ: о камень, толико мнѣ любезный и почтенный, въ тебѣ мой огнь сокрытъ, и на тебя слезы мои ліются. . . . .

Нѣтъ, ты не смерти, но живаго, любовію одушевляемаго пепла жилище. Прикасаясь къ тебѣ я чувствую исходящій отъ тебя тотъже самый пламень, меньше сладостный, но не меньше воспаляющій сердце мое. Увы! прими вздохи мои, прими горькія слезы и лобзанія; дай ихъ по крайней мѣрѣ ты, когда я не могу, любезнѣйшему, живущему въ груди моей, сокрытому въ тебѣ праху. . .

Дай ихъ ты: естьли прекрасная душа ея обратитъ нѣкогда взоры свои на прежнее прекрасное свое обиталище, она не осердится на твою жалость и на мою дерзость: ненависти и гнѣва нѣтъ на небесахъ. Она проститъ мою вину: сею единою надеждою питается сердце мое посреди толикихъ мукъ. Она знаетъ, что не я, рука моя преступница, и не подосадуетъ, чтобъ тотъ, кто любя ее жилъ, любя ее и умеръ.

Такъ, я умру любя ее: щастливъ будетъ для меня тотъ день, когда я закрою глаза; но еще несравненно щастливѣе тотъ, когда я, скитающійся теперь вокругъ тебя, заключенъ буду въ твою утробу: дружныя наши души будутъ жить въ горнихъ селе-

ніяхъ; ея и мой прахъ во единомъ совокупятся гробѣ; мы не находя щастія въ жизни, найдемъ его въ смерти: о преблагополучная судьба, естьли надѣяться того позволено!

Между тѣмъ слухъ о нещастномъ съ Клориндою приключеніи носится смутно въ осажденномъ градѣ, и вскорѣ потомъ достовѣрно подтверждается. Печальная молва вмѣстѣ съ крикомъ и воплемъ женъ течетъ по стогнамъ, словно какъ бы лютый непріятель вломился уже во градъ, рушитъ его, и носитъ огнь по домамъ и храмамъ.

Но очи всѣхъ Арсетъ на себя обращаетъ, страшный взоромъ и стенаніями. Онъ, силою печали удрученный, не плачетъ, какъ другіе; но сѣдые власы свои посыпавъ нечистымъ пепломъ, рветъ ихъ и біетъ себя во грудь и главу. Народъ тѣснится и обступаетъ его. Тогда Аргантъ входитъ въ средину и тако возглашаетъ:

Примѣтя первый, что мужественная Клоринда осталась за вратами, я хотѣлъ тотчасъ послѣдовать за нею, дабы той же подвергнуться участи. Чего не сдѣлалъ, чего я не сказалъ? какими прозьбами не убѣждалъ царя, да повелитъ отверзть врата? но всѣ мои старанія были безуспѣшны: онъ, яко властитель, повелѣлъ мнѣ остаться.

Ахъ! естьли бы я тогда вышелъ, я бы

спасъ знаменитую дѣву и съ нею сюда возвратился, или бы тамъ, гдѣ она кровію своею обагрила землю, положилъ славно мою главу. Что могъ я болѣе сдѣлать? Боги и люди иначе опредѣлили. Рокъ осудилъ ее на смерть, но я должности моей не позабуду.

Внемли, Іерусалимъ, обѣтъ Аргантовъ; внемли ты, небо; и ежели я не исполню его, порази меня громомъ своимъ: клянусь отмстить смертоубійцѣ Франку за отнятіе у ней жизни. Не положу меча сего, доколѣ не растерзаю имъ Танкредова сердца, и не повергну смрадный трупъ его въ пищу вранамъ.

Тако рекъ: толпы народныя по окончаніи словъ его восплескали ему руками; ибо единое ожиданіе мести печаль и страхъ ихъ утѣшало. О тщетная клятва! вскорѣ противныя высокой надеждѣ оказались слѣдствія, и тотъ въ единоборствѣ рукою того палъ мертвъ, кого въ мечтаніяхъ своихъ воображалъ уже онъ побѣжденнымъ и убитымъ.

Конецъ второй-надесять пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

пѣснь третінадесять.

Едва великая, стѣноломная громада обратилась въ пепелъ, какъ уже Исменъ о новыхъ къ защитѣ града средствахъ помышляетъ: мнитъ воспрепятствовать Франкамъ въ доставаніи тѣхъ веществъ, изъ коихъ могутъ они для потрясенія и разрушенія стѣнъ градскихъ соорудить новую бойницу.

Въ нѣкоей не далеко отъ Христіянскаго стана дикой долинѣ возвышался густой древними, матерыми древесами исполненный лѣсъ, всю обширную окрестность мрачною тѣнію покрывающій. Въ немъ при самомъ величайшемъ сіяніи солнца едва свѣтятся слабые, блѣдные, померцающіе лучи, подобно какъ при облачномъ небѣ, приводящемъ въ сомнѣніе, день ли ночи, или ночь дню уступаетъ.

Но когда солнце закатится, тогда мгновенно вступаютъ въ него и тьма, и тучи, и туманы, и ужасы, кажущіяся быть адскими, и которыя, омрачая очи слѣпотою, наполняютъ сердце страхомъ. Никогда па-

стухъ не гоняетъ сюда стадъ своихъ; никогда утружденный путешественникъ не заходитъ подъ тѣнію его отдохнуть, но идетъ мимо, и токмо перстомъ на него указуетъ.

Здѣсь собираются колдуньи, и съ ними на облакахъ приносятся ихъ лѣшіе любовники, кто въ видѣ лютаго змія, кто въ образѣ брадатаго козла. Срамное скопище, привлекаемое приманчивостію гнусныхъ утѣхъ, состоящихъ въ нечестивыхъ пиршествахъ, скверныхъ обжорствахъ, и студныхъ дѣяніяхъ.

Таковымъ лѣсъ сей почитался. Никто изъ жителей сея страны не дерзалъ брать изъ него ни единыя розги. Но Франки нарушили сію неприкосновенность; ибо изъ онаго нужно имъ было созидать свои стѣнобойныя орудія. Туда, избравъ къ тому наставшую ночь, приходитъ волшебникъ Исменъ, и тамо чародѣйственные круги свои обводитъ и знаки начертаваетъ.

Распоясуется, обнажаетъ ноги свои, вступаетъ въ средину круга, и шепчетъ могущественныя слова. Трикраты обращается лицемъ къ востоку, и трикраты къ западнымъ странамъ солнца. Трикраты потрясаетъ жезлъ, коимъ мертваго подъемлетъ изъ гроба и даетъ ему движеніе. Трижды босою ногою топаетъ о землю, и потомъ страшнымъ гласомъ вопіетъ:

Внемлите, внемлите, о вы, громовыми перунами сверженные съ небесъ; и вы, тучи и бури наводящіе, разсѣянные по воздуху обитатели; и вы, душъ осужденныхъ грѣшниковъ вѣчные мучители, граждане геенскіе: всѣхъ васъ созываю, придите сюда; приди и ты, самъ лютаго огненнаго царства лютый царь.

Придите лѣсъ сей взять подъ свою стражу. Каждое древо сочтенное мною вручаю вамъ. Какъ душа обитаетъ въ тѣлѣ, служащемъ ей облаченіемъ, такъ каждый изъ васъ къ каждомъ древѣ да обитаетъ, дабы Франки не посмѣли къ вамъ приближиться, или по крайней мѣрѣ при первомъ ударѣ устрашились бы вашего гнѣва. Рекъ, и присовокупилъ къ тому ужасныя словеса, коихъ языкъ, не бывъ злочестивымъ, пересказать не можетъ.

При сихъ словахъ блескъ озаряющихъ темноту ночи небесныхъ огней погасъ; луна смутилась, и закрывъ рога свои облаками, не появлялась болѣе. Раздраженный Исменъ вопль свой возобновляетъ: что нейдете, духи призываемые? что медлите? развѣ ждете еще сильнѣйшихъ, еще таинственнѣйшихъ словъ?

Хотя долгое время не прибѣгалъ я къ крайнему въ чародѣйственныхъ наукахъ средству, непремѣнно дѣйствующему,

однако не забылъ оное, и еще умѣю черно-кровавымъ языкомъ моимъ произнесть то великое, страшное имя, при коемъ ни адъ глухъ и неподвиженъ, ни самъ царь его медленъ и непокоренъ быть не можетъ. Ежели вы . . . . . . ежели вы . . . . . . онъ хотѣлъ изречь; но увидѣлъ, что заклинанія его исполняются.

Летитъ несмѣтное, безконечное число духовъ, одни съ высоты воздуха, по коему они разсѣянные скиталися, другіе изъ глубины мрачныхъ пропастей земныхъ. Несутся медленно, трепещутъ еще отъ страшнаго повелѣнія не участвовать въ сей брани, но оное не воспрещало имъ поселиться и обитать въ стебляхъ древесъ и между листьями.

Волхвъ, по исполненіи всего, что для намѣреній его нужно было, возвращается съ веселіемъ къ Царю: Государь! отложи всякое сомнѣніе и будь спокоенъ; царскій престолъ твой безопасенъ: Франки, хотя и надѣются, но не могутъ соорудить снова стѣноломныхъ своихъ громадъ. Тако вѣщаетъ ему, единое за другимъ повѣдаетъ о успѣхахъ своего чародѣйства.

Потомъ присовокупляетъ: ко всему содѣянному мною возвѣщу тебѣ еще о единомъ не меньше для насъ пріятномъ: знай, что Марсъ и солнце скоро вступятъ

въ соединеніе съ небеснымъ львомъ, и тогда изыдетъ отъ нихъ нестерпимый, ни вѣтромъ, ни дождемъ, ни росою непрохлаждаемый зной. По всѣмъ признакамъ небо угрожаетъ самолютѣйшимъ жаромъ и сухостію.

Возгорится воздухъ у насъ больше, нежели у черныхъ Назамоновъ и Гарамантовъ. Намъ, живущимъ во градѣ изобильномъ водою и прохладными тѣнями, не будетъ онъ столь тягостенъ; но Франки на сухой и безлѣсной землѣ потерпятъ много, и утомленныхъ прежде небомъ, легко преодолѣетъ ихъ Египетское воинство.

Ты побѣдишь не исходя изъ града и не имѣя нужды вступать въ сраженіе. Но есть ли гордый Черкешанинъ, отвергающій всякій даже и честный покой, придетъ по обыкновенію своему преклонять тебя на брань, найди способъ обуздать его; время не продолжится, благопріятствующее небо скоро дастъ тебѣ миръ, а врагамъ твоимъ войну.

Слыша сіе Царь обнадеживается и не страшится непріятельскихъ силъ. Уже отчасти исправилъ онъ разломанныя ударами тарановъ стѣны; но и послѣ сего не перестаетъ отъ попеченія воздвигать и укрѣплять ихъ; и воинство, и жители града, и невольники, всѣ движутся и обращаются въ безпрестанныхъ трудахъ и работѣ.

Между тѣмъ благочестивый Готфридъ не хочетъ безполезно приступать къ стѣнамъ градскимъ, доколѣ не соорудится огромная бойница и другія стѣноломныя орудія. Онъ посылаетъ въ лѣсъ работниковъ для срубки и привоза потребныхъ на то деревъ. Они съ утреннею зарею идутъ туда, но при появленіи онаго, пораженные необычайнымъ ужасомъ останавливаются.

Подобно какъ боязливое дитя не смѣетъ взирать туда, гдѣ кажутся ему необыкновенные призраки, или страшится мрака ночи, воображая въ немъ пребываніе бѣсовъ и чудовищъ; такъ они ужасаются, не зная страху своему причины, кромѣ той, что онъ тревожитъ сердца ихъ больше, нежели бы мечтались имъ уродливые Сфинксы и Химеры.

Всѣ толпою бѣгутъ назадъ, и смущенные, испуганные, расказываютъ о видѣнномъ ими съ такимъ разнорѣчіемъ и несвязностію словъ, что всѣ надъ ними издѣваются и смѣются. Не вѣрятъ возвѣщаемымъ ими чудеснымъ дѣйствіямъ. Тогда верховный вождь посылаетъ съ ними отрядъ избранныхъ воиновъ, дабы они сопровождали ихъ и внушали имъ смѣлость къ исполненію его повелѣній.

Сіи приближась къ дремучему лѣсу, гдѣ злые засѣдали духи, какъ скоро узрѣли

мрачность его, тотчасъ почувствовали нѣкій оледѣнившій сердца ихъ мразъ. Однакожъ простираютъ далѣе путь, скрывая подъ смѣлыми лицами постыдный страхъ свой, и столько перешли, что осталось уже малое разстояніе до очарованныхъ предѣловъ.

Тогда мгновенно поднялся въ лѣсу толь страшный шумъ, какъ бы вдругъ и земля затряслася, и вѣтры засвистѣли, и ударяющія о скалы волны застонали; тамъ слышилось, и львы рыкаютъ, и медвѣди ревутъ, и змѣи шипятъ, и волки воютъ, и громы гремятъ, и трубы трубятъ, и всѣ сіи звуки во единъ сливаются гласъ.

На всѣхъ тогда напалъ ужасъ; всѣ трясутся и блѣднѣютъ. Ни воинская строгость, ни ободрительныя поощренія, не могутъ возбудить въ нихъ смѣлости продолжать путь, ниже остановиться; дѣйствія оныхъ слабы и тщетны противу тайной устрашающей ихъ силы; наконецъ предаются они бѣгству, и одинъ изъ нихъ въ оправданіе робости своей тако вѣщаетъ Готфриду:

Государь! никто изъ насъ не отважится вступить въ сей лѣсъ, стрегомый, какъ я думаю и готовъ утвердить клятвою, всѣми переселившимися въ него адскими силами. Мѣдное, трикраты алмазною корою обложенное сердце долженъ имѣть тотъ,

кто безъ страха на него взглянетъ. Невозможно съ человѣческими чувствами безбоязненно слышать, какъ онъ вдругъ и гремитъ и реветъ и шипитъ и свищетъ.

Тако вѣщалъ онъ. Сію рѣчь его внималъ присутствовавшій шутъ случайно Алькастъ, человѣкъ неимовѣрной отважности, презритель смертныхъ и смерти, не страшащійся ни лютыхъ звѣрей, ни ужасныхъ чудовищъ, ни бурь, ни громовъ, ни землетрясеній, ниже чего либо еще болѣе сего грознаго.

Онъ покивалъ главою и усмѣхаясь рекъ: куда сей не смѣетъ идти, я пойду; я срублю сей лѣсъ, гнѣздо пустыхъ страховъ и мечтаній. Сіи призраки лѣсные, сіи крики и свисты птицъ, не воспретятъ мнѣ войти въ него, хотя бы мрачные долы и вертепы его повели меня въ адъ.

Тако похваляется предъ верховнымъ вождемъ, и получа отъ него позволеніе отходитъ. Онъ приближается, смотритъ на густоту лѣса, слышитъ возставшій снова въ немъ шумъ и ревъ; однако дерзкихъ стопъ своихъ не останавливаетъ, и съ тою же, какъ и прежде, бодростію спремится вступить въ запрещенные предѣлы; но воспылавшій вдругъ огнь поставляетъ ему препону.

Огнь возрастаетъ, усиливается, и на подобіе высокихъ стѣнъ возноситъ вихре-

крушящееся съ чернымъ дымомъ пламя; оно объемлетъ окрестность лѣса и возбраняетъ, да никто древъ его посѣкать не дерзаетъ. Изъ холмящагося въ верху пламени составляются образы гордыхъ съ башнями крѣпостей, и вершины пылающихъ горъ новаго ада сего усѣяваются огнедышущими орудіями.

О сколько вооруженныхъ чудовищъ, съ ужасными зраками, стоятъ на стражѣ при зубцахъ башенъ? иные смотрятъ на него искосившимися очами, другіе грозятъ ему, потрясая оружіемъ. Наконецъ онъ бѣжитъ, хотя и медленно, какъ левъ отступающій отъ охотниковъ; однако бѣжитъ, и грудь его поражается страхомъ, дотолѣ ему неизвѣстнымъ.

Онъ сначала не примѣтилъ въ себѣ дѣйствія робости, но когда отошелъ далеко, то почувствовалъ, что страхъ принудилъ его удалиться: онъ удивился и опечалился; жестокое раскаяніе угрызло сердце его, и стыдъ, возгорѣвшійся въ немъ, уклонилъ стопы его въ сторону. Онъ не смѣлъ взоровъ своихъ, толико прежде гордыхъ, возвесть на людей.

Позванный Готфридомъ, медлитъ, и медленности своей извиненіе вымышляетъ, и желаетъ нейти; однако напослѣдокъ идетъ, ступаетъ тихо, и по прибытіи молчитъ,

или говоритъ потупясь, кратко, какъ бы сномъ обремененный. Верховный вождь видитъ въ немъ великую силу стыда, и по ней о бѣгствѣ его предузнавая, вѣщаетъ: что подумать? подлинно ли то мечтанія, или чудеса природы?

Но естьли есть кто, въ комъ горитъ благородная ревность проникнуть въ сіи обиталища лѣсныя, да шествуетъ, да испытаетъ еще, и да возвратится къ намъ по крайней мѣрѣ съ подробнѣйшими о нихъ извѣстіями. Тако рекъ, и въ три послѣдовавшіе дни знаменитѣйшіе витязи покушались войти въ ужасный тотъ лѣсъ, но всякъ, угрозами его устрашенный, возвращался вспять.

Между тѣмъ князь Танкредъ, по отданіи возлюбленной своей послѣдняго долга, сталъ выходить, и хотя слабъ еще, блѣденъ, и худо способенъ къ облеченію себя въ шлемъ и броню; однако, видя толь великую надобность и не отрицаясь никогда ни отъ трудовъ, ни отъ опасностей, духъ твердаго сердца своего преноситъ въ тѣло, такъ что оно кажется ему бодрымъ и крѣпкимъ.

Дышущій храбростію, и весь предавшись мысли сей, онъ отходитъ скромно и тихо испытать сію безвѣстную опасность. Зритъ безъ страха на ужасную мрачность

лѣса, и отъ громовъ, и стуковъ, и землетрясеній его, не смущается; чувствуетъ токмо нѣкоторое въ груди трепетаніе, но преодолѣваетъ его и смѣло вступаетъ въ предѣлы. Тогда изъ дикаго лѣса сего вдругъ появляется огненный градъ.

Танкредъ останавливается и пришедъ въ нѣкое сомнѣніе самъ съ собою разсуждаетъ: къ чему служитъ здѣсь оружіе? неужъли броситься мнѣ въ челюсти сихъ чудовищъ и въ нѣдра сего пожирающаго пламени? гдѣ долгъ и честь требуютъ, тамъ для общей пользы не должно жизни своей щадить; но здѣсь кто пожертвуетъ ею, тотъ безполезно ее лишится.

Но чтожъ скажетъ воинство, когда я возвращусь безъ успѣха? въ какомъ другомъ лѣсу найдетъ оно потребныя для себя деревья? Готфридъ не оставитъ намѣренія своего безъ новыхъ покушеній. Естьли другой кто исполнитъ . . . . . Можетъ быть сей пылающій предъ очами моими пожаръ больше грозенъ видомъ, нежели дѣйствіемъ. Но чтобъ такое ни было . . . . . изрекъ и кинулся въ пламень. О неслыханная смѣлость!

Онъ не почувствовалъ ни малѣйшаго зноя и жара отъ толь сильнаго огня. Но естьлибъ то и подлинный былъ пламень и чудовищи, онъ не могъ бы сего такъ скоро

ощутить, потому что съ прикосновеніемъ его въ одно мгновеніе всѣ сіи призраки изчезли, все покрылось густымъ облакомъ, принесшимъ зиму и ночь, и самая зима и мракъ сей вскорѣ разсѣялись.

Танкредъ удивился; но не былъ ни малѣйшимъ страхомъ пораженъ. Когда потомъ увидѣлъ онъ, что вездѣ стало тихо, то пошелъ съ безопасностію осматривать всѣ тайныя сей волшебной обители исходища. Не зритъ болѣе никакихъ странныхъ привидѣній, и на пути своемъ не встрѣчаетъ никакихъ препятствій, кромѣ что мрачная густота лѣса воспящаетъ и взорамъ и стопамъ его свободно простираться.

Наконецъ видитъ пространную на подобіе полукружія площадь, на коей нѣтъ ни единаго древа, исключая, что посрединѣ стоитъ гордящійся вершиною своею высокій кедръ. Онъ идетъ къ нему, и озирая его примѣчаетъ изображенные на стеблѣ знаки, подобные тѣмъ, какіе древлѣ вмѣсто письменъ употреблялъ таинственный Египетъ.

Между безвѣстными знаками усматриваетъ и Сирійскаго, извѣстнаго ему языка, буквы: о ты дерзнувшій вступить въ жилище смерти, отважный воинъ! молю тебя, не буди толико жестокъ, колико силенъ. Ахъ! не возмущай покой сей тайной оби-

шели; пощади усопшія души: живымъ не должно воевашь съ мершвыми.

Тако гласила подпись. Танкредъ размышляешъ, ища проникнушь въ шаинсшво сихъ крашкихъ словъ. Между шѣмъ вѣшръ въ лисшахъ и лѣшоросляхъ безъумолкно шумишъ, исшоргая изъ нихъ какъ бы нѣкое согласное звучаніе человѣческихъ вздоховъ и сшенаній, вливающихъ въ сердце нѣчшо вмѣсшѣ и жалосшное, и сшрашное, и печальное.

Наконецъ извлекаешъ онъ мечъ и съ великою силою рубишъ высокое древо. О чудо! изъ усѣченной коры льешся кровь и обагряешъ кругомъ землю. Танкредъ ужасаешся, однакожъ усиливаешъ удары и хочешъ видѣшь какой изъ шого послѣдуешъ конецъ. Тогда слышишъ онъ изшедшій какъ бы изъ гроба жалобный и невняшный сшонъ.

Сшонъ сей сшановишся пошомъ вняшнѣе и произносишъ сіи слова: Ахъ Танкредъ! уже и шакъ шы меня много оскорбилъ; будь шѣмъ доволенъ: шы изъ пріяшнаго мнѣ жилища, изъ шѣла, мною и со мною жившаго, изгналъ меня. Почшо и бѣдное древо, съ коимъ сшрогая судьба меня соединила, сѣчешь шы нещадно? жесшокой! развѣ шы сопериниковъ своихъ и по смерши въ гробѣ оскорблять хочешь?

Я была Клоринда: не одна я изъ чело-

вѣческихъ душъ обитаю въ сихъ твердыхъ и грубыхъ древесахъ: всѣ другіе, Франки и Срацины, коихъ тѣла лежатъ при сихъ высокихъ стѣнахъ, нѣкіимъ новымъ и чуднымъ чародѣйствомъ удерживаются здѣсь, не умѣю сказать, во гробѣ или въ тѣлѣ; но стебль и вѣтви онаго одарены такимъ чувствомъ, что посѣкая древо ты становишься убійцею.

Подобно какъ больной, когда во снѣ увидитъ дракона, или дышущую огнемъ химеру, хотя и подозрѣваетъ, или отчасти и примѣчаетъ, что не истинный то образъ, но лживое привидѣніе, однако хочетъ уйти, толико мечта сія наводитъ ему страха и ужаса; тако въ Танкредѣ вострепетавшая любовь не вѣритъ обманамъ, однакожъ боится и уступаетъ.

Сердце его стѣсняется различными страстями; хладъ и трепетъ объемлютъ его, и при сильномъ движеніи души мечъ нечаянно падаетъ у него изъ рукъ: самое меньшее чувствованіе въ немъ есть страхъ. Онъ идетъ самъ себя не помня, и только видитъ предъ собою плачущую и стенящую Клоринду: не можетъ ни воздыханій ея слушать, ни на кровь ея текущую смотрѣть.

Тако сіе твердое, никакимъ зракомъ смерти не возмущаемое, но въ единой токмо любви слабое сердце, обмануто было

тщетнымъ привидѣніемъ и ложными жалобами. Между тѣмъ сильный вихрь подхватя падшій мечъ его унесъ изъ лѣса. Симъ образомъ пошелъ онъ побѣжденный, и уже на пути обрѣлъ его и паки препоясалъ.

Однакожъ не возвратился, ниже дерзнулъ снова приступить къ испытанію причинъ; но пришедъ къ верховному вождю, и успокоя сколько можно смятеніе души своей, вѣщалъ: Государь! я прихожу къ тебѣ вѣстникомъ о происшествіяхъ, коимъ не вѣрятъ и трудно повѣрить. Все, что сказывали о страшномъ зрѣлищѣ и ужасномъ шумѣ, совершенно справедливо.

Чудесный огнь, вдругъ появившійся предо мною, возникъ и распространясь наподобіе стѣнъ, представилъ взорамъ моимъ вооруженныхъ къ оборонѣ его чудовищъ. Я однакожъ вошелъ въ него, и ни огнемъ не былъ опаленъ, ни сопротивляющихся мнѣ оружій не встрѣтилъ. Хладъ и ночь наступили, но вскорѣ за ними послѣдовали теплота и ясность дня.

Скажу еще болѣе, что древеса его, оживленныя человѣческою душею, чувствуютъ и говорятъ: я былъ тому свидѣтель; самъ слышалъ гласъ, даже и теперь жалобно въ сердцѣ моемъ вопіющій. Изъ каждой раны ихъ течетъ кровь, словно какъ бы онѣ были живыя тѣла. Нѣтъ, нѣтъ, я не могъ,

признаю себя побѣжденнымъ, ни коры съ нихъ сдирать, ни вѣтвей ихъ рубить.

Тако рекъ. Верховный вождь, боримый сомнѣніями, погружается въ глубокія мысли. Мнитъ, самому ли должно ему идти разрушить сіе очарованіе (ибо таковымъ оное почитаетъ), или въ иныхъ отдаленныхъ мѣстахъ, послать, хотя и съ трудомъ, отыскивать потребныя деревья. Но изъ глубины размышленій извлекаетъ его пустынникъ Петръ, тако вѣщая:

Отринь дерзновенную мысль; другой, а не ты, долженъ исхитить древа изъ сего лѣса. Уже роковый корабль оставляетъ пустынную обитель и златыя распускаетъ вѣтрила. Уже разорвавъ недостойныя цѣпи, ожидаемый нами витязь отплываетъ отъ брега. Скоро опредѣленный часъ взятія Сіона и разбитія враговъ наступитъ.

Тако съ воспаленными взорами высшимъ человѣческаго гласомъ вѣщаетъ. Благочестивый Готфридъ къ новому намѣренію мысль свою устремляетъ; ибо не хочетъ пребывать въ праздности. Но солнце, вступя въ знакъ рака, проливаетъ необычайный зной и противуборствуя предпріятіямъ его творитъ всякую работу и трудъ воиновъ нестерпимыми.

Погасли благодѣтельныя небесныя свѣтила, и однѣ токмо злотворныя звѣзды

господствують: онѣ растлѣвають воздухъ вредными, заразительными испареніями. Палящій зной увеличивается, и то въ той, то въ другой части, свирѣпствуетъ и наноситъ пагубу. Послѣ злаго дня злѣйшая наступаетъ ночь, и за нею, еще хуждшій чѣмъ она, послѣдуетъ день.

Солнце не восходитъ иначе, какъ окруженное кровавымъ заревомъ, и челомъ своимъ нахмуреннымъ предвѣщаетъ плачевный день; не заходитъ иначе, какъ угрожая багровыми пятнами подобнымъже при возвратѣ злополучіемъ, и увеличивая претерпѣнныя бѣдствія страхомъ неминуемаго ожиданія будущихъ золъ.

Когда же лучи свои мещетъ съ высоты неба, тогда око человѣческое, сколь далеко взоръ его простираться можетъ, зритъ окрестъ себя увядшіе цвѣты, поблеклые листья древесъ, истаявающую отъ зноя траву, разсѣдающую землю, и воду изсыхающую. Всякая земная тварь претерпѣваетъ гнѣвъ небесный, и тощія носящіяся по воздуху облака являются въ видѣ пламенномъ.

Небо кажется быть раскаленнымъ горниломъ; ничто, хотя бы мало прохладительное, не представляется очамъ; легкіе вѣтерки спятъ въ пещерахъ и всякое дыханіе воздуха утихло. Одинъ токмо вѣтръ, вредный и зло-

вонный, отъ Мавританскихъ песковъ текущій, густымъ и знойнымъ дуновеніемъ своимъ время отъ времени опаляетъ лице и грудь.

Ночныя наступающія потомъ тѣни не больше были отрадны: онѣ, солнечными лучами разгоряченныя, казалось составляли покрывало изъ огненныхъ полосъ и власовъ кометъ истканное. Бѣдная земля! даже и луна для утоленія жажды ея скупилась низпосылать ей росу: увядающія травы и цвѣты тщетно просятъ соковъ жизни.

Отъ безпокойныхъ ночей сладкій сонъ прогнанный бѣжитъ, и утомленные смертные никакими ласканіями призвать его къ себѣ не могутъ. Но хуже всѣхъ золъ жажда; ибо злый Іудейскій владыка смертоносными соками и отравами всякій источникъ заразя и возмутя содѣлалъ его зловреднѣе, нежели адскій Стиксъ и Ахеронтъ.

Малый Силойскій ручей, свѣтлый и чистый, щедро предлагавшій сокровища свои Франкамъ, теперь тинистое дно свое остатками изсякшей и теплой влаги едва покрываетъ; тогда какъ самый Еридanъ, въ Майскіе дни глубочайшій, ниже Гангъ или Нилъ, когда онъ изъ седми рукавовъ своихъ выступаетъ и по злачнымъ лугамъ Египта разливается, не могъ бы достаточно утолить ихъ жажды.

Всякъ видавшій изъ нихъ покоящееся

подъ зелеными древами прозрачное озерко, или низвергающїйся съ Альпiйскихъ горъ чистыя струи, или плавно текущїя между прїятными брегами свѣжїя воды, представляетъ себѣ ихъ образъ, раздражаетъ ими свои желанїя, и наводитъ себѣ новое мученїе; ибо видъ ихъ жидкiй и хладный воспаляетъ и умножаетъ кипящїй въ немъ жаръ.

Зри сихъ крѣпкихъ воиновъ, у коихъ ни далекiй по непроходимымъ мѣстамъ путь, ни тяжелыя обременяющїя ихъ латы, ни желѣзо на убїенїе ихъ простертое, не могли отнять силы и бодрости, днесь разслабленные, изнуренные отъ жара, лежатъ сами себѣ въ тягость, и разливающїйся въ жилахъ ихъ скрытный огнь мало по малу томитъ ихъ и приводитъ въ изнеможенїе.

Гибнетъ конь, прежде толь ретивый, и сладкую пищу свою траву не хочетъ болѣе вкушать; ноги его трясутся, и гордая грива опускается долу. Онъ не помнитъ лавровъ своихъ и не горитъ болѣе благородною къ славѣ любовїю. Навьюченные на него непрїятельскїе доспѣхи и собственную свою великолѣпную збрую, аки нѣкое подлое бремя, ненавидитъ и презираетъ.

Томится вѣрный песъ и всякое попеченїе о домѣ и хозяинѣ своемъ забываетъ. Лежитъ распростершись и частымъ дыханїемъ жаждетъ внутреннiй жаръ свой прохладитъ.

Но естьли природа дала ему сіе дыханіе на то, чтобъ почерпаніемъ новаго воздуха умѣрять зной сердца своего, то теперь не чувствуетъ онъ никакой отъ того отрады: толико глотаемый имъ воздухъ густъ и тяжелъ! . .

Тако страдала земля и бѣдствовали нещастные смертные. Христіянское воинство приходитъ въ отчаяніе о побѣдѣ и страшится всеобщей пагубы. Уже повсюду слышится единогласный ропотъ и жалобы, въ сихъ словахъ изливающіяся: чего ожидаетъ Готфридъ? чего надѣется? того развѣ, чтобъ смерть всѣхъ насъ постигла?

Эхъ! какими силами можемъ мы преодолѣть высокія стѣны враговъ нашихъ? гдѣ стѣнобитные овны и бойницы? одинъ онъ не видитъ толь явнаго гнѣва Божія, тысячами признаковъ и чудесъ являющаго, что онъ противится его намѣренію: толь сильнаго солнечнаго зноя Индѣецъ и Еѳіопіянинъ не претерпѣваютъ!

По всему видно, что Готфридъ ни мало объ насъ не думаетъ; ему нѣтъ никакой нужды, что мы, какъ низкія и подлыя твари, всѣ здѣсь помремъ, лишь бы онъ сидѣлъ на престолѣ и царствовалъ. Такъ ли должны мыслить владыки, чтобъ утѣшаться властію своею и всѣми образами пещися о

сохраненіи ея, хотя бы то сопряжено было съ погибелію ихъ подданныхъ?

Его называютъ благочестивымъ, кроткимъ и попечительнымъ человѣкомъ, а онъ всѣхъ насъ забылъ и только о вредномъ и пагубномъ для насъ любочестіи своемъ заботится. У насъ нѣтъ ни капли воды, а ему возятъ ее съ Іордана, и когда намъ нечѣмъ промочить гортани, онъ въ то время веселясь сидитъ съ немногими за трапезою и свѣжую воду мѣшаетъ съ Критскимъ виномъ.

Тако роптали Франки; но Греческій военачальникъ, наскуча слѣдовать за ихъ знаменами: почто мнѣ умирать, возопилъ, почто воинству моему здѣсь гибнуть? Есть ли Готфридъ ослѣпленъ безуміемъ, то пусть съ Французами своими самъ и потерпитъ. Намъ что до него? И въ слѣдующую ночь безъ всякаго отпуска тайно отшелъ изъ стана.

Примѣръ сей, когда по разсвѣтѣ дня о томъ узнали, многихъ соблазнилъ и на тожъ подвигнулъ. Воины, пришедшіе съ Клотаріемъ, Адемаромъ и другими вождями, кои нынѣ суть кости и прахъ, чая себя отъ данной имъ клятвы быть освобожденными тою, которая отъ всего освобождаетъ, помышляютъ о бѣгствѣ, и многіе изъ нихъ при ночномъ мракѣ оставляютъ станъ.

Готфридъ слышитъ и видитъ сіе; онъ могъ бы строгія принять мѣры, но сердце его гнушается ими и отвергаетъ ихъ. Онъ съ тою вѣрою которая сдвигаетъ горы и останавливаетъ теченіе рѣкъ, прибѣгаетъ благоговѣйно къ Создателю вселенныя и молитъ, да ущедритъ ихъ и благодать свою на нихъ изліетъ. Онъ воздѣваетъ руки и устремя пламенѣющія усердіемъ очи, взываетъ къ небу:

Царь и Отецъ! ты древлѣ сладкою росою одождилъ пустыню; ты рукѣ смертнаго далъ силу поразить камень и изъ расторженной скалы источить живой воды источникъ: благоволи примѣрамъ симъ для сихъ ратниковъ возобновиться, и естьли они достоинствомъ не равняются Израильскому твоему народу, вознагради недостатки ихъ твоею благостію, и тою да нарекутся они твоими воинами.

Молитва сія, отъ чистаго сердца пролитая, не осталась безплодна; но скоро и легко, аки пернатая птица, возлетѣла на небо. Превѣчный Отецъ воспріялъ ее, и на воиновъ своихъ вѣрныхъ пресвѣтлыя обратя очи, и надъ бѣдствіями и страданіями ихъ умилосердяся, тако съ умиленіемъ рекъ:

Да будетъ конецъ тяжкимъ бѣдамъ и опасностямъ, кои сіе любимое мною воинство претерпѣваетъ; да престанутъ опол-

ченные на нихъ адъ и свѣтъ тайными ухищреніями своими имъ противоборствовать. Отнынѣ да начнется въ пользу и во благо ихъ новый порядокъ вещей. Да снидетъ дождь; да возвратится къ нимъ непобѣдимый витязь ихъ, и войско Египетское пришедъ да умножитъ славу ихъ.

Тако рекши помавалъ главою: безпредѣльное небо и движущіяся и неподвижныя звѣзды почтительно вострепетали, и воздухъ, и пучины водъ, и горы, и глубокія пропасти восколебалися. Въ лѣвой странѣ появилось блистаніе молній и возгремѣлъ гласъ грома. Народъ увидя молнію и услыша громъ соединилъ съ нимъ гласъ свой и воздвигъ радостные клики.

Се несутся облаки, не отъ земли уже въ верхъ силою солнечныхъ лучей подъятыя, но съ высотъ неба, всѣ свои врата имъ отверзшаго, поспѣшно опускаются долу. Се незапная ночь мраками своими темнитъ ясность дня: изъ ней ліется крупный дождь, и ручей наводнясь изъ бреговъ своихъ выступаетъ.

Подобно какъ иногда въ жаркіе лѣтніе дни крикливыя утки сидятъ стадами на сухомъ брегу, изъявляя хриплыми гласами нетерпѣніе свое въ ожиданіи желаемаго дождя, и когда онъ польется съ небесъ, тогда каждая изъ нихъ съ радостнымъ восклицаніемъ крылья свои распуская спѣшитъ

купаться, и тамъ, гдѣ больше накопляется воды, плаваетъ и ныряетъ, зной жажды своей утоляя.

Тако ліющійся дождь, десницею благости ниспосланный съ небесъ, веселыми восклицаніями поздравляютъ воины, и не токмо одежду свою, но и власы напитать имъ желаютъ: иной пьетъ изъ хрусталя, иной черпаетъ шлемомъ, тотъ руки свои въ хладную погружаетъ воду, иной лице, иной виски свои кропитъ, иной же, осторожнѣйшій запасаясь, наполняетъ ею сосуды.

Не одни токмо люди веселятся и по претерпѣніи тяжкихъ нуждъ вкушаютъ отраду; но и земля, прежде унылая, сухая, во многихъ членахъ своихъ разсѣдшаяся, пріемлетъ въ себя дождь, напояется имъ, сообщаетъ его внутреннимъ своимъ жиламъ, и распространяя питательные соки, оживляетъ ими и растенія, и травы, и цвѣты.

Она уподоблялась больной женщинѣ, у коей животворные напитки, погася пожигающій внутренность ея жаръ и отнявъ причину зла, всѣ ея составы снѣдавщаго, возобновляютъ въ ней прежнюю живость и свѣжесть, такъ что она, забывая прошедшую свою немощь, снова великолѣпными убранствами и цвѣтами себя украшаетъ.

Наконецъ дождь престаетъ и возвращается сіяніе солнца; но сіяніе кроткое,

пріятное, исполненное теплотою, какое бываетъ между исходомъ Апрѣля и началомъ Мая. О благодатная вѣра! кто Бога достодолжно чтитъ, тотъ тлѣтворность воздуха искоренять, порядокъ временъ и состоянія премѣнять, и свирѣпость звѣздъ и рока побѣждать можетъ.

Конецъ третіей-надесять пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Пѣснь четвертаянадесять.

Уже темная ночь, изшедъ изъ мокраго и хладнаго великой матери своей лона, легкими дыханіями и распростертымъ туманомъ чистой, жемчужной росы, покрываетъ поля, и потрясая краями влажныхъ одеждъ своихъ сѣетъ повсюду злаки и цвѣты. Тихіе вѣтерки, махая крыльями, услаждаютъ сонъ смертныхъ.

Они наступающія съ днемъ заботы погружаютъ въ сладкое, глубокое забвеніе. Но Царь міра, въ неприступномъ свѣтѣ недремно на кормилѣ сѣдящій, обращаетъ съ высоты небесъ благостынный и веселый взоръ свой на вождя Франковъ. Отшолѣ ниспосылаетъ онъ тихое сновидѣніе, да изъявитъ ему высокое свое опредѣленіе.

При златыхъ вратахъ, отколѣ исходитъ солнце, есть кристальныя на востокѣ врата, всегда отверзающіися прежде, нежели отворятся тѣ, въ кои выступаетъ раждающійся день. Изъ сихъ выходятъ сны, посылаемые отъ Бога въ знакъ благоволенія его къ умамъ чистымъ и цѣломудрымъ.

Изъ сихъ изшелъ, тотъ, который днесь ниспускается, простирая позлащенныя крылья свои къ благочестивому Готфриду.

Ни единое изъ сновидѣній не представляло никому толь важнаго и великолѣпнаго зрѣлища, какое сей ниспосланный сонъ являетъ ему при откровеніи таинствъ неба и звѣздъ. Предъ нимъ въ истомъ видѣ своемъ, аки въ зеркалѣ, предсталъ весь горній міръ. Онъ чаялъ себя быть пренесеннымъ въ чистое, златыми огнями блещущее поле.

Между тѣмъ какъ онъ въ выспренней странѣ удивляется пространству, движенію, свѣтлости, согласію, се предстаетъ предъ него препоясанный лучами огнезарный воинъ, и гласомъ, предъ сладостію коего всякій земный гласъ есть грубое звучаніе, рекъ ему: Готфридъ, ты не обрадовался мнѣ? ты не привѣтствуешь другу твоему? развѣ ты не узналъ Угона?

Готфридъ отвѣтствуетъ: сей новый видъ твой, въ солнечныхъ лучахъ чудесно блистающій, воспрепятствовалъ мнѣ скоро тебя узнать. Посемъ съ дружескимъ чувствомъ три раза покушался обнять его, но всякій разъ сей видимый имъ образъ уходилъ изъ его объятій подобно сну или мечтѣ.

Угонъ усмѣхнулся и сказалъ: ты чаешь меня быть облеченнаго плотію, но я есмь

простый образъ, чистый духъ, гражданинъ небесной области. Ты видишь здѣсь храмъ Божій, обитель воиновъ его, куда и ты водворишься. Когда будетъ сіе? вопросилъ Готфридъ. Да прервется жизнь моя, естьли она препятствуетъ мнѣ здѣсь остаться.

Скоро, отвѣчалъ ему Угонъ, раздѣлишь ты съ нами славу торжества; но еще много надлежитъ тебѣ, ратуя въ дольномъ мірѣ, пролить крови и претерпѣть трудовъ. Прежде долженъ ты отъ власти Срацинъ освободить святую землю и возстановить въ ней христіянскую державу, въ коей по тебѣ царствовать будетъ братъ твой.

Но дабы еще больше воспалилось въ тебѣ желаніе и любовь къ сему горнему міру, воззри пристально на сей свѣтлый чертогъ и живогорящіе въ немъ огни, вѣчною премудростію сотворенные и движимые! внемли сихъ Ангельскихъ ликовъ пѣснопѣнію и сладостному лиръ ихъ бряцанію; низведи теперь, продолжалъ онъ указуя на землю, низведи взоры твои на сей послѣдній изъ шаровъ.

Сколько ничтожную человѣческая доблесть за трудъ и борьбу свою получаетъ тамъ награду! Въ какомъ маломъ кругу, въ какой дикой пустынѣ заключается ваша пышность! Сія земля и сіе море, наподобіе острова ее обтекающее, называемыя вами

пространными, безпредѣльными, ни мало не соотвѣтствуютъ симъ великимъ именамъ, и не иное что суть, какъ блато и лужа.

Тако рекъ единъ; другій обращаетъ очи свои, и съ нѣкоею презрительною улыбкою зритъ и землю и моря и рѣки, толь здѣсь разновидныя, какъ бы во едину точку сліянными; зритъ и удивляется, что человѣческое наше слабоуміе, прилѣпляясь къ тѣнямъ и дыму, ищетъ рабскаго владычества и нѣмой славы, не помышляя, что небеса насъ къ себѣ зовутъ и приглашаютъ.

Зритъ и потомъ вѣщаетъ: когда Богу еще не угодно, чтобъ земная темница моя разрушилась, то прошу тебя, покажи мнѣ между сими соблазнами свѣта наименѣе опасный путь. Угонъ отвѣтствуетъ: ты идешь прямымъ путемъ, не совращай съ онаго стопъ твоихъ; токмо совѣтую тебѣ, призови изъ далекаго заточенія сына Бертольдова.

Высокое провидѣніе избрало тебя верховнымъ въ семъ предпріятіи владыкою: но въ тожъ время опредѣлило ему быть главнымъ намѣреній твоихъ исполнителемъ. Тебѣ поручило первую, ему вторую должность; ты глава, онъ рука сихъ войскъ и никто другой, ниже самъ ты мѣста его заступить не можешь.

Ему единому предоставлено очарованіе лѣса превозмочь; имъ воинство твое, отъ недостатка людей къ совершенію толь великаго предпріятія неспособное и кажется отступить принуждаемое, ободрится и на новый подвигъ новыя получитъ силы, и укрѣпленныя стѣны, и сильное восточное ополченіе преодолѣетъ.

Умолкъ, и Готфридъ отвѣтствуетъ; о коль бы пріятно для меня было возвращеніе сего витязя! ты глубину мыслей моихъ видишь и знаешь люблю ли я его, и правду ли уста мои вѣщаютъ; но скажи, съ какими предложеніями и въ какую страну долженъ я отправить къ нему посла? Просить ли мнѣ его, или повелѣть ему? Какъ соблюсти въ семъ дѣлѣ пристойность поступка?

Вѣчный правитель міровъ, отвѣчалъ ему Угонъ, облекшій тебя симъ верховнымъ саномъ, благоизволитъ, да подчиненные тебѣ народы чтутъ тебя и уважаютъ: сего ради не долженъ ты просить; таковое уничиженіе не совмѣстно съ твоимъ величіемъ; но при первой о томъ прозьбѣ другихъ, снизойди на оную и прощеніе изреки.

Гвельфъ, по внушенію отъ Бога, придетъ тебя умолять: тогда освободи гордаго юношу, преступившаго отъ излишней пылкости гнѣва; да возвратится съ прежней честію къ войску. Хотя по младости

утопаетъ онъ нынѣ въ роскошахъ и любви, но не сомнѣвайся, въ немногіе дни и къ самому нужному времени ты увидишь его въ своемъ станѣ.

Петръ вашъ, коему Небо высокія таинства свои открываетъ, направитъ стопы пословъ твоихъ туда, гдѣ они получатъ о немъ нѣкоторыя извѣстія и будутъ наставлены въ искуствѣ и способѣ, какимъ образомъ освободить его и съ нимъ къ тебѣ явиться. Тако всѣхъ твоихъ странствующихъ сотоварищей небо соберетъ подъ святыя твои знамена.

Теперь окончу слова мои краткимъ заключеніемъ; знаю, что оно тебѣ будетъ пріятно: кровь твоя соединится съ кровію его, и отъ сего союза произойдутъ великоименитые и славные потомки. Тутъ умолкъ, и на подобіе легкаго дыма, развѣяннаго вѣтромъ, или тонкаго солнечными лучами разгнаннаго тумана, вдругъ исчезъ. Готфридъ проснулся съ трепещущимъ отъ радости и удивленія сердцемъ.

Онъ отверзаетъ очи и зритъ давно уже разсвѣтшій день: сего ради поспѣшно возстаетъ и облекается въ доспѣхи. Вскорѣ потомъ военачальники и полководцы приходятъ въ шатеръ его, гдѣ обыкновенно засѣдаютъ въ совѣтѣ, и то, чему индѣ надлежитъ исполняться, здѣсь опредѣляютъ.

Здѣсь благодушный Гвельфъ, новою мыслію свыше вдохновенный, начавъ первый вѣщать, тако рекъ Готфриду: о Царь милосердый, прости мнѣ, что прихожу умолять тебя о прощеніи недавно содѣянной вины, почему прозьба моя, конечно, можетъ почесться скоропостижною и преждевременною.

Но когда я помышляю, что прибѣгаю къ благочестивому Готфриду, испрашивая прощеніе храброму Ринальду, и когда умоляя о сей милости мню, что я не совсѣмъ недостойный ходатай, то смѣю надѣяться получить твое на то соизволеніе всѣми желаемое и для всѣхъ пріятное. Благоволи, Государь, да возвратится сей юный воинъ, и проливая кровь свою за общее благо, да загладитъ свою погрѣшность.

Кто, кромѣ его, будетъ тотъ сильный, котораго, рукою падетъ оный ужасный лѣсъ? кто противъ косы смерти пойдетъ съ грудью болѣе отважною и твердою? ты узришь его впереди всѣхъ сокрушающаго врата и востекающаго на высоту стѣнъ. Возврати, молю тебя, возврати въ немъ общее желаніе и высокую всего воинства надежду.

Возврати мнѣ храбраго племянника, и тебѣ самому скораго повелѣній твоихъ исполнителя. Не потерпи, чтобъ погрязъ

онъ въ недостойной праздности, и вмѣстѣ съ возвращеніемъ его къ войску возврати ему и славу его: да послѣдуетъ за побѣдоносными твоими знаменами, и да возблещетъ знаменитыми подвигами, имѣя тебя своимъ наставникомъ и вождемъ.

Тако умолялъ, и на лицѣ каждаго можно было прочитать, что всякъ съ прозьбою его также проситъ. Тогда Готфридъ, какъ бы въ сіе токмо время преклоненный, могу ли я, рекъ, отказать въ прощеніи, когда всѣ вы того желаете и просите? Да умолкнетъ строгость, и да будетъ закономъ и правдою то, что по всеобщему согласію избирается.

Да возвратится Ринальдъ, и впредь, умѣряя пылкость гнѣва своего, да соотвѣтствуетъ дѣлами своими общему всѣхъ желанію и возлагаемой на него надеждѣ. Но призвать его, Гвельфъ, поручаю тебѣ. Мню, что онъ не умедлитъ прибыть. Ты избери посла и направи путь его туда, гдѣ полагаешь быть гордаго юношу пребывающимъ.

Умолкъ, и тогда воинъ Датскій возставъ рекъ: молю, да посланъ буду я для врученія назначеннаго въ даръ ему почтеннаго меча; не отрицаюсь, сколь бы путь сей ни былъ далекъ и труденъ. Гвельфу пріятенъ былъ сей вызовъ воина твердаго сердцемъ, и крѣпкаго мышцами. Онъ воз-

желалъ да посланъ будетъ, и къ нему да присовокупится еще Убальдъ, мужъ опытный, осторожный и хитрый.

Убальдъ во младости своей претекъ многія земли, и зрѣлъ различные народы, странствуя отъ хладныхъ поясовъ до жаркихъ Ѳеіопскихъ странъ, и какъ человѣкъ остроумный и проницательный, пріобрѣлъ знаніе въ ихъ языкахъ, нравахъ и обычаяхъ, и потомъ, въ мужественныхъ уже лѣтахъ, находился при Гвельфѣ, и былъ имъ отлично уважаемъ.

Таковымъ посланникамъ поручено было важное попеченіе призвать великаго воина. Гвельфъ назначалъ имъ путь къ тѣмъ стѣнамъ, въ коихъ Боемондъ престолъ свой утвердилъ; ибо по носящимся слухамъ тамъ его навѣрное быть полагали; но благій пустынникъ Петръ зная, что ихъ не въ ту страну посылаютъ, вмѣшался между совѣщателями и прервавъ бесѣду ихъ рекъ:

О храбрые витязи, утверждаясь на ложной молвѣ народной, вы ввѣряетесь обманчивому предводителю, который трудъ путешествія вашего содѣлаетъ тщетнымъ. Идите на близкіе къ Аскалону брега, гдѣ рѣка падаетъ въ море. Тамъ предстанетъ предъ васъ сопряженный дружбою съ нами мужъ; что онъ скажетъ вамъ, вѣрьте ему, какъ мнѣ.

Мужъ сей о многомъ свѣдущъ и за долгое время предувѣдомленъ отъ меня о вашемъ путешествіи; онъ колико мудръ, толико будетъ къ вамъ благосклоненъ. Тако рекъ, и оба посланнника, Убальдъ и Карлъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ вопросовъ повиновались словесамъ его, яко свыше отъ небесной власти внушеннымъ.

Они прощаются, и горя нетерпѣніемъ исполнить порученное отправляются немедленно въ путь, и направляютъ стопы свои къ Аскалону гдѣ волны примыкающаго моря о берега его разбиваются. Еще не успѣли они услышать стенящаго ихъ шума, какъ уже пришли къ рѣкѣ, отъ скопленія новыхъ водъ и дождей широко-разлившейся.

Она, выступя изъ бреговъ своихъ, течетъ какъ стрѣла, быстро. Они останавливаются, и предъ ними является почтенный видомъ старецъ. Главу его украшалъ буковый вѣнецъ. Тѣло его покрыто было длинною, бѣлою, изъ тонкаго льна истканною одеждою. Онъ съ жезломъ въ рукѣ шествовалъ сухими стопами противъ теченія по хребту рѣки.

Подобно какъ въ хладныхъ сѣверныхъ странахъ, когда сильный мразъ сгуститъ и оледенитъ поверхность рѣкъ, видимъ скользящихъ по онымъ на конькахъ, безопасно

катающихся юношей: такъ онъ шелъ по непостоянному хребту сихъ водъ нетвердыхъ и незамерзлыхъ, и когда приближился къ двумъ устремившимъ на него взоры свои воинамъ, тако рекъ имъ:

Друзья, въ тяжелый и трудный пустились вы путь; нужно вамъ имѣть проводника: искомый вами воинъ далекъ отселѣ, въ странѣ безплодной и невѣрной. О сколько, сколько еще предстоитъ вамъ трудовъ! сколько морей и бреговъ должны вы преплыть! даже за предѣлы нашего свѣта надлежитъ вамъ стопы свои простерть.

Но не поскучайте войти въ глубокіе вертепы тайнаго жилища моего; тамъ услышите вы многія вещи, о коихъ нужно вамъ знать. Рекъ, и повелѣлъ разступиться водѣ: она развервзается, холмится, и составя тамо и семо висящія на подобіе горъ глыбы, оставляетъ между ими пустоту.

Старецъ, взявъ обоихъ воиновъ за руки, ведетъ ихъ на дно рѣки, и оттолѣ въ глубокія подземныя пропасти. Слабый, дрожащій блистаетъ тамъ свѣтъ, подобный тому, какой отъ неполной луны въ дремучемъ мелькаетъ лѣсу. Однакожъ они видятъ наполненныя водою пространныя хляби, изъ коихъ струятся къ нимъ протоки, составляющіе индѣ источникъ, индѣ быструю рѣку, индѣ широкое озеро.

И зрятъ откол҃ѣ раждается Эриданъ, откол҃ѣ Гангъ, Эвфратъ, Истръ проистекаютъ; откол҃ѣ выходитъ Дунай, и самыя потаенныя исходища Нила здѣсь созерцаются. Нѣсколько пониже усматриваютъ они ліющійся источникъ чистой сѣры и ртути. Солнце освѣщаетъ сіи жидкости и претворяетъ ихъ въ глыбы сребра и злата.

Брега сего источника повсюду испещрены драгоцѣнными каменіями, кои подобно раскаленнымъ угліямъ побѣждаютъ густоту мрака. Тамъ лазуревыми лучами блистаетъ небесный сапфиръ и яцинтъ, тамъ пламенѣетъ яхонтъ, и несокрушимый горитъ алмазъ, и смѣющійся играетъ изумрудъ.

Воины, пораженные удивленіемъ, смотрятъ съ безмолвіемъ, на сіи чудесныя для нихъ новости. Наконецъ Убальдъ прервавъ молчаніе вопрошаетъ своего путеводителя: отче! повѣдай намъ, гдѣ мы, кто ты и куда насъ привелъ? Ибо поистинѣ я не знаю, на яву ли вижу сіе, или это мечта и сонъ: толь сильное удивленіе чувствами моими обладаетъ.

Онъ отвѣтствуетъ: вы находитесь въ пространномъ нѣдрѣ земномъ, источникѣ всякаго прозябенія; вы безъ моего руководства не могли бы въ толщу утробы ея проникнуть. Я проведу васъ въ мои чертоги, которые увидите вы чудеснымъ свѣтомъ

зарящіеся. Я родился въ язычествѣ, но по благодати Божіей святымъ крещеніемъ возрожденъ.

Не силою злыхъ духовъ произвожу я свои чудотворенія; Богъ да избавитъ меня, чтобъ я какими либо кругоначертаніями или куреніями сталъ повелѣвать Коцитомъ или Флегетонтомъ. Но я упражняюсь въ изслѣдованіи сокровенной силы травъ и влажностей, и въ другія безвѣстныя таинства природы вникаю, и примѣчаю различныя движенія звѣздъ.

Сего ради не всегда обитаю я въ сихъ подземныхъ храминахъ далеко отъ неба; но часто высоко въ воздухѣ живу на горахъ Ливанѣ и Кармилѣ. Тамо Венера и Марсъ являются мнѣ безъ всякой тусклости во всѣхъ своихъ видахъ, и зрю, какъ всякое другое свѣтило тише или скорѣе катится, и благопріятный ли кажетъ, или грозный зракъ.

И вижу подъ ногами моими иногда густыя, иногда жидкія облаки, то въ черную тучу спирающіяся, то въ разноцвѣтную раздѣляющіяся радугу, то въ дождь и росу разсыпающіяся. Примѣчаю какъ вѣтръ косвенно дуетъ; какъ молнія возгарается, и какими извилистыми путями стремится къ низу. Созерцаю кометы и другіе огненные

тары такъ близко, что самъ высокимъ о себѣ мнѣніемъ воспаляюсь.

Толико былъ я самъ собою доволенъ, и толико возгордился мыслями и знаніемъ моимъ, что возмнилъ оное быть достаточнымъ къ постиженію всѣхъ дѣяній высокаго Творца природы; но Петръ вашъ окропилъ власы мои во святомъ Іорданѣ, и омылъ нечистоту души моей; онъ просвѣтилъ умственный взоръ мой и далъ мнѣ увидѣть мрачность его и краткость.

Тогда позналъ я, что при лучахъ превыспренней истины разумъ нашъ есть, аки нетопырь предъ солнцемъ. Я самъ надъ собою смѣялся и надъ безуміемъ, толикою гордостію меня напыщавшимъ. Однакожъ по волѣ очистившаго меня продолжаю упражняться въ обыкновенныхъ моихъ испытаніяхъ, ставъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ, нежели прежде; отъ него нынѣ завишу и къ нему обращаюсь.

На немъ почію; онъ повелѣваетъ и научаетъ меня, вмѣстѣ наставникъ и владыка, не пренебрегающій творить чрезъ меня достойныя иногда рукъ своихъ дѣла. Днесь на меня возложилъ онъ попеченіе возвратить къ войскамъ пребывающаго въ отдаленной темницѣ непобѣдимаго витязя, предувѣдомленный отъ него, я давно уже прибытія вашего ожидаю.

Тако бесѣдуя съ ними приходитъ въ обитаемое имъ жилище. Оно имѣло подобіе пещеры, вмѣщавшей въ себѣ множество покоевъ и огромныхъ храминъ. Все что земля въ жилахъ своихъ хранитъ свѣтлаго, богатаго и драгоцѣннаго, вездѣ тутъ блистало, и всѣ рѣдкости и сокровища, чертоги сіи украшавшія, были не рукотворныя, но самородныя.

Великое число учтивыхъ и проворныхъ служителей явились для услугъ гостямъ; они воздвигли великолѣпный столъ и уставили оный вкусными яствами въ златыхъ, сребряныхъ и кристальныхъ сосудахъ. Когда же воины гладъ свой насытили и жажду утолили, тогда старецъ сказалъ имъ: время теперь главнѣйшее желаніе ваше удовольствовать.

Вамъ отчасти извѣстны, продолжалъ онъ, дѣла и обманы злохитрой Армиды, какимъ образомъ пришла она въ станъ, и какъ многихъ воиновъ, ставъ предводительницею ихъ, увела съ собою. Знаете также въ какіе крѣпкіе подъ измѣнническимъ угощеніемъ повергла ихъ оковы, и подъ стражею послала въ Газу, гдѣ на пути были они освобождены.

Теперь возвѣщу вамъ о томъ истинномъ происшествіи, о коемъ вы, яко о случившемся послѣ того, еще не слыхали. Когда

лукавая чародѣйка узнала, что сія толикими коварствами пріобрѣтенная добыча изъ рукъ ея исторжена, то отъ сильной досады персты свои угрызла, и воспламененная гнѣвомъ рекла: да не будетъ того никогда, чтобъ Ринальдъ освобожденіемъ стольких узниковъ моихъ могъ величаться.

Когда онъ избавилъ ихъ отъ плѣна, то пусть самъ будетъ плѣнникъ, и претерпитъ опредѣленное для другихъ долгое томленіе и муки. Симъ я еще не довольна; но хочу, чтобъ всѣ они вкупѣ погибли. Тако сама съ собою вѣщая составила въ умѣ своемъ злое, о коемъ скажу вамъ, ухищреніе. Пришла на мѣсто, гдѣ Ринальдъ въ сраженіи стражу ея разсѣялъ и отчасти убилъ.

Здѣсь снялъ онъ съ себя доспѣхи свои и облекся въ Срацинскую одежду, можетъ быть для того, что желалъ путешествовать скрытно, не имѣя никакихъ примѣтныхъ на себѣ признаковъ. Волшебница беретъ оружія его и облекши ими обезглавленный трупъ, кладетъ оный на брегу рѣки, зная, что туда прибудетъ отрядъ Франковъ.

Она могла легко сіе предвидѣть; ибо разсылала повсюду соглядатаелей, приносившихъ ей извѣстія о войскѣ, и о томъ, кто въ оное прибылъ, или отъ онаго отлучился.

Сверхъ сего она часто и долго бесѣдовала съ духами. Такимъ образомъ положила она мертвое тѣло въ удобномъ для обмановъ ея мѣстѣ.

Недалеко оттуда поставила остроумнаго юношу, одѣтаго въ пастушеское платье, и научила его какъ и что ему дѣлать и говорить должно. Онъ исполнилъ то со всевозможною сметливостію, разговаривалъ съ вашими воинами и внушилъ въ нихъ сѣмя подозрѣнія, изъ коего произрасли потомъ плоды раздора и несогласія, едва не превратившіеся въ междоусобную брань и войну.

По намѣренію ея смерть Ринальдова сочтена была тайнымъ мщеніемъ Готфридовымъ; но наконецъ при первомъ достовѣрномъ извѣстіи недостойное подозрѣніе сіе оказалось клеветою: таковы были прежнія хитрости Армидины; теперь услышите, какъ она продолжала ихъ, и что потомъ воспослѣдовало.

Подобно лукавой ловительницѣ Армида ожидала Ринальда при распутіи: онъ приходитъ на брегъ Оронта, гдѣ сія рѣка, раздѣлясь на два рукава, обтекаетъ островъ. Тамъ на брегу видитъ онъ возвышающійся столбъ, и недалеко отъ него малую ладію. Устремляетъ очи на прекрасную работу сего бѣлаго мармора, и читаетъ златыми буквами насѣченную надпись:

О ты, кто ты ни есть, волею или слу-

чаемъ ко брегу сему пришедшій, знай, что отъ востока до запада нѣтъ ничего чудеснаго, какъ то, что на семъ маломъ островѣ сокрывается; преплыви, естьли хочешь оное увидѣть. Неосторожный витязь воспламеняется желаніемъ быть на немъ, и какъ ладія не могла поднять многихъ, то оставляетъ онъ служителей своихъ, и одинъ переѣзжаетъ.

Переѣхавъ, озираетъ всѣ мѣста жадными очами; но не видитъ ничего, кромѣ пещеръ, воды, травъ, цвѣтовъ и растѣній. Онъ огорчается и почитаетъ себя обманутымъ; но островъ сей увеселяетъ его, и представляетъ ему столько прелестей, что онъ останавливается, садится, и обнажа главу свою, наслаждается тихимъ дыханіемъ благорастворённаго воздуха.

Между тѣмъ слышитъ въ рѣкѣ нѣкое необыкновенное журчаніе: онъ устремляетъ туда взоры свои, и видитъ посреди ея катящуюся клубомъ волну, изъ коей сперва появляются бѣлокурые власы, потомъ исходитъ дѣвическое лице, потомъ шея, груди, и наконецъ весь станъ по самый поясъ.

Тако въ представленіяхъ ночныхъ зрѣлищъ видимъ тихо возникающую нимфу или богиню. Сія хотя не была настоящая сирена, но единый токмо мечтательный призракъ, однакожъ казалась быть одною изъ

тѣхъ, кои при Тиренейскихъ брегахъ въ обманчивомъ обитаютъ морѣ. Гласъ ея столько же, какъ и сама она, былъ прелестенъ. Она восхитивъ небо и воздухъ запѣла:

О юноши, доколѣ весна облекаетъ васъ своими зелеными одеждами, ахъ! не воспламеняйте младаго ума своего лживыми лучами славы и цѣломудрія. Мудръ, кто слѣдуя склонности своей вкушаетъ во время плоды; сего требуетъ природа; не ужели сладкій гласъ ея не смягчитъ суровой вашей души?

Безумные, почто не пользуетесь драгоцѣннымъ даромъ младости, толь скоро исчезающимъ? то, что свѣтъ называетъ знаменитостію и достоинствомъ, суть пустыя имена, тщетно покланяемые кумиры. Слава, кажущаяся вамъ гордымъ смертнымъ толь прекрасною, и которая сладкою своею молвою прельщаетъ слухъ вашъ, есть пустой звукъ, сонъ, или одна тѣнь сна, при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра уносящаяся и погибающая.

Вкушать утѣхи, и въ нѣдрахъ ихъ наслаждаться спокойствіемъ духа; забывать прежнія скуки, и ожиданіемъ будущихъ золъ не разрушать настоящихъ благъ; гремятъ ли небеса, сверкаютъ ли молніи, не помышлять о томъ и не бояться угрозъ ихъ и

гнѣва: вотъ что щасшливая жизнь; вотъ что твердитъ намъ и чему научаетъ насъ природа.

Тако злохитрая пѣла, и симъ сладколукавымъ гласомъ преклоняла юнаго витязя къ дремотѣ. Сонъ мало по малу вкрадывается въ чувства его, и беретъ надъ ними полное владычество. Скоро ни самые громы не могли бы разрушить въ немъ сего тихаго, подобнаго смерти успокоенія. Тогда измѣнница чародѣйка исходитъ изъ потаенныхъ мѣстъ, и кидается къ нему съ подъятою на мщеніе рукою.

Но когда взглянула на него, и увидѣла его спокойно и безопасно почивающаго; когда узрѣла даже и въ сомкнутыхъ очахъ его нѣкую ласковую улыбку, и вообразила, чтобъ такое были онѣ, естьлибъ онъ обращалъ ихъ открытыя; то сперва изумленная остановилась; потомъ сѣла подлѣ него, и любуясь на младость и красоту лица его, чувствовала, что гнѣвъ ея исчезаетъ. Наконецъ такъ пристально устремила на него взоры свои, что казалась быть Нарцизомъ, смотрящимся въ источникъ.

Тонкимъ покрываломъ потъ съ прекраснаго чела его тихонько стираетъ, и легкими маханіями старается прохладить лѣтній безпокоющій его жаръ. Тако, кто бы подумалъ? потухшій огонь зажмуренныхъ

очей растопилъ окружавшій сердце ея твердѣйшій алмаза ледъ, и превратилъ ее изъ лютѣйшаго врага въ нѣжнѣйшую любовницу.

Изъ яцинтовъ, розъ и лилей, на сихъ пріятныхъ берегахъ растущихъ, сплетаетъ она особымъ искуствомъ составленныя мягкія и легкія, но крѣпчайшія цѣпи: ими шею, руки и ноги его опутываетъ, и тако связаннаго содержитъ въ плѣну. Потомъ соннаго еще возлагаетъ на колесницу свою, и съ нимъ подъемлется и летитъ подъ небесами.

Не правитъ ни въ царство свое Дамаское, ни въ крѣпость свою, посреди озера лежащую, но ревнующая о сохраненіи толь драгоцѣннаго залога, и стыдящаяся любви своей, пускается въ неизмѣримый океанъ, за предѣлы извѣстнаго намъ свѣта, куда рѣдко или никогда никакое судно отъ бреговъ нашихъ не заходитъ, и тамо жилищемъ своимъ избираетъ уединенный островъ.

Островъ, получившій съ малыми окрестъ его островами имя свое отъ щастія. Здѣсь останавливается она и сходитъ на вершину дикой, мраками окруженной, необитаемой горы, и волхвованіемъ своимъ творитъ, что льды и снѣги опускаются на бока ея и подошву, вершина же остается безснѣжная, зеленѣющаяся и прекрасная: тутъ подлѣ озера ставитъ она свои чертоги.

Тамо въ вѣчной веснѣ, утопая въ роскоши и сладострастіи, провождаетъ съ нею дни свои плѣненный ею младый витязь. Изъ сей-то далекой и безвѣстной темницы надлежитъ вамъ освободить его, и преодолѣть всѣ препоны, боязливою и ревнивою волшебницею вокругъ горы сей и жилища своего обставленныя. Съ вами будетъ путеводитель, который снабдитъ васъ всѣми потребными для сего великаго предпріятія оружіями.

Едва изыдете вы изъ сей рѣки, найдете младую лицемъ, но древнюю лѣтами жену; вы узнаете ее по длиннымъ собраннымъ на челѣ власамъ и по разноцвѣтной ея одеждѣ. Она скорѣе крилъ вѣтра, и быстрѣе молніи, промчитъ васъ по пространству морской пучины, и съ такою же вѣрностію потщится препроводить васъ на обратномъ пути.

При подошвѣ горы, гдѣ обитаетъ волшебница, повстрѣчаете вы новыхъ ползающихъ и шипящихъ пиѳоновъ, и страшныхъ, разверзающихъ широкія пасти свои львовъ и тигровъ; но когда вы махнете лозою моею, услыша свистъ ея въ воздухѣ, не посмѣютъ они къ вамъ приближиться. Послѣ сего, естьли слухъ правдивъ, найдете вы на вершинѣ горы еще величайшія сихъ препятствія.

Тамо представится вамъ текущій источникъ, имѣющій толь свѣжія и чистыя воды; что въ зрящихъ на него возбуждаетъ жажду; но внутри хладной и прозрачной влаги его таится толь чудный и вредоносный ядъ, что отъ малѣйшаго вкушенія сихъ свѣтлыхъ водъ, душа упивается веселіемъ, и понуждаетъ человѣка до тѣхъ поръ хохотать покуда онъ умретъ отъ смѣха.

Да отвратятся съ гнушеніемъ уста ваши отъ сей зловредной, смертоносной воды. Да не прельстятъ васъ также разставленныя на злачномъ брегу вкусныя яства, ниже лукавыя дѣвы, сладкогласно поющія, и прекраснымъ, смѣющимся лицемъ обворожающія. Не смотрите на нихъ, и презирая и взоры и слова ихъ хитрыя и сладострастныя, идите прямо въ высокія врата.

Внутренность жилища обнесена оградою, тысячами путей извивающеюся. Но я вручу вамъ малую хартію, содержащую въ себѣ толь вѣрный чертежъ, что вы по немъ безъошибочно пройти можете. Въ срединѣ лабиринта сего находится вертоградъ, гдѣ каждое древо, каждый листъ кажется дышетъ любовію. Тамо на мягкой муравѣ найдете вы лежащихъ рыцаря и дѣву.

Но когда она, оставя своего любезнаго, отлучится на время отъ него, вы тогда

появясь приступите къ нему, и алмазный щитъ, какимъ я васъ снабжу, поставьте ему предъ глаза, дабы въ немъ, какъ въ зеркалѣ, узрѣлъ онъ и образъ свой и женоподобную одежду, въ которую облеченъ. Сіе зрѣлище пристыдитъ его, подвигнетъ на гнѣвъ, и недостойную любовь изженетъ изъ его груди.

Ничего мнѣ больше не остается вамъ сказать, кромѣ того, что идите безъ всякаго опасенія, и проникнувъ сквозь всѣ искривленныя и запутанныя стези, вступите смѣло въ самую сокровеннѣйшую внутренность. Вы сопровождаетесь такимъ могуществомъ, что никакая волшебная сила не воспрепятствуетъ вашимъ стопамъ, и Армида прибытія вашего предузнать не можетъ.

Такожъ и обратный изъ чертоговъ ея выходъ будетъ вамъ невозбраненъ и безопасенъ. Но наступаетъ время сна, и завтра должны вы съ разсвѣтомъ дня возстать. Тако рекъ, и отвелъ ихъ въ назначенныя имъ для опочитія храмины; тамо, благій старецъ, оставя ихъ въ веселыхъ размышленіяхъ, отшелъ къ покою.

Конецъ четвертой-надесять пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Пѣснь пятаянадесять.

Уже прекрасный лучь восходящаго солнца вызывалъ къ трудамъ всѣхъ обитающихъ на земли тварей, когда пришедшій къ двумъ воинамъ мудрый старецъ принесъ имъ хартію, и щитъ, и злату́ю лозу. Приготовтесь, сказалъ онъ, къ великому пути, доколѣ день еще не совсѣмъ разсвѣлъ. Вотъ то, что я вамъ обѣщалъ, и чѣмъ можно разрушить волшебницыно чародѣйство.

Воины оставили уже одръ свой и крѣпкіе члены ихъ облечены были во всеоружіе, а потому и пошли немедленно за старцемъ путями не освѣщенными солнцемъ, и тѣ же слѣды, кои приходя проложили, топчутъ отходя. Но когда они пришли къ ложу рѣки его: друзья мои, сказалъ онъ имъ, я васъ оставляю; ступайте благополучно!

Рѣка пріемлетъ ихъ въ глубокое нѣдро свое, и вода тихо подхватываетъ и возноситъ ихъ, подобно какъ приподнимаетъ она легкую оторвавшуюся въ низу былинку; и потомъ поставляетъ ихъ на мокрый берегъ. Тамъ зрятъ они обѣщаннаго проводника;

видятъ малый кораблецъ, и на кормѣ его ту, которая долженствовала быть ихъ путеводительницею, волшебную жену.

Она имѣла власы кудрявые, и взоры ласковые и дружелюбные и спокойные; и видомъ походила на ангела; такъ отъ нее свѣтилось, что казалось она сіяетъ и горитъ. Одежда ея назвалъ бы ты то лазуревою, то багряною, и тысячами цвѣтовъ играющею, такъ что сколько разъ на нее ни взглянешь, всегда видишь иною.

Тако иногда перья на шеѣ прелестнаго и страстнаго голубка никогда сами съ собою не сходны, но всегда при солнечномъ сіяніи разными цвѣтами блистаютъ. То мнится быть на немъ изъ горящихъ рубиновъ ожерелье; то зеленыхъ смарагдовъ кажетъ онъ лучи; то вмѣстѣ ихъ смѣшиваетъ, и разнообразенъ и красивъ, множествомъ перемѣнъ увеселяетъ очи зрителей.

Войдите, сказала она, щастливые смертные, въ сей корабль, на коемъ я безопасно преплываю океанъ, и которому всякій вѣтръ попутенъ, всякая буря тиха, и всякій тяжкій грузъ легокъ. Господинъ мой, охотно благодѣтельствующій, поручилъ мнѣ быть вашею услужницею и проводницею. Тако рекла жена, и приблизила къ берегу корабль.

Когда благородная чета вступила въ

него, жена отваливаетъ отъ брега, освобождаетъ его отъ узъ, и распустя парусы, сидитъ на кормѣ и правитъ. Рѣка на сей разъ такъ была многоводна, что могла бы на хребтѣ своемъ и грузные корабли нести, а сей былъ такъ легокъ, что его поднялъ бы и всякой другой маловодный ручей.

Надутые вѣтромъ парусы съ необыкновенною скоростію несутъ корабль: сѣдая пѣна бѣлѣется, и раздвинутыя волны журчатъ за кормою. Се достигаютъ они туда, гдѣ рѣка расширяясь уменьшаетъ свою быстрину, и по пространству морской пучины разлитая или теряется, или становится невидимою.

Едва чудесный сей корабль вступилъ въ пространныя обуреваемыя тогда морскія бездны, мгновенно облаки исчезаютъ и угрожавшій черными тучами угрюмый югъ престаетъ дуть. Горы волнъ падаютъ, разстилаясь въ равнину и токмо тихимъ вѣтромъ синяя поверхность моря чешуится. Никогда улыбающееся въ благорастворенномъ воздухѣ небо не являлось толь веселымъ.

Малый корабль, миновалъ Аскалонъ, правитъ путь свой въ лѣво на задъ, и вскорѣ достигаетъ окрестностей Газы, сей Газы, что въ древнія времена была одно при-

станище корабельное, а нынѣ, обогатясь разореніемъ другихъ, возрасла въ великій и сильный градъ, на брегахъ коего почти столько же зрится людей, сколько песку.

Плаватели, обращая взоры на землю, видятъ безчисленное множество палатокъ, видятъ всадниковъ и пѣшихъ, безпрестанно движущихся изъ града въ станъ и обратно; зрятъ навьюченныхъ верблюдовъ и слоновъ медленною стопою топчущихъ песчаныя стези. Усматриваютъ во внутренности пристанища исходящіе изъ него и на якоряхъ лежащіе въ немъ корабли.

Иные изъ нихъ распускаютъ парусы, другіе проворно и сильно гребутъ веслами, отъ коихъ, равно какъ и отъ острыхъ носовъ, влажное нѣдро водъ, то тамъ, то индѣ ударяемое брыжжетъ и пѣнится. Тогда речетъ имъ жена: хотя берегъ и море преисполнены ратными людьми, однакожъ войски могущественнаго царя Египетскаго не всѣ еще сюда собралися.

Здѣсь зрите вы воиновъ изъ одного токмо Египта и окрестностей онаго; остальные же изъ отдаленныхъ странъ еще не пришли; ибо царство его далеко на востокъ и полдень простирается. Я надѣюсь, что мы прежде возвратимся, нежели станъ сей, имъ самимъ или первѣйшимъ изъ полководцевъ его предводимый, двинется.

Между тѣмъ, какъ она тако вѣщаетъ, корабль ея, подобно орлу между другими птицами безопасно пролетающему, и высоко къ солнцу едва очами видно парящему, летитъ между множествомъ судовъ, не забоясь и не опасаясь, чтобъ кто его задержалъ или бы за нимъ погнался, и скоро удаляясь теряется изъ виду.

Мгновенно приближаются къ Раффіи, градъ, который тѣмъ, кои плывутъ изъ Египта, прежде всѣхъ появляется; посемъ преносятся къ безплоднымъ брегамъ Ринокера, откол҄ѣ вскорѣ открывается гора, возносящая гордую вершину свою надъ моремъ, омывающимъ бурными волнами подошву ея, гдѣ лежатъ кости великаго Помпея.

Потомъ видятъ Даміетту, и зрятъ какъ Нилъ седмью славными устьями, и стомя другими не столь широкими рукавами, низливающіяся съ небесъ въ него воды несетъ въ дань морю, и гдѣ корабли проходятъ мимо града, храбрымъ Грекомъ для Грековъ основаннаго, и мимо Фароса, острова далече отъ брега отстоявшаго, а нынѣ съ брегомъ соединеннаго.

Родоса и Крита, весьма отдаленныхъ къ сѣверу, распознать не могутъ, и плывутъ вдоль цвѣтущихъ и плодоносныхъ береговъ Африки, коея внутренныя страны одними безплодными песками и лютыми

изобилуютъ чудовищами. Проходятъ Мармарику, и землю, гдѣ пять градовъ имѣлъ Циренъ; видятъ Птоломиту, и спокойно текущую изъ исходищъ своихъ баснословную Лету.

Отъ великой Сирты, опасной для мореплавателей, держатъ далѣе въ море. Проходятъ мысъ Іудейскій, и удаляются отъ залива Магры. Видятъ открывающійся на брегу Триполь, противъ котораго лежитъ утопающая въ водахъ низкая Мальта. Оставляютъ позади себя малыя Сирты и Альцербу, бывшую нѣкогда жилищемъ Лотофаговъ.

Посемъ среди согбеннаго дугою брега, имѣющаго по каждую страну высокую гору, зрятъ богатый, ни единому изъ всѣхъ знаменитыхъ Ливійскихъ градовъ не уступающій Тунисъ. Недалеко отъ него Сицилія, противъ коея возвышаетъ чело свое великій Лилибей. Отселѣ жена указуетъ двумъ воинамъ мѣсто, гдѣ былъ Карѳагенъ.

Лежитъ поверженъ славный Карѳагенъ; едва остались на брегу знаки величественныхъ его развалинъ. Падаютъ грады, падаютъ царства; великолѣпіе и пышность ихъ покрываются пескомъ и травою, а человѣкъ кажется быть негодующимъ на то, что смертенъ: о ума нашего безумная и корыстолюбивая гордость! Оттолѣ плы-

вутъ мимо Бизетты, и далѣе оставляютъ по другую руку островъ Сардинію.

Проплываютъ потомъ землю, гдѣ кочующіе Нумиды вели жизнь пастушескую. Срѣтаютъ Бугію и Алжиръ, гнусныя гнѣзда морскихъ разбойниковъ; далѣе срѣтаютъ Оронъ, и плывутъ вдоль береговъ Тангитаны, питательницы львовъ и слоновъ, нынѣ составляющей Марокское и Фецкое царство; и проходятъ мимо лежащей противъ нихъ Гранаты.

Уже достигли они туда, гдѣ море между земель отверзло себѣ путь, дѣяніе приписуемое подвигу Алкида; и можетъ быть правда, что нѣкогда простирался тутъ непрерывный брегъ, великою силою раздвоенный: океанъ хлынулъ, расторгъ его, Абилъ на едину, Кальпъ на другую страну бросилъ, и Гишпанію съ Ливіею раздѣлилъ: толикія долговременность вѣковъ творитъ премѣны!

Солнце, отъ начала отшествія корабля, четырежды появлялось на востокѣ; но онъ, преплывъ толикій путь, не имѣлъ ни единожды надобности зайти въ пристанище. Днесь входитъ въ проливъ, быстро пролетаетъ оный, и пускается въ безпредѣльную пучину. Когда здѣсь море, сжатое землею, толь пространно, чтожъ будетъ

тамъ, гдѣ оно въ нѣдрахъ своихъ содержитъ землю?

За высокими волнами не видно болѣе плодоноснаго Гадира, ни двухъ близкихъ къ нему острововъ. Скрылись всѣ берега и земли: вода съ небомъ, и небо слилось съ водою. Тогда Убальдъ рекъ: о ты, везущая насъ по сей пучинѣ жена, возвѣсти намъ, бывалъ ли кто когда либо здѣсь, и далѣе въ свѣтѣ, куда мы плывемъ, находятся ли жители?

Она отвѣтствуетъ: Геркулесъ по убіеніи Гишпанскихъ и Ливійскихъ чудовищъ, покоря и обтекши всѣ сіи земли, не дерзнулъ пуститься въ пространный океянъ. Онъ назвалъ сіи горы столбами, знаменующими конецъ свѣта, и заключилъ дерзновеніе человѣческаго ума въ тѣсные предѣлы; но Улиссъ, любопытный все увидѣть и узнать, пренебрегъ сіи преднареченыя имъ знаменія.

Онъ прешекъ сіи столбы, и воспѣня веслами море простеръ по немъ дерзкій свой полетъ; но пріобрѣтенная имъ въ мореплаваніи опытность не послужила ему въ пользу: прожорливый океянъ поглотилъ его, и сіе великое происшествіе, утаеваемое между вами, совокупно съ тѣломъ его погребено въ волнахъ. Естьли былъ кто другой, силою вѣтровъ отъ береговъ оттор-

женный, тотъ или не возвратился или погибъ.

По сей причинѣ сiе великое, преплываемое нами море никому неизвѣстно: въ немъ сокрываются тысячи острововъ, и тысячи царствъ, коихъ земли, населенныя жителями, толико же, какъ ваши, плодоносны, и способны производить всякiя растѣнiя: сила солнечныхъ лучей не меньше тамъ плодотворна. Тогда Убальдъ сказалъ: повѣдай намъ, какую безъизвѣстный свѣтъ сей исповѣдуетъ вѣру, и какими законами управляется?

Жена продолжаетъ: разные народы различны вѣроисповѣданiемъ, одеждою и нарѣчiемъ. Иные поклоняются животнымъ, иные общей всѣмъ матери земли, иные солнцу и звѣздамъ. Есть, кои нечистую утробу свою наполняютъ сквернояденiями, и вообще, всѣ живущiе по сiю страну Кальпа народы имѣютъ грубые нравы и злочестивое Богослуженiе.

Посему, прервалъ воинъ, Богу, снисшедшему просвѣтить насъ Божественными откровенiями, не благоугодно было сiю великую часть свѣта озарить лучами истины? Напротивъ, отвѣтствовала жена, вѣра Святаго Петра и всѣ наши гражданскiя художества проникнутъ къ нимъ; не всегда

путь сей далекій будетъ для вашихъ народовъ неприступенъ.

Придетъ время, когда Геркулесовы столбы почитаться будутъ презрѣнною отъ искусныхъ мореплавателей баснею. Сіи моря, нынѣ безъимянныя, и царства безвѣстныя, прославятся между вами. Отважнѣйшій изъ смертныхъ возсядетъ на корабль, измѣряетъ необъятное великихъ водъ пространство, и обтечетъ, соперникъ солнца, всю земнаго шара поверхность.

Мужъ Лигурянинъ дерзнетъ первый вдаться безвѣстному путеплаванію; ни грозный шумъ вѣтра, ни безпредѣльность моря, ни сомнительность подъ тѣмъ небосклономъ воздуха и погодъ, ниже что либо иное, еще болѣе опаснымъ и ужаснымъ почитаемое, не поколеблетъ твердаго духа его, и не удержитъ въ тѣсныхъ при Абилѣ поставляемыхъ предѣлахъ свѣта.

Ты, Колумбъ, распрострешь съ толикою быстротою щастливыя вѣтрила твои къ новымъ, далекимъ странамъ міра, что едва взорами своими успѣетъ слѣдовать за тобою стоочитая и стокрылая слава. Пусть поетъ она Алкида и Вакха, о тебѣ же токмо да не умолчитъ потомкамъ, и тогда сей малый глаголъ ея подвигнетъ умы къ составленію достопамятнѣйшихъ о тебѣ бытописаній и пѣснопѣній.

Тако рекла жена, и по холмистой пучинѣ мчала ихъ къ западу, и потомъ обратилась къ югу. Они видѣли какъ солнце предъ ними погружается въ воды, и какъ позади ихъ востающу ему раждается день. Когда прекрасной зари багряные возсіяли лучи, тогда въ дали сквозь мракъ открылась имъ гора, скрывающая чело свое въ облакахъ.

Но чѣмъ ближе становились они къ ней, тѣмъ болѣе мракъ сей прочищался, и вскорѣ представилась она взорамъ ихъ на подобіе острой въ верху, въ срединѣ же толстой пирамиды, изъ коей исходилъ дымъ, подобно какъ изъ хребта Энцелада, днемъ по природѣ своей курящагося, ночью же извергающаго пламень освѣщающій небо.

Напослѣдокъ появляются другіе соединенные острова, другія не столь высокія и огромныя скалы. Острова сіи въ древности названы щасливыми. Почитали ихъ столь благоугодными небесамъ, что земля на нихъ сама собою, безъ всякаго рукъ человѣческихъ труда, приносила зрѣлый виноградъ и сладчайшіе плоды.

Здѣсь масличныя безъ обмана цвѣтутъ древеса; изъ дуплистыхъ дубовъ каплетъ медъ; съ высокихъ горъ текутъ чистыя, пріятно журчащія струи; лѣтніе лучи такъ прохлаждаются легкими вѣтерками и ро-

сою, что жаръ ихъ никогда не бываетъ утомителенъ. Здѣсь полагались быть Елисейскія поля и славное блаженныхъ душъ жилище.

Къ симъ повезла ихъ жена, и сказала: конецъ пути вашего приближается; вы видите предъ собою острова, называемые щасшливыми, о коихъ великая, но не совсѣмъ вѣрная достигла до васъ слава; они безсомнѣнія цвѣтущи, плодоносны и прекрасны; но много однакожъ къ правдѣ примѣшено неправды. Тако рекла, и держала весьма близко къ первому изъ десяти оныхъ.

Тогда Карлъ сказалъ ей: естьли желаніе мое не препятствуетъ предпріятію нашему, на которое мы поспѣшаемъ, то позволь мнѣ сойти на сей берегъ, обозрѣть сію безвѣстную землю, увидѣть людей, узнать о ихъ богослуженіи, и обо всемъ томъ, въ чемъ бы ученые могли мнѣ позавидовать. Сколь пріятно для меня будетъ повѣствовать о сихъ зримыхъ мною новостяхъ, и сказать: я былъ тамъ!

Она отвѣтствуетъ: поистинѣ желаніе твое справедливо и достойно тебя; но что могу я сдѣлать, когда строгое, ненарушимое опредѣленіе небесъ того не позволяетъ? время, назначенное Богомъ къ сему великому открытію, еще не приспѣло: не положено

вамъ о пространствѣ океана принесть вѣрное въ свѣтъ вашъ извѣстіе.

Вамъ по особливой благодати, свыше обыкновеннаго искуства и дѣяній мореплавателей, дано преплыть сію воду, сойти туда, гдѣ заключенъ Ринальдъ, и возвратить его въ ваше земное полушаріе. Сего довольно: покушаться далѣе, было бы горделивое хотѣніе воспротивиться року. Тутъ умолкла, и казалось имъ первый островъ становится ниже, а второй выше.

Она показываетъ имъ, что сіи острова, простираясь длиннымъ рядомъ на востокъ, лежатъ почти въ равномъ разстояніи одинъ отъ другаго, и что на семи изъ нихъ можно примѣтить домы жителей, поля, и другіе признаки обитанія; а прочіе три пусты, и токмо въ горахъ и лѣсахъ являютъ безопасныя для дикихъ звѣрей жилища.

На единомъ изъ сихъ необитаемыхъ острововъ есть мѣсто весьма утесистое, гдѣ берегъ, искривясь и выдавшись двумя длинными рогами, пріемлетъ въ себя уходящій за нихъ широкій заливъ, при коемъ стоитъ примѣтная по двумъ холмамъ высокая скала, которая лицемъ къ нему, хребтомъ же къ морю обращенная, служитъ непреоборимою преградою стремящимся въ него и сокрушающимся объ нее морскимъ волнамъ.

Вода въ заливѣ покоится за нею въ тишинѣ; вершина скалы, покрытая дремучими лѣсами, являетъ мрачное зрѣлище; но посреди оныхъ находится пріятная, оброслая плющемъ, прохлаждаемая тѣнями, и свѣтлымъ источникомъ орошаемая пещера. Здѣсь нѣтъ надобности ни якоремъ ко дну, ни вервіемъ къ брегу, усталые прикрѣплять корабли. Жена въ сіе уединенное и тихое пристанище входитъ и убираетъ распущенные паруса.

Видите, сказала она, сіе огромное зданіе, на вершинѣ горы воздвигнутое? тамъ въ нѣдрахъ роскоши, посреди лакомствъ, игръ и веселія, утопаетъ защитникъ христіянскія вѣры. Вы съ восходящими лучами солнца ступайте на крутизну горы; не поскучайте симъ промедленіемъ; ибо одни токмо утренніе часы предпріятію вашему благопріятствовать могутъ.

Теперь же, съ остающимся еще свѣтомъ дня, можете вы дойти до подошвы горы. Воины, простясь съ услужливымъ вождемъ своимъ, выступаютъ на вожделѣнный брегъ; они идутъ по пути толь гладкому, что никакой усталости не чувствуютъ, и достигаютъ до мѣста, когда еще колесница Фебова далеко была отъ океяна.

Видятъ, что путь на величавую вершину горы лежитъ чрезъ пропасти и стрем-

нины, и что до самой высоты ея всѣ стези покрыты инеями и снѣгами, за коими цвѣты и травы и распушившіяся деревья, какъ бы при бѣлой брадѣ на зеленомъ темѣ процвѣтаютъ. Тамъ льды ласковы съ лилеями, и мразы дружны съ розами: толь сверхъестественна сила очарованія!

Оба воина въ тѣни уединеннаго и дикаго мѣста при подошвѣ горы останавливаются. Какъ скоро солнце, вѣчный источникъ свѣта, златыми лучами своими вновь освѣтило небеса, пойдемъ, пойдемъ, оба воскликнули они, и съ бодростію, съ ревностію пустились въ путь; но вдругъ невѣдомо отколѣ появляется страшный, разнообразный, ползущій змій.

Возноситъ главу и подъемлетъ желтый, чешуйчатый гребень; надуваетъ гнѣвное горло; сверкаетъ очами, и облегши чревомъ всѣ пути, рыгаетъ дымомъ и ядомъ. То самъ въ себя спрячется, то звѣно изъ звѣна выдвигаетъ, и самъ себя за собою тянетъ. Тако стоитъ на стражѣ, но воины стопъ своихъ не останавливаютъ.

Уже Карлъ извлекъ мечъ свой и нападаетъ на змія; но сотоварищъ его вопіетъ къ нему: что дѣлаешь? что предпріемлешь? силою руки и таковымъ оружіемъ хочешь побѣдить поставленное на стражѣ чудовище! Онъ махнулъ златою розгою, и звѣрь,

услыша свистъ ея, востренеталъ, кинулся бѣжать, и оставя имъ свободный путь, скрылся въ пещеры.

Нѣсколько повыше встрѣчаетъ ихъ свирѣпый левъ; онъ ревешъ, смотритъ на нихъ злобно, біетъ себя хвостомъ по ребрамъ, и отверзая широкую пасть свою возгарается яростію; но едва погрозили ему розгою, какъ весь природный гнѣвъ его исчезаетъ, превращается въ необычайную боязнь, и онъ спасаетъ себя бѣгствомъ.

Воины скорыми стопами продолжаютъ путь; но предъ ними является цѣлое полчище звѣрей, различныхъ и видомъ и гласомъ и движеніями. Все, что есть свирѣпаго и чудовищнаго въ предѣлахъ между Ниломъ и Атлантомъ; всѣ лютообразныя страшилища, въ Ирканскихъ и Герсинскихъ дебряхъ и лѣсахъ скитающіяся, кажется здѣсь во единое мѣсто собраны.

Но однакожъ сія свирѣпая, толь многочисленная толпа, не могла остановить и воспротивиться ихъ шествію; напротивъ, о новое чудо! отъ краткой угрозы, отъ малаго свиста розги, вся разбѣгается. Побѣдоносная чета воиновъ достигаетъ, безъ всякаго препятствія, до хребта горы, кромѣ токмо, что ледъ и трудная крутизна пути не позволяли имъ съ желаемою скоростію преходить оный.

Когда же потомъ вышли они изъ снѣговъ, и преодолѣли всѣ препоны и трудности, тогда находятъ на горѣ пространную долину, свѣтлое небо, и теплый, благорастворенный воздухъ. Легкіе вѣтерки прохладно дышатъ и разносятъ повсюду безпрестанное благоуханіе. Пріятное ихъ вѣяніе, не такъ какъ въ другихъ странахъ по обращенію солнца или усиливается или стихаетъ;

Не такъ какъ индѣ, то жаръ, то холодъ приноситъ, и поперемѣнно, то ясностію увеселяетъ, то угрожаетъ тучами. Небо всегда одѣто здѣсь чистѣйшимъ сіяніемъ, и никогда не бываетъ ни пламенно, ни мразно; оно питаетъ сочностію луга, рождая въ нихъ траву, въ травѣ цвѣты; цвѣтамъ даетъ сладкій запахъ, и древесамъ всегдашнюю пріятную тѣнь. На самой высотѣ стоятъ при озерѣ великолѣпнѣйшіе чертоги, господствующіе вокругъ надъ горами и моремъ.

Воины, утомленные тяжелымъ на крутизны восходомъ, шли по испещренному пути медленно и останавливались для отдохновенія. Се зрятъ они возбуждающій въ засохшихъ устахъ ихъ жажду свѣтлый источникъ, съ высоты скалы быстро по каменьямъ текущій, и раздѣляясь на тыся-

чи малыхъ прошоковъ орошающій зеленыя шравы.

Но вся вода скопляется пошомъ вмѣстѣ, и составляя между злачными брегами глубокій ручей, шечешъ журча подъ шѣнію вѣчноцвѣшущихъ древесъ, прохладна и синя, но шакъ прозрачна, что всѣ вещи на днѣ рѣки явсшвенно видны. Расшущая по берегамъ густая мурава мягкостію и пріяшностію своею привлекала желаніе на ней сидѣшь.

Вошъ источникъ смѣянія; вошъ ручей, смершоносную опасносшь въ себѣ содержащій. Здѣсь надлежишъ намъ воздержаться отъ всѣхъ нашихъ страстей, и бышь весьма осторожными. Заградимъ слухъ свой отъ сладкаго пѣнія, и отъ обманчивыхъ ласкъ сихъ прелестницъ сиренъ. Тако бесѣдовали между собою воины и пришли шуда, гдѣ ручей, разливаясь шире, составляешъ малое озеро.

На берегу пригошовленъ исполненный лакомыми и роскошными яствами столъ. Въ чистой водѣ гладкаго озерка играя купались двѣ рѣзвыя и веселыя дѣвицы: онѣ, то брызгались водою, то споряcь, кто опередитъ, пускались въ запуски плышь до условнаго мѣста. Иногда ныряли, и по долгомъ въ водѣ исчезновеніи, выставляли голову свою и спину.

Нагія и прекрасныя плавательницы поколебали нѣсколько твердую грудь двухъ воиновъ, такъ что они остановились посмотрѣть на нихъ. Дѣвицы же продолжали играть и забавляться: одна изъ нихъ высунулась изъ воды по самый поясъ, и открыла жаднымъ взорамъ всѣ прелести бѣлоснѣжныхъ своихъ персей; но другимъ членамъ ея озеро было покрываломъ.

Подобно какъ утренняя звѣзда омовенная и блистающая восходитъ изъ водъ, или какъ возсіяла рожденная изъ морской пѣны богиня любви, такъ она появилась; такъ съ свѣтлорусыхъ власовъ ея капали мокрыя жемчужины. Посемъ обратила она взоры, и будто нечаянно увидя двухъ воиновъ, пришла въ смятеніе.

Власы свои узломъ на темѣ завязанные, мгновенно распускаетъ: они густые и длинные упадаютъ, и нѣжнѣйшій мраморъ златымъ одѣваютъ покровомъ. О какое сокрылось подъ ними зрѣлище! но и то, которое сокрыло его, не меньше прекрасно. Тако водою и власами покровенная обращается она къ нимъ ласково и стыдливо.

Смѣется вмѣстѣ и краснѣетъ: стыдливость умножала въ ней пріятность смѣха, а смѣхъ придавалъ красоту стыдливости, разливавшей по нѣжнымъ ланитамъ ея до самаго подбородка прелестный румянецъ.

Она запѣла такимъ сладкимъ и пріятнымъ голосомъ, что восторжествовала бы надъ всякимъ другимъ сердцемъ: о щастливые странники, пришедшіе въ сіе блаженное жилище!

Здѣсь, въ семъ убѣжищѣ отъ свѣта, забываются всѣ претерпѣваемыя въ немъ скуки и печали, вкушаются тѣ утѣхи и покой, какими въ златые древніе вѣки наслаждались совершенно свободные люди. Оружіе, нужное вамъ доселѣ, можете безопасно отложить, и въ сихъ тѣняхъ посвятить оное миролюбію; ибо отнынѣ содѣлаетесь вы воинами любви.

Сладкимъ полемъ сраженія будетъ вамъ зеленый дернъ и мягкая на лугахъ трава. Мы отведемъ васъ предъ царское лице той, которая подданныхъ своихъ творитъ благополучными; она приметъ васъ въ число избранныхъ своихъ, наслаждающихся непрерывными радостями. Но прежде въ сихъ прозрачныхъ струяхъ омойте прахъ чела своего, и вкусите отъ сихъ яствъ.

Тако одна пѣла, другая тѣлодвиженія свои и взоры соглашала съ ея убѣжденіями, подобно какъ съ стройными звуками громкихъ струнъ соглашаютъ быстроту или медленность стопъ. Но воиновъ глухія и окаменѣлыя сердца не внимали симъ вѣроломнымъ и обманчивымъ прелестямъ; со-

блазнительный видъ ихъ и ласковыя слова, хотя и дѣйствовали надъ ихъ чувствами, но въ глубину души не досязали.

Естьли часть сладости сей, воспламеняющей желанія, и проникала внутрь, то строгій разумъ, ополченный оружіемъ, мгновенно истреблялъ и разрушалъ раждающуюся волю. Одна чета осталась обманутою и побѣжденною, другая ушла даже безъ всякаго привѣтствія и прощанія. Воины вступили въ чертоги; дѣвицы же, огорченныя отказомъ ихъ, опустились въ воду.

Конецъ пятой-надесять пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Пѣснь шестанадесять.

Кругло великолѣпное Армидино зданіе, и внутри онаго, въ самой срединѣ, находится садъ, толь украшенный, что изъ всѣхъ славнѣйшихъ въ свѣтѣ садовъ нѣтъ ни единаго, могущаго съ нимъ сравниться. Вокругъ онаго демонскою хитростію устроены неудобные для исхода, по извивающимся чертамъ расположенные ряды комнатъ. Садъ посреди сихъ изворотовъ и кривизнъ лежитъ непроницаемъ.

Оставя сто другихъ вратъ, ведущихъ въ сіе обширное зданіе, воины вошли въ самыя величайшія изъ нихъ: врата сіи, изъ чистаго сребра изваянныя, вращались на злашыхъ блистающихъ пѣтляхъ. Различныя на нихъ изображенія, искуствомъ работы драгоцѣнность вещества превышающія, обратили на себя взоры воиновъ. То были живыя лица; недоставало токмо словъ; и тѣ, естьли повѣрить очамъ, казались быть слышимы.

Здѣсь между Меонійскими дѣвицами зрѣлся съ прялкою въ рукахъ пустословя-

щій съ ними Алкидъ Побѣдитель ада, державшій небо на раменахъ, теперь прядетъ куделю. Леля смотритъ на него и смѣется. Іола, имѣя на спинѣ львиную кожу, весьма для толь нѣжныхъ членовъ ея грубую, забавляется, вращая слабыми руками убійственное оружіе.

Насупротивъ море, и видишь на синихъ поляхъ его сѣдыя пѣнящіяся волны. Посреди оныхъ зрятся два ряда устроенныхъ другъ противъ друга кораблей; отъ орудій ихъ пышетъ пламя; вода горитъ какъ злато, и кажется по всему Левкату распростерся пожаръ. Съ одной страны Августъ привелъ Римлянъ, съ другой съ Антоніемъ подвигся весь востокъ, Египтяне, Индѣйцы и Арабы.

Ярость, съ какою грозные корабли другъ на друга наступали, являлась толь чрезмѣрною, что казалось сдвинутые съ мѣстъ своихъ Циклады плаваютъ по водамъ, и горы спираются съ горами. Уже огни и копья сверкаютъ; уже море покрылось обломками и трупами. Побѣда еще колеблется; но се Клеопатра уже бѣжитъ.

И бѣжитъ Антоній! Онъ ли возмогъ отъ владычества надъ свѣтомъ, коего алкалъ, отрещися? Нѣтъ! храбрость его не знаетъ страха; нѣтъ! онъ не бѣжитъ; но слѣдуетъ за тою, которая бѣжитъ, и его за собою

влечетъ. Въ немъ видѣнъ человѣкъ, вмѣстѣ и любовію и стыдомъ и гнѣвомъ кипящій; онъ въ недоумѣніи озирается, то на лютую сомнительную битву, то на бѣгущіе корабли.

Въ Нильскія потомъ убѣжища сокрытый кажется въ объятіяхъ ея ожидаетъ смерти, но красотою лица ея утѣшаемый забываетъ о своемъ нещастіи. Таковыя изображенія представлялись на сихъ великолѣпныхъ вратахъ изваянныя. Воины, по насыщеніи зрѣнія своего оными, вступаютъ во внутренность лабиринта.

Подобно какъ Меандръ въ извивающихся брегахъ своихъ играетъ, и теченіемъ своимъ непостояннымъ, то вверхъ подъемлется, то опускается внизъ, и воды свои то къ истоку своему, то къ морю несетъ, и между тѣмъ какъ стремится, себя, возвращаясь, встрѣчаетъ: такими и еще болѣе изгибистыми путями надлежало чрезъ жилища сіи проходить; но книга, содержащая въ себѣ чертежъ оныхъ, книга, данная волхвомъ, вѣщала, и всю таинственность ихъ ясно открывала.

Когда воины вышли изъ всѣхъ сихъ искривленныхъ и перепутанныхъ путей, тогда предъ очами ихъ открылся прелестнѣйшій вертоградъ: стоящія и текущія, какъ хрусталь, воды; различные цвѣты, раз-

ныя растѣнія и разныя травы; зеленые холмики, тѣнистыя долины, лѣса и пещеры, во единомъ представлялись обзорѣ. Всего же краше и удивительнѣе было то, что искуство, все сіе произведшее, само нигдѣ не являлось.

Соединеніе простоты съ хитростію было толь совершенное, что всякъ почелъ бы всѣ сіи творенія и украшенія естественными. Казалось, что природа подражательницѣ своей хитрости шутя подражала. Самый воздухъ, олиственявшій древа, былъ не иное что, какъ волшебство: съ вѣчными цвѣтами вѣчно произрастали плоды; одинъ раждался, другой поспѣвалъ.

На единомъ и томъже стеблѣ, и подъ тѣми же листвіями, смоква наливается, и смоква увядаетъ; на единой и той же вѣткѣ виситъ старое желтое, и новое зеленое яблоко. Тамъ, въ мѣстахъ ярчѣе освѣщаемыхъ солнцемъ, индѣ высоко вьются и распускаютъ пучки свои виноградныя лозы; индѣ начинаютъ цвѣсти и зеленѣть грозды, а индѣ, наполненные уже нектаромъ, являются злато желты и зрѣлы.

Прекраснѣйшія птички на зеленыхъ вѣтвяхъ сладко поютъ любовь. Легкіе вѣтерки, повѣвая и шевеля листками древесъ, тихій шумъ свой соединяютъ съ пріятнымъ журчаніемъ водъ. Когда птички пере-

стаютъ пѣть, шумъ сей слышится громче, когда же опять запоютъ, онъ становится тише. Случайность ли то, или искуство, но вѣтерки или согласно съ пѣніемъ птичекъ шумятъ, или пѣніе ихъ повторяютъ.

Одна между птицами летаетъ, имѣющая разноцвѣтныя перья и багряный клювъ. Она языкомъ своимъ дебелымъ умѣла исходящій изъ гортани гласъ свой уподоблять человѣческой рѣчи. Птица сія къ великому удивленію воиновъ начинаетъ сладко вѣщать. Всѣ другія, внимая ей, умолкли, и вѣтры дыханіе свое прекратили.

Взгляните, пѣла она, взгляните на младую, нѣжную розу, когда она изъ пучка своего выступаетъ, и до половины открытая, до половины сокрытая, чѣмъ меньше показывается, тѣмъ прекраснѣе. Вотъ она смѣло нагую грудь свою раскрываетъ, вотъ вянетъ, и вотъ уже не та, какая была прежде, тысячію дѣвицъ желаемая, тысячію страстныхъ юношъ искомая.

Тако съ прехожденіемъ дня преходитъ живость и цвѣтъ жизни нашей смертной. Весна возвращается, но мы не зеленѣемъ съ нею и не разцвѣтаемъ. Сорвемъ розу, въ утреннемъ ея блескѣ, покуда она не отцвѣла. Сорвемъ розу любви: станемъ любить, покуда любя можемъ быть любимы.

Умолкла, и всѣ птички, какъ бы въ

утвержденіе словъ ея, согласно подхватили и воспѣли снова. Голуби умножили поцѣлуи свои, и всѣ животныя воспылали страстію: казалось твердый дубъ, и цѣломудрый лавръ, и вся ихъ сѣннолиственная порода; казалось и земля, и вода, вздыхаютъ и нѣжатся въ сладчайшихъ чувствахъ любви.

Посреди сего объявшаго всѣхъ сладострастнаго таянія, и столькихъ размягчающихъ сердце соблазнительныхъ прелестей, воины, твердые и строгіе, идутъ, скрѣпясь и не увлекаясь приманчивостію утѣхъ. Се между кустами и кустами, сперва думаютъ видѣть, или кажется имъ, а напослѣдокъ и подлинно видятъ утопающихъ въ любви Ринальда и Армиду: она въ нѣдрахъ травы, онъ въ ея объятіяхъ.

Покрывающая грудь Армидину легкая одежда была раскрыта, и растрепанные власы ея возвѣвались вѣтромъ: она имѣла видъ утомленный, лице зардѣвшееся, бѣлизною влажныхъ просѣдающихъ изъ него жемчужинъ украшенное. Въ очахъ ея орошенныхъ играла, подобно какъ въ водѣ лучъ, милая, сладострастная улыбка. Она смотрѣла на него наклонясь, а онъ, положа голову свою на мягкія колѣна ея, лежалъ лицемъ къ лицу.

И взоры свои жадные на нее устрем-

ляя прельщался и млѣлъ: она тогда, нагнувшись, сладостно лобызала его и въ очи и въ уста. Онъ въ сіе время испускалъ толь глубокія воздыханія, что казалось душа его, исходящая изъ него преселялась въ ея душу. Воины скрытно смотрятъ на сіи любовныя ихъ нѣжности.

Армида на бедрѣ своемъ имѣла странное украшеніе, чистое зеркальное стекло. Она встала, и сіе избранное таинствъ любви хранилище подала ему въ руки. Оба, одна съ смѣющимися, другой съ пламенными взорами, смотрятъ и въ разныхъ предметахъ видятъ одинъ предметъ: ей стекло, а ему веселые глаза ея служатъ зеркаломъ.

Одинъ плѣномъ своимъ, другая побѣдою гордится; онъ ею, она имъ не можетъ надышаться. Обрати, говоритъ онъ ей, обрати на меня прекрасныя очи свои, блаженство мое составляющія; взгляни, естьли еще не знаешь, взгляни на пламень души моей: твой образъ и всѣ твои несравненныя прелести, лучше нежели зеркало, покажетъ тебѣ грудь моя.

Ахъ! ежели ты на меня взглянуть не хочешь, то посмотри по крайней мѣрѣ на собственное твое лице; взоръ твой, не могущій ничего подобнаго тебѣ найти, насладится самъ на себя обращенный. Зеркало не способно изобразить всѣхъ твоихъ кра-

сотъ: рай въ маломъ стеклѣ вмѣститься не можетъ. Одно небо есть достойное тебя зеркало, въ звѣздахъ его можешь ты зрѣть свой прелестнѣйшій образъ.

Армида при словахъ сихъ усмѣхается, однакожъ не престаетъ смотрѣться въ зеркало и украшать себя нарядами. Она власы свои поправляетъ: длинные, растрепавшіеся, приводитъ въ порядокъ, короткіе же завиваетъ въ кудри, или вплетаетъ въ нихъ, какъ синету въ злато, свѣжіе цвѣты; къ природнымъ лилеямъ прекрасной груди своей приставляетъ постороннія розы, и распахнувшіеся на ней тонкіе покровы вмѣстѣ соединяетъ.

Никогда гордый павлинъ многоочитыми перьями своими толико не величался, никогда прекрасная радуга при солнечномъ сіяніи толикою разноцвѣтностію не блистала. Но выше всякія красоты являлся на ней поясъ, коего она и нагая не снимала. На семъ поясѣ умственные предметы превращены были въ зримые тѣлесными очами, и когда она составляла его, то соединила и сочетала въ немъ такія вещи, какихъ никто, кромѣ ее, соединить не могъ.

Нѣжные гнѣвы, и тихіе спокойные отказы, милыя ласки, и веселыя примиренія, улыбки, томно произнесенныя полусловечки, пріятныя слезы, прерванные вздохи, и

сладострастные поцѣлуи: всѣ сіи вещи Армида изваяла, соединила вмѣстѣ, легкимъ пламенемъ луча припекла, и всегда чуднымъ симъ поясомъ была препоясана.

Насытясь всѣми ласками и нѣжностями, напослѣдокъ она съ нимъ прощается, цѣлуетъ его, и уходитъ. Она по обыкновенію днемъ отлучалась изъ сихъ мѣстъ, для исправленія дѣлъ своихъ и начертанія таинственныхъ письменъ. Онъ же, не имѣя позволенія ни на единую минуту куда либо исходить, оставался, и одинъ, въ отсутствіи ея, прогуливался между животными и растѣніями.

Но когда дружелюбные между собою мракъ и безмолвіе манятъ хитрыхъ любовниковъ къ сладкимъ похищеніямъ, тогда оба они уходили подъ единый кровъ воздвигнушаго въ семъ вертоградѣ жилища. Въ сіе же время, когда Армида, позванная къ важнѣйшимъ занятіямъ, оставила свои утѣхи, два скрывавшіеся въ кустахъ воина въ великолѣпномъ одѣяніи предстаютъ предъ него.

Подобно какъ ярый конь, съ поля брани и побѣдъ въ подломъ покоѣ между табунами кобылицъ необузданно бродящій, когда почуетъ звукъ трубы или блистаніе мечей, мгновенно пробудясь, со ржаніемъ туда обращается, и уже готовъ, неся на хребтѣ

своемъ всадника, пуститься въ битву, и и скачущій препираться съ скачущими.

Тако Ринальдъ: когда очи его поразились лучами сверкающихъ оружій, тогда духъ его, сей духъ воинственный, неукротимый, хотя упоенный нѣжностями и въ роскошахъ погрязшій, тотчасъ при блескѣ семъ воспрянулъ. Между тѣмъ Убальдъ подходитъ къ нему и поставляетъ алмазный щитъ ему предъ очи.

Онъ устремляетъ на свѣтлый щитъ сей быстрые взоры, и видитъ себя, какъ въ зеркалѣ, въ настоящемъ своемъ видѣ: весь въ цвѣтахъ, власы и одежда опрысканы духами, а мечъ, грозный мечъ, лежитъ подлѣ него, празденъ, испещренъ недостойными украшеніями, такъ что походитъ болѣе на потѣшное, нежели на бранное оружіе.

Подобно человѣку, послѣ глубокаго и тяжкаго сна пробудившемуся, онъ озираетъ себя, и озираетъ съ негодованіемъ; взоры его потупляются; объятый стыдомъ и смущеніемъ онъ опускаетъ ихъ на землю; желалъ бы, да сокроетъ себя, погрузиться въ море, кинуться въ огонь, низвергнуться во глубину бездны.

Тогда Убальдъ начинаетъ ему вѣщать: Европа и Азія горятъ войною; всякъ кто ищетъ чести и любитъ Спасителя Христа,

рашуетъ за него въ Сиріи. Ты одинъ, сынъ Бертольдовъ, за предѣлами свѣта въ тѣсномъ углу сидишь въ праздности; тебѣ одному, храброму Армидину воину, нѣтъ нужды до волненія вселенной!

Какой сонъ, или какое онѣмѣніе чувствъ усыпило доблесть твою? или какими уловленъ ты прелестями порока? Возстани, опомнись, войско и Готфридъ зовутъ тебя, щастіе и побѣда тебя ожидаютъ. Пріиди, избранный отъ неба воинъ, окончить толь благополучно начатое предпріятіе: Магометанская уже пораженная тобою вѣра, да падетъ подъ твоимъ побѣдоноснымъ мечемъ.

Умолкъ, и благородный юноша пребылъ нѣсколько времени смущенъ, неподвиженъ и безмолвенъ. Но когда стыдъ уступилъ мѣсто гнѣву, гнѣву яростно воскипѣвшему, и когда къ покраснѣнію лица его присовокупился новый огнь, болѣе пылкій, тогда растерзалъ онъ на себѣ недостойныя одежды и украшенія, сіи уничижительные знаки рабства.

Поспѣшилъ въ путь; и вскорѣ вышелъ изъ смѣшанныхъ и запутанныхъ стезей лабиринта. Между тѣмъ Армида увидѣла убіеннаго при царскихъ вратахъ грознаго стража. Усумнилась сперва, но скоро примѣтила, что драгой Ринальдъ, ея препоясался къ отшествію, и увидѣла его, о лютое зрѣ-

лище! спѣшащаго, обратя хребетъ, уйти изъ жилища утѣхъ.

Хотѣла воскликнуть: куда, о жестокой, оставляешь меня одну? но печаль не дала изыти гласу, и жалобное слово обратилось назадъ, да нанесетъ еще горшее растерзанному сердцу мученіе. Нещастная! всѣ утѣхи ея похищаетъ сила, превосходнѣйшая всѣхъ ея хитростей и знаній. Она видитъ то, и тщетно, чтобъ удержать его, прибѣгаетъ къ безуспѣшнымъ своимъ искусствамъ.

Сколько Ѳессалійская волшебница сія изъ нечистыхъ устъ своихъ произнесла заклинаній! Все, что небесныхъ круговъ вращеніе остановить, и тѣни изъ преисподней темницы извлечь могло, она знала; но при всемъ томъ не могла достичь, чтобъ адъ по крайней мѣрѣ ей отвѣтствовалъ. Оставляетъ чародѣйство и хочетъ испытать, не будетъ ли плачущая красота лучшею волшебницею.

Бѣжитъ, не удерживаясь ни гордостію, ни честію. Ахъ! куда дѣлись прежнія ея побѣды и торжество? Она любовное царство, сколь оно ни велико, единымъ мановеніемъ по волѣ своей вращала, и столь же надменная, сколь прелестная ненавидя любовниковъ, любила быть любимою, и сама себѣ токмо нравясь, въ другихъ все прези-

рала, кромѣ влїяннаго въ нихъ прекрасными очами своими чувствованїя.

Но теперь, оставленная и презрѣнная гонится за тѣмъ, кто ее покинулъ, и старается отвергаемый имъ даръ красоты своей украшать слезами; бѣжитъ стремительно съ горы, не смотря ни на льды, ни на колючїе терны, нѣжныя стопы ея уязвляющїе; посылаетъ предтечами вопль и стоны, и не прежде настигаетъ его, какъ у самаго брега.

Отчаянная вопїетъ: о ты, часть меня уносящїй съ собою, и часть оставляющїй, возми одну, или отдай другую, или обѣ вмѣстѣ умертви. Постой, постой! прими послѣднїя слова мои; не говорю лобзанїя: другая щастливѣйшая насладится ими. Остановись, чего боишься, жестокой? когда могъ ты меня оставить, то и жалобы мои отринуть можешь.

Тогда Убальдъ сказалъ: Государь, неприлично тебѣ не дождаться ея. Она, ополченная прелестями и прозбою, приходитъ къ тебѣ утопающая въ горькихъ слезахъ. Кто тверже тебя будетъ, когда ты, видя и слушая Сиренъ, не обольщенный восторжествуешь надъ ними? Тако разумъ, дѣлаясь непоколебимымъ, становится царемъ надъ нашими чувствами.

Ринальдъ остановился: Армида прибѣ-

гаетъ къ нему, запыхавшаяся, рыдающая до безконечности горестная; но столько же прекрасная, сколько и печальная. Она смотритъ на него пристально и молчитъ, отъ того ли, что сильное чувствуетъ огорченіе, или что размышляетъ, или что не смѣетъ. Онъ же отвращается отъ ней, и когда украдкою взглянетъ, то потупляетъ тотчасъ глаза и стыдится.

Какъ искусный пѣвецъ, прежде нежели громкимъ пѣніемъ наполнитъ воздухъ, тихими напѣвами предначинаетъ, дабы ухо слышателей приготовить къ ожиданію сладкаго гласа его: такъ Армида при всей своей печали не забываетъ искуствъ и хитростей: сперва краткими воздыханіями тщится расположить душу его къ принятію жалобныхъ ея словъ.

Потомъ начинаетъ: не ожидай, жестокой, чтобъ я стала тебя просить, какъ любящая проситъ любящаго; таковыми нѣкогда мы были; теперь, когда ты тѣмъ не хочешь быть, и память о томъ тебѣ противна, выслушай меня по крайней мѣрѣ какъ врагъ мой; и врагъ не отрицаетъ иногда прозбы врага своего; моя же прозба такая, что можешь удовольствовать ее, не погашая въ сердцѣ твоемъ вражды своей ко мнѣ.

Ежели ты ненавидишь меня, и въ томъ

чувствуешь нѣкоторое удовольствіе, я не пришла лишить тебя онаго: наслаждайся имъ. Тебѣ оно кажется справедливымъ; пусть такъ. И я также ненавидѣла Христіянъ, не запираюсь; ненавидѣла тебя самаго. Я родилась въ язычествѣ; употребляла разные способы къ разрушенію вашего царства; желала тебѣ зла, взяла тебя, и съ поля брани унесла въ чуждую, безвѣстную страну.

Присовокупи къ тому еще то, что почитаешь ты самымъ великимъ для себя оскорбленіемъ и безславіемъ: я прельстила тебя, вовлекла въ бывшую между нами любовь: злодѣйское, по истиннѣ, прельщеніе, пагубный обманъ, вручить себя мучителю, и дать ему похитить дѣвическую честь! даръ, котораго столь многіе въ награду себѣ искали, всѣмъ отказать, и отдать его одному новому пришельцу!

Считай это обманомъ, и включи его въ число тѣхъ моихъ великихъ противъ тебя преступленій, которыя велятъ тебѣ отселѣ удалиться и забыть сію нѣкогда толь сладкую для тебя обитель. Ступай, преплывай моря, сражайся, трудись, разрушай вѣру нашу; я тебя къ тому поощряю; но что я говорю нашу? ахъ! она не моя больше: ты одинъ жестокой божество мое;

тебѣ одному я вѣрна, тебѣ служу и покланяюсь.

Прошу объ одномъ только: дозволь мнѣ слѣдовать за тобою: въ толь малой прозьбѣ и врагамъ не отказываютъ. Похищающій не бросаетъ своей добычи; побѣдитель не оставляетъ своего плѣнника. Воинство твое да увидитъ меня влекомую съ прочими твоими пріобрѣтеніями, и указуя перстами на меня презрѣнную рабу твою, да восплещетъ тебѣ, что ты торжествовавшую надъ всѣми влачишь къ колесницѣ твоей прикованную.

На что мнѣ, подлой рабѣ, сохранять сіи власы мои, не угодные тебѣ? остригу ихъ, и съ именемъ невольницы соглашу рабскіе мои поступки. Пойду за тобою въ самую жаркую битву, въ средину враговъ твоихъ; не устрашусь ничего; съ мужествомъ поведу коней твоихъ, и понесу за тобою копіе твое.

Буду, чѣмъ ты захочешь, щитоносицею или щитомъ твоимъ: обороняя тебя, не поскуплюсь моею кровію; всякое оружіе прежде пройдетъ сквозь шею и грудь мою нагую, нежели достигнетъ до тебя. Можетъ быть не сыщется такой жестокой, который восхотѣлъ бы, пронзая меня, тебя убить; можетъ быть красота моя, хотя и

печальная, остановитъ мстительную руку его.

Нещастная! еще превозношуся, еще величаюсь красотою моею поруганною, презрѣнною! — Хотѣла продолжать, но залилась слезами, подобно источнику изъ Альпійской скалы текущему. Въ уничиженномъ видѣ бросается къ нему, хватаетъ его за руки, за платье; но онъ отступаетъ, противится и побѣждаетъ: любовь не входитъ въ сердце его, слезы не исходятъ изъ очей.

Не можетъ прежній пламень любви проникнуть въ грудь, которую разумъ оледенилъ; но вмѣсто огня сего проницаетъ въ нее жалость, подруга любви, хотя и цѣломудрая: она входитъ и толико въ немъ дѣйствуетъ, что едва можетъ онъ удерживать слезы; старается нѣжное чувство сіе въ себѣ превозмочь, и сколько можно вооружается твердостію и притворствомъ.

Потомъ отвѣтствуетъ: Армида, я крайне о тебѣ сожалѣю; о какъ бы я хотѣлъ, естьли бы могъ! Потуши въ душѣ своей неприлично воспылавшій пламень; не злоба, не гнѣвъ, не мщеніе дѣйствуютъ во мнѣ, я забываю оскорбленія; ты не врагъ мой, и не раба моя. Конечно, ты и въ ненависти и въ любви своей излишествовала и прешла предѣлы;

Но чтожъ? то были человѣческія сла-

бости, обыкновенные проступки. Извиняю въ тебѣ приверженность къ закону твоему, полъ твой, и лѣта твои. Я также преступилъ должность, и ежели себя не осуждаю, то и тебя не обвиню. Воспоминаніе о тебѣ всегда въ радостяхъ и печаляхъ моихъ будетъ мнѣ драгоцѣнно, и никогда не отрекусь я быть твоимъ, сколько война въ Азіи, честь и вѣра позволятъ.

Увы! послѣдній часъ сей да будетъ концемъ нашихъ заблужденій. Престань утѣшаться общимъ намъ стыдомъ. Да погребется память о томъ въ сихъ дикихъ и безвѣстныхъ странахъ; въ Европѣ же, и въ двухъ другихъ ближайшихъ къ ней частяхъ свѣта, между всѣми моими дѣяніями единое сіе да умолчится! Умоляю тебя, не желай, чтобъ царское имя твое, достоинство, красота, помрачены были безславіемъ. Живи щастливо; я отъѣзжаю; тебѣ послѣдовать за мною не возможно: тотъ, кто везетъ насъ, сего не позволитъ. Останься здѣсь и будь благополучна, или избери иное для жительства мѣсто, и обуздай печаль твою благоразуміемъ.—Она, доколѣ онъ слова сіи вѣщалъ, блѣднѣющая, трясущаяся, долго смотрѣла на него лютыми очами, и напослѣдокъ съ яростію провозгласила:

Не отъ Софіи ты родился, не отъ Аціевой происшелъ крови: морская свирѣпая вол-

на и льдистый Кавказъ произвели тебя, и злая Ирканская львица воспитала тебя своими сосцами! Къ чему мнѣ болѣе притворяться? Злосердый человѣкъ, пришелъ ли онъ хотя въ малѣйшее сожалѣніе? перемѣнился ли хотя въ лицѣ? испустилъ ли хоть каплю слезъ, или вздохнулъ ли хотя единожды?

Что я пропущу, и что скажу? отдается мнѣ и отъ меня бѣжитъ, оставляетъ меня! Какъ великодушный побѣдитель, забываетъ преступленія врага и злыя дѣла мои прощаетъ! Послушай что совѣтуетъ! послушай, какъ Ксенократъ сей цѣломудрый разсуждаетъ о любви! О небеса! о боги! почто вы сихъ злодѣевъ терпите? почто допускаете ихъ разрушать башни ваши и храмы?

Ступай, немилосердый; будь такъ щастливъ, какъ щастливу меня оставляешь; бѣги, безчеловѣчный! скоро духъ мой безплотный, тѣнь моя горькая повсюду безотлучно потечетъ за тобою: новая фурія съ змѣями и пламенемъ буду тебя столько мучить, сколько любила; и ежели судьба допуститъ тебя преплыть море, спастися отъ волнъ и камней, и прибыть на мѣсто сраженія;

Тамъ, посреди крови и труповъ, лежащій, умирающій, заплатишь ты мнѣ, лютый воинъ, за мои мученія. Станешь при

послѣднихъ издыханіяхъ часто произноситъ имя Армидино; я льщусь, я надѣюсь то услышать . . . . . Тутъ силы ея ослабѣли; даже и послѣдняго слова не могла она докончить: упала полумертвая, хладный потъ выступилъ изъ ней, и очи закрылись.

Сомкнулись очи твои, Армида; завистливая судьба не дала тебѣ въ мукахъ твоихъ вкусить отраду. Открой, нещастная, глаза; посмотри, какъ слезы льются изъ очей твоего любезнаго. О! ежели бы ты могла слышать, о сколь бы звукомъ воздыханій его слухъ твой усладился! съ какою жалостію — но ты того не чувствуешь — съ какою всевозможною для него нѣжностію прощается онъ съ тобою въ послѣдній разъ!

Что дѣлать Ринальду? оставить ли ее въ семъ состояніи полумертвую на пустомъ, песчаномъ брегу! Человѣчество удерживаетъ, жалость не пускаетъ, но жестокая необходимость влечетъ его насильно. Онъ отъѣзжаетъ, и уже легкій вѣтръ возвѣваетъ власы сопровождательницы ихъ. Златые парусы несутся по пространству моря. Онъ смотритъ на берегъ, и берегъ исчезаетъ.

Когда Армида пришла въ себя и печальными взорами обозрѣла безмолвную, окружавшую ее пустыню: онъ уѣхалъ, возопила, и могъ оставить меня въ опасности моей

жизни? Ни краткаго промедленія, ни малой помощи при концѣ дней моихъ, измѣнникъ, не хотѣлъ мнѣ подать? А я еще люблю его? и на семъ брегу неотмщенная сижу и плачу?

Къ чему служатъ мнѣ слезы мои? развѣ нѣтъ уже у меня иныхъ оружій, инаго искуства? Ахъ! погонюсь за злодѣемъ: не скроется онъ отъ меня ни въ пропастяхъ земныхъ, ни въ высотахъ небесныхъ. Уже настигаю его, хватаю, вырываю изъ него сердце, и члены его раздранные во ужасъ измѣнникамъ вѣшаю на древахъ. Гораздъ онъ уязвлять; я превзойду его въ семъ искуствѣ; но гдѣ я? что вѣщаю?

Бѣдная Армида, тогда было надлежало тебѣ, и справедливо, надъ жестокимъ ругаться, когда онъ былъ твой плѣнникъ: теперь поздо и безполезно воспламеняешься ты гнѣвомъ и яростію. Однако же, хотя прелести и хитрость ума моего безплодны, но желаніе мое не останется тщетнымъ. О презрѣнная красота моя! ты поругана, тебѣ и отмщать за себя страшнымъ образомъ должно.

Да будетъ сія красота моя наградою тому, кто ненавистную главу измѣнника отдѣлитъ отъ тѣла. О славные искатели руки моей! труднаго, но знаменитаго требую отъ васъ подвига. Наслѣдница величайшихъ сокровищъ, съ тѣмъ сопрягусь бра-

комъ, кто за меня отмститъ. Естьли же не сыщется никто желающій купить меня сею цѣною, красота, ты безполезный даръ природы.

Даръ нещастный, я отвергаю тебя, и вмѣстѣ гнушаюсь и жизнію, и царствомъ, и рожденіемъ. Одна только сладкая надежда мщенія можетъ еще удерживать меня въ жизни. Тако раздраженная прерывистымъ гласомъ речетъ, и стопы свои отъ сихъ пустынныхъ мѣстъ съ поспѣшностію направляетъ, показуя растрепанными власами, грозными взорами и распаленными ланитами, коликою одержима она яростію.

Приходитъ въ чертоги свои, призываетъ ужаснымъ гласомъ триста адскихъ духовъ. Небо черными облаками покрывается, и великое свѣтило дня мгновенно блѣднѣетъ. Вѣтръ воетъ, вершины горъ трясутся, слышно стенаніе ада подъ ногами. Въ чертогахъ раздается ревъ, свистъ, грохотъ, лай.

Мрачнѣйшая ночи тьма, не вмѣщающая въ себѣ ни единыя искры свѣта, окружаетъ всю окрестность зданія. Иногда токмо сквозь густоту мрака сверкаютъ молніи. Напослѣдокъ тьма исчезаетъ и съ пасмурнымъ утромъ появляются блѣдные лучи солнца. Чертоговъ не стало болѣе, ниже

признаковъ не видно, ниже сказать можно: тутъ они стояли.

Подобно какъ иногда составленныя въ воздухѣ изъ облаковъ кратковременныя громады вѣтромъ разносятся; или какъ сонъ въ болѣзни мечтающійся исчезаетъ: такъ исчезли чертоги, и остались однѣ природныя скалы и ужасъ. Армида по обыкновенію своему садится на уготованную колесницу и возносится къ небесамъ.

Попираетъ облака и летя раздвигаетъ воздухъ. Окруженная туманами и свистящими вихрями несется въ другое полушаріе свѣта; оставляетъ земли, безвѣстными народами обитаемыя; пролетаетъ мимо Геркулесовыхъ столповъ, и не приближаясь ни къ Гесперійскимъ, ни къ Мавританскимъ брегамъ, держитъ путь свой въ высотѣ надъ моремъ, и приносится прямо въ Сирію.

Не спускается въ Дамаскъ, и любезнаго прежде отечества своего не желаетъ видѣть; но правитъ колесницу къ безплоднымъ брегамъ, гдѣ посредѣ водъ воздвигнута крѣпость. Тутъ сходитъ, и не допуская до себя ни рабовъ своихъ, ни рабынь, уединяется во внутреннюю храмину, и тамо предается разнымъ терзающимъ духъ ея мыслямъ; но вскорѣ стыдъ уступаетъ мѣсто гнѣву.

Пойду, вѣщаетъ она, прежде нежели

Царь Египетскій двинетъ оружіе свое отъ востока, употреблю всѣ хитрости, явлюсь во всѣхъ необычайныхъ видахъ, надѣну и колчанъ со стрѣлами, и мечъ препояшу, и содѣлаюсь рабою сильнѣйшихъ, да подвигну ихъ къ соревнованію въ заступѣ за меня: пусть слава и честь моя погибаютъ, лишь бы мнѣ насладиться мщеніемъ.

Воспитатель и дядя мой не меня, но себя самаго обвинять долженъ: онъ такъ хотѣлъ. Онъ смѣлую душу и слабый полъ мой сначала на недостойное обратилъ. Онъ содѣлалъ меня бродящею дѣвою, внушилъ въ меня дерзость, и стыдъ мой погасилъ. На него должны упасть всѣ нечестивыя дѣла, къ какимъ привела меня любовь, или приведетъ гнѣвъ.

Тако рѣшилась: и спѣшитъ призвать къ себѣ всѣхъ домочадцевъ и домочадицъ, юношъ и дѣвъ своихъ; наряжается въ пребогатое одѣяніе, украшаетъ себя всѣми царскими сокровищами, и въ великолѣпныхъ колесницахъ отправляется въ путь. Не останавливается ни при солнечномъ, ни при лунномъ свѣтѣ, доколѣ достигаетъ Газы, гдѣ Египетскими войсками покрыты были брега.

Конецъ шестой-надесять пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Пѣснь седмалнадесять.

Газа есть сопредѣльный съ Іудеею градъ, находящійся на пути въ Пелузу. Онъ стоитъ на брегу моря, близъ обширныхъ песчаныхъ степей, кои, подобно какъ морская пучина вѣтромъ, возмущаются крутящимися вихрями, и устрашенный путешественникъ при бурной погодѣ съ великимъ трудомъ и опасностію исходитъ изъ сихъ зыбучихъ полей.

Царь Египетскій обладаетъ симъ градомъ, изъ давныхъ временъ завоеваннымъ у Турковъ, и какъ оный близокъ и удобенъ былъ къ исполненію важныхъ предпріемлемыхъ имъ намѣреній; то, оставя Мемфисъ, гордую столицу свою, сюда преселился онъ съ пышнымъ дворомъ своимъ, и сюда изъ разныхъ подвластныхъ ему областей безчисленное множество собралъ войскъ.

Муза, въ какомъ состояніи было тогда великое царство сіе, возвѣсти мнѣ; какихъ грозный царь сей имѣлъ сподвижниковъ и союзниковъ, когда отъ полудня подвигнулъ на войну и силы, и царей, и весь дальній

востокъ? Ты единая о страшномъ ополченіи семъ, съ половины земнаго шара собранномъ, и о вождяхъ, и объ оружіяхъ ихъ, повѣдать можешь.

По нѣкоемъ времени, когда возмутившійся Египетъ исторгся изъ подъ власти Грековъ и премѣнилъ вѣру, отъ крови Магомета родился воинъ, возобладавшій надъ сею страною и утвердившій въ ней престолъ свой. Преемники царства по немъ наслѣдовали такожъ и имя его. Симъ образомъ Нилъ чрезъ долгое время возъимѣлъ своихъ Фараоновъ и Птоломеевъ.

Съ круговращеніемъ лѣтъ царство сіе толико утвердилось и возрасло, что простерлось въ Азію и Ливію отъ предѣловъ Мармарики и Киренеи до Сирійскихъ бреговъ, и съ другой страны по безпредѣльному теченію Нила далеко за Сіену, и отселѣ и оттолѣ до необитаемыхъ песчаныхъ степей и до великаго Евфрата.

По правую и по лѣвую страну содержитъ въ себѣ благовонную Аравію и Чермное, изобильное богатствами море, и простирается далеко за оное къ странамъ, откелѣ исходитъ утреннее солнце. Царство сіе имѣетъ великія силы, но оныя еще болѣе возвеличены и прославлены державствующимъ нынѣ по крови и по до-

стоинству царемъ, искуснымъ въ воинскихъ дѣяніяхъ.

Онъ иногда съ Турками, иногда съ Персами, многія велъ войны, ходилъ на нихъ, и къ себѣ пришедшихъ отражалъ; былъ иногда побѣдитель, иногда побѣжденный, но всегда въ злополучіи больше великъ, нежели въ щастіи. Днесь обремененный старостію не можетъ онъ долѣе носить оружія; но отложа мечъ свой, не отложилъ воинскаго духа и славолюбія.

Еще воюетъ помощію полководцевъ своихъ, и столько разумомъ и силою слова крѣпокъ и бодръ, что въ маститой старости не изнемогаетъ подъ тяжкимъ бременемъ правленія. Раздѣленная на малыя княжества Африка трепещетъ имени его; отдаленная Индія хранитъ къ нему почтеніе; многіе другіе народы, кто войсками, кто златомъ даютъ ему добровольную дань.

Возвысясь до толикаго могущества царь сей собираетъ, или собралъ уже воинство и посылаетъ оное ратоборствовать противъ возникающаго царства Франковъ, коихъ побѣды наводятъ ему опасеніе. Армида приходитъ послѣдняя, въ то самое время, когда за градскими стѣнами собранное въ пространномъ полѣ воинство шествовало въ бранномъ устройствѣ предъ очи царя.

Онъ сидѣлъ гордо на великолѣпномъ пре-

столѣ; сто слоновой кости ступеней служили восходомъ на оный. Надъ нимъ простиралось широкое сребряное покрывало; подъ стопами его лежалъ златотканный коверъ. На немъ по ихъ обычаю блистала пребогатая царская одежда, и бѣлое тысячами складокъ свитое платно составляло державный на главѣ его вѣнецъ.

Въ десницѣ своей держалъ онъ жезлъ. Бѣлая брада придавала ему грозный и почтенный видъ. Изъ очей его, лѣтами еще не угашенныхъ, пылалъ огнь прежняго мужества и бодрости. Каждое движеніе его приличествовало величію сана, украшеннаго старостію. Въ такомъ можетъ быть видѣ Апеллесъ или Фидіасъ изобразилъ Зевеса, но Завеса гремящаго.

Одесную и ошуюю его стояли два главные Сатрапа: первый съ подъятымъ въ знакъ власти обнаженнымъ мечемъ; вторый съ государственною въ рукахъ печатію: единъ былъ князь и полный повелитель надъ войсками; другій хранитель царскихъ таинствъ и сотрудникъ его въ великихъ гражданскихъ дѣлахъ.

Внизу подножіе престола окружали вѣрные тѣлохранители его, вооруженные Черкешане. Окромѣ копій они имѣли латы и препоясанныя по бедрѣ длинныя косыя сабли. Тако Египетскій царь сѣдящъ на

престолѣ обозрѣвалъ избранную часть совокупленныхъ народовъ. Всѣ мимоидущія войска съ великимъ почтеніемъ преклоняли предъ нимъ оружіе и знамена.

Въ первыхъ рядахъ шествовали Египетскіе народы, предводимые четырьмя вождями, двумя изъ верхняго, и двумя изъ нижняго Египта. Сія послѣдняя страна есть произведеніе и даръ величественнаго Нила. Рѣка сія, похитивъ изъ моря илистое дно, отвердила оное и дала ему плодородіе. Тако расширился Египетъ: о сколько стало въ немъ внутреннихъ полей, бывшихъ прежде приступными для мореплавателей брегами.

Первыя по семъ дружины состояли изъ жителей богатой Александріи, и тѣхъ, кои обитаютъ отъ нихъ къ западу, гдѣ начинается Африка. Араспъ, полководецъ ихъ, мужъ больше разумомъ, нежели рукою сильный; но великій въ воинскихъ козняхъ и лукавствахъ хитрецъ, превосходнѣйшій самихъ Мавровъ.

Вторыя были обитатели Азіатскихъ странъ, простирающихся къ востоку. Вождь ихъ Аронтъ, никакими, кромѣ знаменитаго сана, доблестями и достоинствами не украшенный. Никогда еще ратные доспѣхи не удручали нѣжныхъ членовъ его, ниже гласъ утренней трубы возбуждалъ

отъ сна; но изъ праздности и покоя въ суровую и бурную жизнь повлекло его честолюбіе.

Третіе ополченіе не столько походило на дружину, сколько на великую рать, покрывающую поля и бреги. Казалось Египетъ недостаточенъ былъ пропитать ихъ; между тѣмъ всѣ они изъ единаго града его вышли; но градъ сей, аки нѣкое царство, заключалъ въ себѣ тысячи народовъ. То былъ Каиръ; Кампсонъ, полководецъ, велъ изъ него безчисленные сонмы людей, не охотно ратующихъ.

За сими подъ начальствомъ Газаила слѣдовали хлѣбожатели на сосѣдственныхъ Каиру плодоносныхъ поляхъ, и выше близъ вторыхъ пороговъ Нила обитающіе. Египтяне, яко не могущіе преносить тягости шлема и брони, имѣли одни токмо луки и сулицы; но богато были одѣты: отъ чего противниковъ своихъ больше прельщали добычею, нежели устрашали смертію.

По семъ Аларконъ велъ Варковъ, народъ нагій и почти безоружный, съ давнаго времени въ бѣдности на безплодныхъ земляхъ живущій и къ однимъ токмо грабежамъ прібыкшій. За ними шелъ царь Зумарскій съ челядью меньше злотворною, но къ открытымъ въ полѣ битвамъ неспособною. За

онымъ царь Трипольскій: оба они для незапныхъ нападеній легки, искусны и хитры.

Позади ихъ тянулись ораmаи Каменистой и Щастливой Аравіи, кои, какъ слава носится, не чувствуютъ никогда ни хлада чрезмѣрнаго, ни зноя; гдѣ земля производитъ благовонные коренья и злаки; гдѣ возраждается безсмертный Фениксъ, соединяющій погребеніе съ рожденіемъ, уготовляя себѣ посреди душистыхъ цвѣтовъ и гробъ и колыбель.

Одѣяніемъ они меньше красивы, но оружіемъ сходствуютъ съ Египтянами. За сими шли другіе Арабы, не обитающіе нигдѣ постоянно; безпрестанные странники, они и домы и селенія свои подвижныя возятъ съ собою; голосъ имѣютъ женскій, ростъ высокій, волосы длинные и черные, лице черноватое и смуглое.

Насажденное на длинную Индійскую трость короткое желѣзное копіе служитъ имъ оружіемъ. Видя ихъ скачущихъ на коняхъ подумаешь, что вихри несутъ ихъ, естьли есть толь быстрые вихри. Первыми предводительствуетъ Сифаксъ, надъ вторыми начальствуетъ Алдинъ, третьихъ ведетъ Албіазаръ, не храбрый витязь, но свирѣпый разбойникъ и убійца.

Къ нимъ примыкали полчища, оставившія острова свои, омываемые Аравійскимъ

моремъ, изъ коего достаютъ они зарождающія въ себѣ жемчугъ богатыя раковины. Съ ними вмѣстѣ идутъ Негры, обитающіе на лѣвомъ брегу Чермнаго моря: сими Агрикальдъ, оными управляетъ Осмида, презирающій всякую вѣру и всякій законъ.

За сими шествуютъ Меройскіе Ефіопяне: Мероя есть островъ по единую страну Ниломъ, по другую Астроборою составляемый; на великомъ пространствѣ его соумѣщаются три царства, и двѣ разныя вѣры. Войсками сими предводительствуютъ Канарій и Ассимиръ, оба цари, данники Калифа, въ Магомета вѣрующіе; но третій, Христіанскій законъ исповѣдующій, не пришелъ съ ними.

Посемъ слѣдуютъ два другіе царя также подвластные царю Египетскому; воинство ихъ вооружено луками и стрѣлами. Одинъ изъ нихъ обладатель Ормуса, великимъ Персидскимъ заливомъ обтекаемаго; вторый повелитель Бекана, подобнаго же острова, во время прилива лежащаго въ морѣ; но когда сдѣлается отливъ, тогда путешественникъ сухими стопами на него приходитъ.

И тебя, Алтаморъ, страстная, любимая тобою супруга не могла удержать на брачномъ ложѣ: рыдала, рвалась, терзала грудь свою и свѣтлорусые власы, да отвра-

тишь тебя отъ пагубнаго отшествія. Не уже ли, вѣщала, жестокій, видъ угрюмаго моря пріятнѣе тебѣ лица моего? Не уже ли оружіе для десницы твоей есть сладчайшее бремя, нежели младенецъ сынъ улыбкою тебя привѣтствующій?

Алтаморъ былъ царь Самаркандскій; удержаніе царства своего въ независимости было малѣйшимъ его достоинствомъ; къ искуству и смѣлости въ браняхъ присовокуплялъ онъ великую силу. Испытаетъ то, предвѣщаю, народъ Франковъ, и нужно возвѣстить ему о семъ, дабы онъ во ожиданіи его заблаговременно опасался. Воины его одѣты въ броню, препоясаны мечемъ, и при сѣдлѣ имѣютъ булаву.

Но се изъ отдаленнѣйшаго края Египта, изъ обиталища утренней зари, выступаетъ гордый Адрастъ; хребетъ его вмѣсто брони покрывала зеленая съ черными пятнами змѣиная кожа; огромный тѣломъ онъ сидѣлъ на слонѣ, управляя имъ какъ простымъ конемъ. Народы Ганга, что впадаетъ въ море, омывающее Индію, шли подъ его начальствомъ.

Дружина за сими слѣдовавшая состояла изъ отборныхъ царскихъ воиновъ: всѣ заслугами и честію въ войнѣ и мирѣ отличившіеся находились въ ней; вооруженные безопасно для себя и страшно для другихъ,

они возсѣдали на коняхъ крѣпкихъ и навычныхъ; отъ блеска булата и отъ багряныхъ одеждъ ихъ позлащалось небо.

Между ими находился лютый Аларкъ, Идраотъ и Одемаръ, учредитель войскъ; и дерзостный Римедонъ, презритель смертныхъ и смерти; и Тигранъ, и Рапольдъ, ужасный на моряхъ грабитель; и Ормондъ сильный; и Арлабустъ, усмирившій Аравію и по сему подвигу прозванный Аравійскимъ.

Тутъже Ориндъ, Аримонъ, Пиргъ, Бримартъ, покоритель градовъ; Сифантъ, укротитель коней; и ты, искуснѣйшій въ борьбахъ Аридамантъ; и Тизафернъ, Марсовъ перунъ, всѣхъ несравненно превосходнѣйшій, на конѣ ли онъ или пѣшій сражается, мечемъ ли или копіемъ поражаетъ.

Надъ сею дружиною начальствовалъ Армянинъ, принявшій въ юности своей Магометанскую вѣру, почему премѣнилъ онъ имя и бывъ Климентомъ сталъ называться Эмиреномъ. Человѣкъ вѣрный, и царю Египетскому изъ всея конницы любимѣйшій, вмѣстѣ и военачальникъ и витязь, превосходный и сердцемъ и разумомъ и силою руки.

Никого больше не осталось, какъ внезапно съ дружиною своею появляется Армида. Она въ короткомъ женскомъ одѣяніи, вооруженная колчаномъ и стрѣлами, сидѣла

величественно на колесницѣ. На прекрасномъ лицѣ ея природная кротость, смѣшиваясь съ возбужденнымъ гнѣвомъ, придавала ей видъ мужественный: суровая и раздраженная казалось угрожала, и угрожая прельщала.

Колесница ея, горящая изумрудами и яхонтами, уподоблялась той, на коей возсѣдитъ солнце; искусный возница управлялъ запряженными по два въ рядъ четырьмя единорогами. Сто юношъ и сто дѣвицъ неслись вокругъ ней на бѣлыхъ коняхъ, легкихъ и быстрыхъ.

За ними шли воины ея, и Аладинъ съ тѣми, которыхъ Идраотъ набралъ въ Сиріи. Подобно тому какъ единственная возрождающаяся птица, когда она по возобновленіи своемъ Еѳіопію пролетаетъ, всѣ дивятся красивымъ перьямъ ея, богатому и прелестному ожерелью, курчавому и по природѣ златому хохлу: вся пернатая стая, тѣснясь вкругъ ней, сопровождаетъ ее.

Тако проѣзжаетъ Армида, чудесная одѣяніемъ, видомъ и поступками. Нѣтъ ни единой толь хладной или суровой души, которая бы не воспалялась къ ней любовію. Естьли она едва показавшаяся и гнѣвная взоромъ могла прельстить толикое множество толь различныхъ людей, чтожъ будетъ, когда она съ веселымъ лицемъ и улыб-

кою на устахъ ласковыми взглянешъ на нихъ очами.

По проѣздѣ Армиды царь надъ многими царями повелѣваетъ призвать къ себѣ Эмирена, имѣя намѣреніе возвысить его надъ всѣми знаменитыми князьями, и поручить ему главное надъ войсками повелительство. Сей, прежними заслугами величавый, шелъ съ челомъ являющимъ, что онъ почитаетъ себя сана сего достойнымъ. Черкесская стража раздается, отверзая ему путь къ престолу, и онъ восходитъ.

Преклоняетъ колѣно и главу, прилагаетъ десницу къ персямъ, и царь тако ему вѣщаетъ: прими сей жезлъ; тебѣ, Эмиренъ, поручаю воинство, повелѣвай вмѣсто меня, и освобождая порабощенныхъ царей, неси къ Франкамъ мстительный гнѣвъ мой. Иди, узри и побѣди: да не останется никто непокоренный, и кого пощадитъ оружіе, тотъ да приведется въ плѣнъ.

Тако рекъ царь; Эмиренъ, принимая верховнаго повелительства жезлъ, вѣщаетъ: пріемлю, и во имя твое, полководецъ твой, доблестями и щастіемъ твоимъ предводимый, уповаю отомстить за тяжкія нанесенныя Азіи оскорбленія. Не предстану предъ тебя иначе, какъ побѣдителемъ; могу получить смерть, но не срамъ.

Естьли свыше, чего я не чаю, угро-

жаетъ намъ предъопредѣленное злополучіе, молю небо, да благоволитъ оно всю гнѣва своего чашу излить на единую мою главу; да возвратится побѣдоносное воинство, и да будетъ убіенный вождь его лежать предъ нимъ паче на торжественномъ, нежели на смертномъ одрѣ. Умолкъ, и вмѣстѣ съ восклицаніями народными раздался гласъ мусикійскихъ орудій.

И посреди кликовъ и трубныхъ звуковъ царь надъ царями, окруженный знаменитѣйшимъ сонмомъ вельможей, сошедъ съ престола своего, грядетъ въ пространный шатеръ, куда приглася князей и военачальниковъ, садится въ отдѣленномъ мѣстѣ за великолѣпный столъ. Иногда пищею ихъ угощаетъ, иногда словами ласкаетъ, и никого не оставляетъ безъ привѣтствія. Армида между веселіемъ и пиршествомъ находитъ удобный для хитростей своихъ случай.

Когда, по снятіи со стола брашенъ, узрѣла она, что всѣхъ умы и взоры обращены къ ней, и по явнымъ признакамъ усмотрѣла, что прелести ея произвели желаемое дѣйствіе, тогда возстаетъ съ мѣста своего, и обращаясь къ царю вмѣстѣ и горделиво и почтительно, соединяетъ, колико можетъ, величественность лица съ важностію гласа.

О великій царь, речетъ, и я прихожу за вѣру и отечество ополчиться. Я дѣва, но дѣва рожденная отъ крови царской. Мню, что война не есть недостойное меня дѣло: всякъ, шествующій на престолъ, да искусится во всѣхъ царскихъ доблестяхъ. Во едину руку вдается и жезлъ правленія и мечъ брани. Моя не дрогнетъ и не утомится поражать врага, и прилагая раны къ ранамъ точить изъ него кровь.

Не мни, что день сей есть первый, воспалившій во мнѣ желаніе снискать высокую воинскую славу; я уже давно за вѣру нашу, и за царство твое привыкла ратовать. Ты, бывъ о дѣлахъ моихъ извѣстенъ, въ правдѣ словъ моихъ усумниться не можешь; ты знаешь, что я первѣйшихъ Христіянскихъ витязей взяла въ плѣнъ.

Взяла, повергла ихъ въ оковы, и яко знаменитый даръ, послала къ тебѣ; и по днесь содержались бы они у тебя заключенные подъ стражею въ крѣпкую темницу, и ты бы надежнѣе увѣренъ былъ въ побѣдѣ и окончаніи великой твоей съ ихъ воинствомъ брани, естьли бы Ринальдъ, разбивъ посланныхъ моихъ съ ними, не освободилъ ихъ.

Извѣстно кто Ринальдъ: о подвигахъ его длинныя твердятся здѣсь повѣсти. Сей есть тотъ жестокій, кѣмъ я безмѣрно

оскорблена, и не отмщенная терзаюсь стыдомъ. Къ гнѣву моему присовокупляется смертельная обида, побуждающая меня принять противъ него оружіе; но въ чемъ оная состоитъ, со временемъ пространно объясню. Теперь довольно того, что я хочу отмстить.

И отмщу: стрѣлы не всегда носятся безуспѣшно вѣтромъ; иногда небо изъ руки праведнаго направляетъ ихъ въ грудь оскорбителя. Но естьли сыщется кто, который сниметъ съ плечъ сего лютаго злодѣя ненавистную главу его, и мнѣ принесетъ въ даръ, то и сіе мщеніе приму я съ удовольствіемъ, хотя бы и лучше желала собственною моею рукою совершить оное.

Приму съ такимъ удовольствіемъ, что даю тому, какую только могу, самую величайшую награду: даю ему всѣ мои сокровища, и вступаю съ нимъ въ супружество, естьли онъ того пожелаетъ. Сіе предъ всѣми здѣсь обѣщаю непреложно, и сей торжественный обѣтъ мой клятвенно утверждаю. Естьли есть здѣсь кто, почитающій награду нашу достойною сего опаснаго подвига, тотъ да отзовется, да изречетъ.

Доколѣ Армида вѣщала, Адрастъ сладострастными пожиралъ ее очами. Не дай небо, воскликнулъ онъ потомъ, чтобы которая либо изъ стрѣлъ твоихъ пронзила

грудь сего нечестивца: подлое сердце его недостойно того, чтобы быть уязвленнымъ рукою толь прелестной стрѣлометательницы. Я гнѣва твоего орудіемъ буду; я главу его принесу въ даръ.

Я вырву изъ него сердце; я растерзанные члены его повергну въ снѣдь вранамъ. Тако рекъ Индѣецъ Адрастъ. Тизафернъ не стерпѣлъ похвальбы его. Ты кто, возразилъ, въ присутствіи царя и при насъ такъ много величающійся собою? Можетъ быть есть здѣсь, кто на дѣлѣ покажетъ, что во всякой похвальбѣ твоей тебя превзойдетъ; однакожъ онъ молчитъ.

Гордый Индѣецъ отвѣтствуетъ: я тотъ, кто меньше о себѣ говоритъ, нежели дѣлаетъ; но естьли бы ты сказанное мнѣ тобою дерзнулъ сказать индѣ, а не здѣсь, то бы слова сіи въ устахъ твоихъ были послѣднія. Онъ хотѣлъ продолжать, но царь простертіемъ державной десницы своей обуздалъ каждаго, и рекъ Армидѣ: прекрасная дѣва, ты имѣешь сердце твердое и мужественное.

Ты достойна того, чтобъ оба сіи воина посвятили тебѣ свои услуги; обрати ревностный гнѣвъ ихъ на пораженіе лютаго и сильнаго врага твоего; тамъ они лучше храбрость свою употребятъ, и каждый напрерывъ потщится убіеніемъ его пріобрѣсть

себѣ славу. Сказавъ сіе умолкъ; они же, другъ съ другомъ состязаясь, подтвердили снова обѣтъ свой за нее отмстить.

Не сіи одни, но и другіе, прославившіеся въ битвахъ, усердно и ревностно предлагали ей свои услуги: всѣ поклялися совершить мщеніе надъ главою ненавистнаго ей Ринальда. Толико подняла она оружій, и толикій возбудила гнѣвъ противъ воина, толь ею любимаго! Но онъ, по отшествіи отъ брега, преплываетъ благополучно великій путь.

Малый корабль тѣмъже путемъ, которымъ прежде плылъ, правитъ обратно, и стольже благопріятный вѣтръ, надувая паруса, нудитъ его быстро летѣть. Юный воинъ то на полюсь смотритъ, то на медвѣдицу, то на блистающія въ ночной темнотѣ звѣзды, то на рѣки впадающія, то на горы возносящія вершины свои надъ поверхностію моря.

Иногда о состояніи войскъ освѣдомляется, иногда о нравахъ и обычаяхъ разныхъ народовъ распрашиваетъ. Между тѣмъ они по соленой пѣнящейся пучинѣ водъ, несутся съ толикою скоростію, что едва солнце, совершивъ четвертый кругъ дневнаго своего теченія, успѣло закатиться, какъ уже корабль присталъ къ землѣ. Тогда

жена сказала: вотъ Палестина, конецъ вашего путешествія.

И какъ скоро три воина сошли на берегъ, она мгновенно какъ молнія исчезла. Ночь между тѣмъ настала и всѣ предметы во единъ смѣшала видъ. Воины въ сей пустынѣ песчаной не видятъ ни стѣнъ, ни кровель; не могутъ примѣтить ни человѣческихъ, ни конскихъ слѣдовъ, ниже иныхъ какихъ признаковъ, по коимъ бы могли стопы свои направить.

Пребывъ нѣкое время въ недоумѣніи, обращаютъ хребты свои къ морю и шествуютъ отъ него. Но се очи ихъ зрятъ вдали нѣчто возблиставшее, и лучами своими, то сребряными, то злащыми, разгоняющее темноту ночи. Они на свѣтъ сей идутъ и вскорѣ усматриваютъ причину блистанія.

Усматриваютъ на толстомъ пнѣ древа висящее новое всеоружіе съ драгоцѣнными на бронѣ и злашомъ шлемѣ каменіями, отъ коихъ, лунными лучами ударяемыхъ, отражается блескъ, превосходящій сіяніе звѣздъ въ небѣ; и созерцаютъ освѣщаемые симъ блескомъ изваянные на великомъ щитѣ ряды многихъ изображеній. При сихъ доспѣхахъ сидящій, аки бы на стражѣ, старецъ, увидя идущихъ, подвигся къ нимъ ка срѣтеніе.

Оба воина узнали почтенный зракъ мудраго своего наставника. Но вскорѣ, по

взаимныхъ съ ними дружелюбныхъ поздравленіяхъ, обращаетъ онъ рѣчь свою къ юному витязю, смущенно и безмолвно предъ нимъ стоящему: Государь, вѣщаетъ ему, тебя единаго въ семъ мѣстѣ и въ сіи часы я съ нетерпѣніемъ ожидаю.

Я другъ твой, и колико о тебѣ забочусь, вопроси у сихъ, естьли не знаешь. Они, мною охраняемые, преодолѣли волшебство, въ коемъ ты нещастную жизнь свою провождалъ. Днесь внемли гласу моему, противному пѣнію Сиренъ, и не подосадуй на слова мои; но да пребудутъ онѣ въ сердцѣ твоемъ, доколѣ мудрѣйшій и святѣйшій языкъ научитъ тебя лучше познавать истину.

Государь, не подъ тѣнію на зеленыхъ брегахъ, между источниками и цвѣтами, между Нимфами и Сиренами, но на крутой горѣ добродѣтели, на тернистой вершинѣ ея, находится наше благо. Кто мраза и зноя не претерпитъ, и выше пути забавъ не вознесется, тотъ до нее не доступитъ. Ты ли захочешь далеко отъ вершины ея лежать въ юдоли, ты, орелъ поднебесный?

Природа подняла чело твое къ небу, и дала тебѣ духъ честолюбивый и великій дабы ты зрѣлъ высоко, и знаменитыми, гремящими дѣлами самъ себя вознесъ на высоту славы. Она сверхъ сего одарила тебя

тылкостію и брыстротою, не для гражданскихъ распрь, не для исполненія жадныхъ твоихъ желаній, разумомъ осуждаемыхъ;

Но чтобъ доблесть твоя, ими вооруженная, успѣшнѣе ополчалась противу внѣшнихъ непріятелей, и тверже противустояла внутреннимъ, еще злѣйшимъ ихъ врагамъ, страстямъ твоимъ. И такъ покори сіи свойства твои мудрому вождю, да по волѣ своей управляетъ ими, то воспаля и прохлаждая, то возбуждая ихъ и укрощая.

Тако рекъ; и юный воинъ, потупя съ кротостію стыдливые взоры на землю, внималъ безмолвенъ высокимъ его рѣчамъ и совѣтамъ, въ сердце свое ихъ заключая. Мудрый старецъ, проникши во глубину души его, продолжалъ: возвыси чело твое, чадо, обрати очи на щитъ сей; ты узришь на немъ дѣла твоихъ предковъ.

Ты узришь славу ихъ, распространившуюся и проникшую въ самыя отдаленныя и пустыя страны. Ты медленный ратоборецъ, далеко отсталъ еще отъ нихъ на знаменитомъ поприщѣ воинской чести. Возстани, возстани! изображеніе подвиговъ ихъ да послужитъ тебѣ поощреніемъ. Тако вѣщалъ, и юный витязь устремляетъ взоры свои на щитъ.

Искуснѣйшій художникъ тонкою рѣзьбою на маломъ полѣ изобразилъ множество

лицъ. Тамъ въ непрерывномъ порядкѣ зрѣлись всѣ происшедшіе отъ Аціевой крови знаменитые потомки, и сіи текущія изъ древняго источника Рима чистыя и всегда свѣтлыя рѣки. Всѣ сіи князи увѣнчаны были лаврами. Старецъ показуетъ ихъ подвиги и доблести:

Показуетъ Каія, пріемлющаго по общей волѣ бразды правленія въ то время, какъ Имперія угрожалась быть порабощенною чуждыми народами: тако ставъ первымъ Эстскимъ княземъ, беретъ онъ подъ кровъ свой слабѣйшія притекающія къ нему сосѣдственныя области. Потомъ когда чрезъ извѣстный путь по приглашенію Оноріеву приходитъ гордый Готѳъ;

И когда, казалось, вся Италія снѣдается возженными повсюду рукою злодѣйства пожарами, и Римъ порабощенный и бѣдствующій угрожается до основанія быть разрушенъ, указуетъ Аврелія сохраняющаго подвластный ему народъ въ независимости. Посемъ указуетъ Фореста, воспротивившагося Гуннамъ, обладателямъ сѣвера.

Легко можно было узнать Аттилу по звѣрскому зраку его и по змѣинымъ злобнымъ очамъ: смотря на образъ его псоподобный казалось видишь его огрызающагося, и слышишь какъ онъ лаетъ. Побѣжденный въ единоборствѣ горделивецъ сей бѣжитъ

къ своимъ оруженосцамъ. Послѣ того благій Форестъ, Гекторъ Италіи, пріемлетъ орла Римскаго подъ свою защиту.

Смерть его, сопрягавшая съ собою судьбу отечества, зрится въ иномъ мѣстѣ. Се послѣ великаго отца наслѣдуетъ великій сынъ его Акаринъ, честь и слава Италіянскихъ войскъ. Року, а не Гуннамъ, уступаетъ Альпинъ, братъ его, и въ безопаснѣйшей укрывшись странѣ, изъ тысячи разсѣянныхъ по полямъ Эридана весей созидаетъ градъ.

Градъ сей отъ наводненія сея великія рѣки огражденный, въ грядущіе вѣки будетъ столицею великодушныхъ Эстскихъ князей. Альпинъ поражаетъ Аланъ, но меньше щастливый противъ Одоакра, умираетъ за Италію. О благородная смерть, пасть за отечество и сравниться въ славѣ съ отцемъ своимъ!

Съ нимъ погибаетъ Алфоризій. Ацій и братъ его отсылаются въ заточеніе, но по смерти Герульскаго царя мечемъ и разумомъ возвращаютъ себѣ свободу. Посемъ слѣдовалъ пронзенный стрѣлою въ правую бровь Эстскій Эпаминондъ, казалось съ радостію умирающій, зря побѣжденнаго Тотилу, и любимый щитъ свой спасеннымъ.

Я говорю о Бонифаціи: сынъ его Валеріанъ, шествуя по стопамъ родителя, въ

юности имѣлъ уже крѣпкую мышцу и мужественную грудь: многочисленные Готѳскіе полки не могли предъ нимъ устоять. Вскорѣ послѣ того грозный зракомъ Эрнестъ храбрыми противъ Славянъ отличается подвигами; но прежде его неустрашимый Алдоардъ изгоняетъ короля Ломбардскаго изъ Монсельца.

Тамъ зрится Генрихъ съ Беренгаріемъ: и куда токмо Карлъ великій царскія знамена свои несъ, онъ всегда былъ первымъ его сподвижникомъ и полководцемъ. Потомъ слѣдовалъ Людовикъ, подвигшійся противъ племянника своего, царствовавшаго въ Италіи: онъ сражается съ нимъ, побѣждаетъ и беретъ его въ плѣнъ. По семъ является Отонъ съ пятью своими сынами.

Тамъ Алмерикъ, возведенный уже въ достоинство Феррарскаго Маркиза: созидатель многихъ церквей, онъ изображенъ былъ смотрящимъ съ умиленіемъ на небо. Ацій вторый представленъ въ жестокихъ распряхъ съ Беренгаріемъ, и послѣ многихъ оборотовъ щастія и нещастія, наконецъ побѣждаетъ его и становится обладателемъ Италіи.

По семъ является сынъ его Албертъ, ушедшій въ Германію, и тамо доблестями своими въ борьбахъ и браняхъ прославившійся: онъ побѣждаетъ Датчанъ; Отонъ

сочетаваетъ его съ своею дщерію и даетъ ему богатое вѣно. По немъ зрится Угонъ, храбро сломившій полки Римскіе; онъ названъ Италійскимъ Маркизомъ, и вся Тоскана была ему подвластна.

Потомъ изображены были Теобальдъ и Бонифаксъ съ супругою своею Беатриксою. Толь обширнымъ областямъ не остался послѣ нихъ никто мужескаго пола наслѣдникъ; но се Матильда, дщерь ихъ, вознаграждаетъ сей недостатокъ: храбрая и мудрая жена, выше всѣхъ мужей и царей возноситъ она женское свое имя.

На челѣ ея величественномъ блистало мужество. Взоръ ея горѣлъ бодростію и великодушіемъ. Здѣсь побѣждаетъ она Норманцевъ, и непобѣдимаго Гискара обращаетъ въ бѣгство. Тамъ низлагаетъ Генриха четвертаго, и отъятое у него царское знамя приноситъ въ Божій храмъ. Здѣсь въ Ватиканѣ возводитъ святѣйшаго владыку на высокій Петровъ престолъ.

Тамо при ней въ Аціи пятомъ зрится человѣкъ, имѣющій великое къ ней почтеніе и любовь; но знаменитое потомство Ація четвертаго щастливѣе процвѣтаетъ. По семъ изображенъ былъ Гвельфъ, сынъ Кунигундинъ, отходящій туда, куда казалось приглашала его Германія: благая Римскаго

поколѣнія отрасль сія благополучною судьбою пресаждается на поля Баварскія.

Тамо сія великая Эстскаго дома вѣтвь прививается къ истощающемуся древу Гвельфовъ, и паче нежели когда нибудь возобновляетъ, прославляетъ оное златыми скипетрами и вѣнцами. Древо сіе благопріятностію небесныхъ лучей возносится безпрепятственно, возрастаетъ выше облаковъ, покрываетъ собою половину великаго царства Германскаго, и простираетъ тѣнь свою надъ всѣмъ онымъ.

Но въ Италіянскихъ вѣтвяхъ своихъ царское древо сіе съ неменьшею красотою процвѣтало: тамъ Бертольдъ противупоставлялся Гвельфу; тамъ Ацій шестый поддерживалъ славу своихъ предковъ. Таковъ былъ изображенный на щитѣ рядъ героевъ, казалось и въ крущцѣ дышущихъ и движущихся. Въ Ринальдѣ, созерцающемъ ихъ, разгарается духъ чести и мужества. Гордая душа его, любящая подражать доблестямъ, пылаетъ благородною ревностію: уже разгоряченное воображеніе представляетъ взорамъ его, аки бы тогда же происходящія событія, и грады покоренные и взятые, и воинства разсыпанныя и разбитыя. Мгновенно вооружается, исполненъ надеждою исторгнуть и предупредить побѣду.

Тогда Карлъ, извѣстившій уже его о смерти наслѣднаго князя Датскаго, вручаетъ предназначенный ему отъ него мечъ: возми, речетъ, и да будетъ жребій твой благъ. Толикоже смиренномудрый и праведный, колико сильный, поборай мечемъ симъ по вѣрѣ Христіянской, и за прежняго владыку его, толь много тебя любившаго, отмсти: онъ ожидаетъ сего отъ тебя.

Ринальдъ отвѣтствуетъ воину: да благоволитъ небо рукѣ, пріемлющей сей мечъ, дать силу отмстить за того, кому онъ принадлежалъ; да заплатитъ она имъ, чѣмъ за него должна. Карлъ, съ веселымъ лицемъ, въ краткихъ словахъ приноситъ великую благодарность. Но мудрый старецъ, обращаясь къ нимъ, понуждаетъ ихъ къ ночному путешествію.

Время, вѣщаетъ, идти туда, гдѣ нужно твое прибытіе, и гдѣ Готфридъ и воинство тебя ожидаютъ. Я во мракѣ семъ буду твоимъ путеводителемъ въ станъ Христіанскій. Тако вѣщая, восходитъ немедленно на колесницу, сажаетъ ихъ съ собою, попускаетъ бразды конямъ, ударяетъ ихъ бичемъ, и правитъ на востокъ.

Между тѣмъ, какъ они безмолвны ѣдутъ въ темнотѣ ночной, старецъ обратясь къ юному витязю вѣщаетъ: ты зрѣлъ древній рода своего корень и знаменитыя отъ него

отрасли; и хотя въ давнѣйшія времена былъ онъ щастливымъ и плодоносным праотцемъ многихъ витязей, однакожъ и нынѣ, въ старости, сохраняя силу свою, не престанетъ ихъ рождать.

О естьли бы, извлекши изъ мрака древности толикое число предковъ твоихъ, могъ я также и въ будущихъ вѣкахъ показать тебѣ твоихъ потомковъ, и прежде нежели очи ихъ прозрятъ, повѣдать о нихъ свѣту! ты бы увидѣлъ не меньше длинный рядъ витязей, толико же дѣяніями своими свѣтлыхъ.

Но простая наука моя не открываетъ мнѣ истинъ, глубоко въ грядущихъ временахъ сокрытыхъ, какъ токмо въ нѣкоей неясности и темнотѣ, подобно слабому лучу, не могущему при густомъ туманѣ освѣщать отдаленные предметы; и естьли я въ чемъ тебя увѣряю, то дѣлаю сіе не по дерзновенію моему, но по внушенію отъ того, кому таинства небесъ извѣстны.

То, что открылъ ему лучъ небесный, и онъ сообщилъ мнѣ, я тебѣ предвѣщаю. Никогда Греческое, ни Латинское, ниже какое либо иное чужеземное поколѣніе, въ древнихъ или нынѣшнихъ временахъ, не было толь многочисленно знаменитыми мужами, какихъ небо отъ тебя произвесть благоизволяетъ: они не уступятъ всѣмъ иро-

ямъ, коими Спарта, Кареагенъ и Римъ величаются.

Между многими изъ нихъ, продолжалъ онъ, примѣчаю я втораго по званію, но по доблестямъ перваго Алфонса, долженствующаго родиться, когда свѣтъ повредившійся и устарѣлый оскудѣетъ великими мужами. Сей будетъ таковъ, что ни кто не сравнится съ нимъ силою оружія и мудростію правленія; онъ вознесетъ кровь твою на верхъ славы и чести.

Въ юношескомъ еще возрастѣ онъ въ отважныхъ воинскихъ играхъ и борьбахъ окажетъ опыты величайшей храбрости. Дикіе въ лѣсахъ звѣри отъ руки его вострепещутъ. Въ ристаніяхъ онъ первый обратитъ на себя хвалы и плески. Въ дѣйствительныхъ потомъ войнахъ прославится завоеваніями и побѣдами, и часто чело его увѣнчано будетъ то лавровыми, то дубовыми, то оливными листьями.

Въ зрѣлыхъ же лѣтахъ не меньше явитъ онъ добродѣтелей и достоинствъ: возстановитъ миръ и тишину; отъ сильныхъ сосѣдей, посреди браней, оградитъ царство и грады свои покоемъ и безопасностію; насадитъ науки и художества; водворитъ веселыя игры и великолѣпныя зрѣлища; далеко предусмотритъ полезное, и взвѣситъ

съ точностію на вѣсахъ награды и наказанія.

О! естьли бы случилось, чтобъ въ сіи нещастныя времена мира, когда злочестіе, заражая земли и моря, предписывать будетъ законы знаменитѣйшимъ народамъ, поручено было ему, аки верховному вождю, идти отмстить за разореніе храмовъ ихъ и поруганіе олтарей; какую праведную и тяжкую месть понесъ бы онъ на главу великаго тирана и нечестивой вѣры!

Тщетно съ единыя страны ополчился бы противъ него Турокъ, съ другія Мавръ; онъ за предѣлы Евфрата, за льдистыя вершины Тавра, за царства, гдѣ вѣчная цвѣтетъ весна, пронесъ бы крестъ, бѣлую птицу, и златыя лилеи; онъ, окрещая чернолицые народы, достигъ бы до безвѣстныхъ исходищъ великаго Нила.

Тако рекъ старецъ; и юный витязь, чувствуя въ сердцѣ безмолвную о будущемъ поколѣніи своемъ радость, слушалъ его съ удовольствіемъ. Между тѣмъ заря, предвѣстница солнца, восходила, и небо премѣняло видъ свой на востокѣ, такъ что трепетаніе вѣющихъ надъ шатрами значковъ можно было видѣть.

Тогда старецъ снова провозгласилъ: се благотворные лучи солнца являютъ взорамъ вашимъ и станъ и поле и градъ и

гору. Доселѣ безопасно и безпрепятственно провелъ я васъ по безвѣстному пути; теперь можете сами шествовать безъ путеводителя; мнѣ далѣе провождать васъ не позволено.

Тако простясь разстался съ ними; они сошли съ колесницы его и направили стопы свои прямо на солнечный восходъ къ стану. Слухъ о возвращеніи трехъ воиновъ разнесся мгновенно; достигъ, прежде нежели они предстали, до благочестиваго Готфрида, и онъ для срѣтенія ихъ возсталъ отъ своего сѣдалища.

Конецъ седмой-надесять пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Пѣснь осьмаянадесять.

Ринальдъ, представъ предъ лице изшедшаго во срѣтеніе къ нему Готфрида, рекъ: Государь, оскорбленная честь моя понудила меня отмстить убіенному мною воину, и естьли я тѣмъ прогнѣвилъ тебя, то долговременно о томъ сожалѣлъ и раскаявался. Теперь по твоему приказанію прихожу сюда, и готовъ, да заглажу вину мою предъ тобою, всякое повелѣніе твое исполнить.

Готфридъ, между тѣмъ какъ Ринальдъ хотѣлъ преклонить предъ нимъ колѣно, заключилъ его въ свои объятія, и рекъ: умолчимъ о прежнихъ непріятностяхъ и забудемъ прошедшее. Въ вознагражденіе за то единаго отъ тебя желаю: да возгремишь, какъ гремѣлъ ты прежде, славными дѣлами. Къ пользѣ нашей и ко вреду враговъ предстоитъ тебѣ подвигъ побѣдить чудовищъ очарованнаго лѣса.

Древнѣйшая дубрава, изъ коей доселѣ созидали мы стѣнобитныя громады, неизвѣстно какимъ образомъ содѣлалась нынѣ страшнымъ гнѣздилищемъ волшебствъ. Ни-

кто не дерзаетъ срубить въ ней ни единаго древа. Градъ не можетъ пасть безъ сихъ необходимыхъ сооруженій: и такъ ступай, испытать храбрость твою туда, куда другіе идти страшатся.

Тако рекъ ему; и витязь обязуется принять на себя сей трудъ и опасности; онъ не многія изрекъ словеса, но великодушный видъ его являлъ, что онъ обѣщанія свои далеко превзойдетъ дѣлами. Посемъ съ веселымъ лицемъ, обратясь къ прочимъ, привѣтствуетъ онъ каждаго: тутъ Гвельфъ, тутъ Танкредъ, и всѣ другіе князи и военачальники окружаютъ его.

Послѣ многихъ и многократно повторенныхъ дружескихъ привѣтствій старѣйшинамъ въ войскахъ, съ таковою же ласкою и усердіемъ обращается къ другимъ собравшимся меньшаго сана чиновникамъ и простымъ воинамъ: стеченіе ихъ не могло бы быть больше, и восклицанія и клики ихъ не могли бы быть радостнѣе, хотя бы онъ, побѣдя востокъ и западъ, на торжественной богато убранной шествовалъ колесницѣ.

Тако сопровождаемъ былъ въ шатеръ свой, гдѣ собесѣдуя съ окружавшими его друзьями, то на вопросы ихъ отвѣтствовалъ, то самъ вопрошалъ о войнѣ, воинствѣ и очарованномъ лѣсѣ. Но когда всѣ ушли и оставили его въ покоѣ, тогда святый

отшелецъ Петръ тако рекъ ему: Государь! неизмѣримый и чудный странствуя совершилъ ты путь.

Колико обязанъ ты за то самодержавному всея вселенныя Царю! Имъ исторженъ ты изъ волшебной обители; Онъ тебя, заблуждшую овцу, въ стадо свое привелъ и подъ кровъ свой принялъ; Онъ гласомъ Готфрида избираетъ тебя быть вторымъ воли своей исполнителемъ. Но утопающему въ прегрѣшеніяхъ не достойно еще тебѣ ополчить руку свою на дѣло толь важное и священное.

Ты въ блатѣ міра и плоти толико погрязъ, что ни многоводный Нилъ, ни Гангъ, ни глубина морская, не могутъ нечистоты твоей омыть. Единая благодать Господня удобна изгладить твои вины и возвратить тебѣ твою непорочность. И такъ обратися къ небу, проси благоговѣйно прощенія, признайся предъ нимъ въ тайныхъ твоихъ грѣхахъ, рыдай и вознеси къ нему твои молитвы.

Тако рекъ ему; и онъ сперва самъ съ собою оплакалъ и гнѣвъ свой ярый, и любовь свою безумную; потомъ съ чистымъ и сокрушеннымъ сердцемъ преклоня колѣно исповѣдалъ всѣ свои юношескія согрѣшенія. Служитель олтаря, по изреченіи ему прощенія, вѣщалъ: съ новою зарею иди помо-

лишься на сію гору, обращенную челомъ своимъ къ солнечному восходу.

Оттолѣ простри стопы твои къ лѣсу, исполненному толикими мечтами и призраками. Я увѣренъ, ты побѣдишь исполиновъ и чудовищъ, естьли токмо новое какое заблужденіе не остановитъ твоего мужества. Ахъ! да не будетъ сего. Никакой стенящій или поющій гласъ, никакая отличная красота лукавою улыбкою, или нѣжными взорами, или ласковыми словами, да не уловитъ сердца твоего: презри прелестную наружность и лживый языкъ.

Тако совѣтуетъ ему; и витязь съ надеждою и желаніемъ приготовляется къ великому подвигу. Проводитъ въ ра-ышленіяхъ день; заботится и не спитъ ночь. Едва на небѣ занялась заря, онъ препоясуетъ блистающее оружіе, облекается въ новое необычайнаго цвѣта одѣяніе, оставляетъ товарищей, исходитъ изъ шатра своего, и одинъ тихо пѣшешествуетъ.

То былъ часъ, когда мракъ ночи боролся еще съ свѣтомъ дня; востокъ начиналъ рдѣть, но небо украшалось еще нѣсколькими звѣздами. Ринальдъ простираетъ путь свой на масличную гору, и подъемля очи созерцаетъ окрестъ себя несокрушимыя, божественныя красоты ночи и утра.

Онъ самъ съ собою разсуждаетъ: о какіе

прелестные въ небесномъ храмѣ совокуплены лучи! дневное свѣтило катится на великолѣпной своей колесницѣ; златыя звѣзды и сребряная луна блистаютъ въ темнотѣ ночной! мы не восхищаемся чудесною ихъ красотою, но съ восторгомъ смотримъ на малое, бренное личико, улыбкою и лучами двухъ очей своихъ воспаляющее наши чувства.

Тако размышляя возшелъ на самый верхъ горы, преклонилъ съ благоговѣніемъ колѣна свои, устремилъ очи на востокъ, и возносяся мыслію въ превыспренныя селенія, съ умиленіемъ рекъ: Отче и Господи, воззри милосердымъ окомъ на прегрѣшенія мои, и одожди мя благодатію твоею, да ветхій во мнѣ Адамъ очистится и обновится.

Тако молился; и предъ челомъ его багряная, уже златыми лучами возблиставшая денница, и шлемъ, и оружіе, и зеленую окрестъ его вершину горы, освѣщая, позлащала. Онъ почувствовалъ, что дыханіе легкаго вѣтерка освѣжаетъ лице его и грудь, и прекрасная заря изъ нѣдръ своихъ стрясаетъ на главу его тонкіе пары тумана.

Небесная роса падаетъ на одежду его, подобную цвѣтомъ пеплу, и орошеніями своими отъемля у ней блѣдность, покрываетъ ее свѣтящеюся бѣлизною: тако при утреннемъ хладѣ оживаютъ засохшіе листья

цвѣтка; тако воспріемля снова юность красуется веселая змѣя.

Самъ онъ, смотря на прекрасную перемѣну одежды своей, удивился. По семъ къ высокому древнему лѣсу смѣло и надежно стопы свои направляетъ. Достигъ до того мѣста, отколѣ всѣхъ другихъ, меньше сильныхъ, единое на него воззрѣніе поражало ужасомъ; но ему лѣсъ сей не показался ни безобразнымъ, ни страшнымъ, напротивъ того пріятною тѣнію увеселяющимъ.

Продолжаетъ далѣе свой путь, и слышитъ сладостно раздающіеся звуки; слышитъ въ немъ токмо журчащій ручей, и унылое вѣтерковъ съ древесами шептаніе, и жалостное пѣніе лебедей, и плачъ отвѣтствующаго имъ соловья, и органы, и цитры, и человѣческіе стихами поющіе гласы, и всѣ сіи толь различные звуки единымъ звукомъ издаваемые.

Витязь, какъ съ прочими происходило, ожидалъ великаго грома и чрезвычайныхъ ужасовъ; но вмѣсто того слышитъ пріятное и согласное пѣніе Нимфъ, Сиренъ, и водъ, и вѣтерковъ, и птицъ: съ удивленіемъ останавливается и начинаетъ идти медленно и тихо; не видитъ иныхъ пути своему препятствъ, кромѣ свѣтлой плавно текущей рѣчки.

Тотъ и другой берегъ сея рѣки былъ

благоуханенъ и прелестенъ. Она излучистымъ потокомъ обтекала весь сей великій лѣсъ, и не токмо служила ему красивымъ окружающимъ его вѣнкомъ, но выпуская изъ себя втекающій въ него рукавъ, раздѣляла его онымъ на двѣ половины, такъ что взаимно другъ друга пользуя, она орошала его влагою, онъ осѣнялъ ея тѣнію.

Между тѣмъ какъ витязь смотритъ, не можно ли гдѣ перейти черезъ рѣку, вдругъ чудеснымъ образомъ является предъ нимъ богатый золотый мостъ, твердо на великолѣпныхъ сводахъ лежащій. Онъ идетъ по немъ, и какъ скоро на противный берегъ переступаетъ, мостъ падаетъ и уносится водою, хлынувшею вдругъ съ великою силою.

Ринальдъ обращается и видитъ, что малая рѣка, словно какъ бы растаявшими снѣгами внезапу наводненная, превратясь въ сердитую водотечу, клубитъ, крутится, и тысячами путей извиваясь несется быстро. Любопытствующій воинъ смотритъ съ примѣчаніемъ на густыя, высокія древа, и въ семъ дикомъ уединеніи видитъ безпрестанно возобновляющіяся предъ нимъ чудеса.

Гдѣ токмо идучи ступитъ ногою, тамъ или водометъ брызнетъ, или кустъ возникнетъ, или распустится лилея, или разцвѣтетъ роза. Индѣ бьютъ ключи, индѣ ручейки текутъ, и весь окрестъ его много-

вѣчный лѣсъ казалось вновь олиственился, и каждое древо, смягчивъ свою кору, свѣжею зеленью помладѣло.

Съ вѣтвей какъ роса течетъ манна, и медъ каплетъ со стеблей ихъ. Снова слышится созвучное и пріятное распѣваніе; но не знаешь откол҃ исходятъ человѣческіе гласы, соединяющіеся съ пѣніемъ лебедей и шумомъ вѣтерковъ и рѣчекъ: нигдѣ не видно ни людей произносящихъ оные, ни мусикійскихъ орудій.

Между тѣмъ какъ Ринальдъ смотритъ и не можетъ умомъ повѣрить тому, въ чемъ чувства его удостовѣряютъ, видитъ онъ стоящее особенно на обширной площади миртовое древо, и по стезѣ ведущей къ оному направляетъ свои стопы. Чудесный миртъ, расширяя огромныя вѣтви, возносилъ гордую вершину свою выше пальмовъ и кедровъ, и надъ всѣми древесами господствуя казался быть царемъ сея дубравы.

Воинъ останавливается на сей площади, и взоры его поражаются новыми чудесами: онъ видитъ дубъ растворившій утробу свою и начинающій рождать; въ необычайномъ одѣяніи, о чудо! исходитъ изъ него совершеннаго возраста дѣва; и сто другихъ древесъ изъ тощихъ чревъ своихъ производятъ подобныхъ же дѣвицъ.

Онѣ уподоблялись тѣмъ лѣснымъ боги-

нямъ, какихъ видаемъ мы иногда въ представляемыхъ намъ зрѣлищахъ, или въ живописныхъ изображеніяхъ: съ обнаженными локтями, съ подобранною одеждою, прекрасно обутыя, съ распущенными власами: таковъ былъ видъ сихъ мечтательныхъ изъ древесной коры появившихся дѣвъ, выключая что вмѣсто лука и стрѣлъ иныя изъ нихъ держали цитру, иныя лиру.

Онѣ схватясь руками составили изъ себя вѣнокъ и пляшучи окружали витязя, какъ среднюю въ обводѣ точку. Окружили также и миртовое древо, и сими словами воспѣли: юный рыцарь, сердцу нашея царицы вселюбезнѣйшій, о коль прибытіе твое сюда для нея радостно!

Она уязвленная изнемогаетъ отъ любви и унынія; ты, всегда ожиданный, приходишь ей возвратить жизнь и здравіе. Дубрава сія, толь прежде мрачная, соотвѣтствовавшая грустнымъ ея мыслямъ, зри въ какіе прелестные виды, возвеселясь о прибытіи твоемъ, облеклася! Тако пѣли Нимфы; и потомъ изъ мирта исходитъ сладчайшій гласъ, и утроба его разверзается.

Въ древніе вѣки рожденіе лѣснаго Силена почиталось чудомъ; но сей огромный миртъ, растворя нѣдро свое, явилъ прекраснѣйшее и рѣдчайшее чудо: изъ него вышла дѣва, обманчивымъ видомъ своимъ

представившая совершенную красоту. Ринальдъ смотритъ и видитъ Армиду, видитъ ея прелестный образъ.

Она устремляетъ на него взоры вмѣстѣ и веселые и печальные, и тысячу въ себѣ страстей изображающіе. Посемъ вѣщаетъ: наконецъ я тебя вижу, наконецъ возвращаешься ты къ той, которую оставилъ. За чѣмъ пришелъ? утѣшить мои уединенныя ночи и горестные дни? или враждуя хочешь меня отселѣ изгнать? почто скрываешь отъ меня лице свое и показуешь оружіе?

Что привело тебя ко мнѣ, любовь или вражда? Великолѣпный мостъ не для врага приготовленъ былъ мною; ручьи, источники, цвѣты, и расчищенныя для прохода твоего стези, не для врага были устроены. Сними сей шлемъ, открой чело твое, и дай очамъ моимъ узрѣть очи твои, естьли ты какъ другъ пришелъ ко мнѣ; соедини уста твои съ моими, грудь твою съ моею грудью, простри ко мнѣ по крайней мѣрѣ руку твою.

Продолжая тако вѣщать измѣняла видъ свой, страстными озирала его очами, испускала тяжелыя воздыханія, и рыдая проливала горькія слезы, такъ что неосторожная къ симъ ея страданіямъ жалость могла бы смягчить и самый твердый камень; но

витязь, паче по благоразумію, нежели по жестокости, не внемлетъ болѣе ничему и обнажаетъ мечъ свой.

Идетъ къ мирту; тогда бросается она между ими, объемлетъ древо, и вопіетъ: не будетъ, нѣтъ, не будетъ того никогда, чтобъ ты посѣченіемъ сего древа нанесъ мнѣ лютѣйшее оскорбленіе; отложи мечъ свой, о жестокосердый, или прежде пронзи имъ нещастную Армиду; ты не иначе можешь уязвить прекрасный миртъ сей, какъ сквозь сердце мое, сквозь грудь мою.

Воинъ, не внемля прозьбѣ, возноситъ мечъ; и тогда, о новое чудо! зритъ ее въ иной видъ превращающуюся. Какъ иногда во снѣ видимъ одинъ образъ премѣняющійся въ другой, тако члены ея дебелѣютъ, лице смуглѣетъ, бѣлизна и румянецъ исчезаютъ, и вскорѣ возрастаетъ изъ нее превысокій исполинъ, имѣющій, подобно Бріарею, сто вооруженныхъ рукъ.

Пятдесятъ мечей держитъ, и пятьюдесятью щитами гремитъ и угрожаетъ. Всякая другая Нимфа оружіемъ покрывается и пріемлетъ видъ ужаснѣйшаго Циклопа. Витязь не страшится, но удвояя удары рубитъ защищаемое древо. Оно, какъ бы одушевленное, стонетъ. Воздушныя зыби, подобно адскому жилищу, наполняются различными призраками и чудовищами.

Мрачное небо гремитъ и сверкаетъ молніями, земля стонетъ и содрогается, бури мчатся, спираются, ревутъ, и дуютъ въ лице и въ очи. Однакожъ воинъ при всей ихъ ярости не останавливается, не уменьшаетъ ударовъ своихъ, стучитъ по корѢ и разсѢкаетъ древо: оно пропадаетъ, волшебство престаетъ, и всѢ привидѢнія исчезаютъ.

Небо просіяваетъ и воздухъ утихаетъ; лѢсъ возвращается въ свое природное состояніе: нѢтъ въ немъ волшебныхъ ужасовъ, нѢтъ и веселыхъ видовъ; мраченъ, но мраченъ естественно. ПобѢдитель покушается еще испытать, не возбранитъ ли что рубить древеса, и потомъ усмѢхаясь самъ съ собою разсуждаетъ: о пустыя мечтанія! какое безуміе поддаваться и уступать вамъ!

Посемъ идетъ въ станъ, гдѢ уже пустынникъ Петръ вопіялъ громко: страшное очарованіе лѢса разрушено; побѢдитель возвращается: се онъ! Ринальдъ между тѢмъ издалека въ бѢломъ плащѢ гордъ и почтенъ появляется; сребряныя перья орла его при солнечномъ сіяніи необычайно блистаютъ.

Воинство съ громкими восклицаніями течетъ къ нему, и повсюду радостные раздаются клики. Благочестивый Готфридъ дружелюбно его пріемлетъ, и нѢтъ ни еди-

наго, кто бы ему завидовалъ. Витязь вѣщаетъ верховному вождю: по твоему повелѣнію былъ я въ страшномъ лѣсу, видѣлъ его и разрушилъ очарованіе; теперь люди могутъ въ него идти, путь безопасенъ.

Немедленно посылаютъ въ лѣсъ древосѣковъ и привозятъ оттолѣ столько деревъ, сколько потребно. Прежнія стѣноломныя бойницы составляемы были не довольно искусною рукою, но теперь съ новыми укрѣпленіями сооружаетъ ихъ искуснѣйшій и знаменитый художникъ Гульельмъ, вождь Лигурянъ, который долгое время плавая по морямъ господствовалъ надъ ними.

Потомъ принужденъ былъ удалиться и уступить владычество надъ морями сильнѣйшему противъ себя морскому ополченію Срацинъ. Нынѣ же со всѣми своими корабельными служителями и снарядами находился въ Христіянскомъ станѣ. Онъ въ сооруженіи осадныхъ воинскихъ громадъ былъ самый искуснѣйшій, и съ нимъ было сто млатобійцъ и древодѣлателей, по его предначертаніямъ производившихъ работы.

Онъ не токмо устроилъ тараны, овны, стрѣлометальни, коими бы можно было сбивать оборонителей града и разрушать высокія его стѣны; но соорудилъ огромнѣйшее сихъ зданіе, чудную башню, составленную внутри изъ елей и соснъ, обтянутую отъ

внѣ сырыми кожами, дабы никакимъ пускаемымъ на нее жаромъ и зноемъ люди не были опаляемы.

Громада сія могла разниматься и легкимъ соединеніемъ частей ея паки слагаться. Брусъ въ ней, имѣвшій главу овна, могъ вдругъ изъ нутри ея высовываться и прободать сильно. Отъ средины своей бросала она мостъ, часто при первомъ опущеніи упадавшій на вершину супротивной стѣны. Изъ нѣдръ ея къ верху выпускалась, аки бы вырастающая изъ ней, меньшая башня.

По гладкому пути, чреватая людьми и оружіями, стомя вертящимися подъ ней колесами движимая, катилась она легко и удобно. Воины обступя смотрятъ на нее съ любопытствомъ, удивляясь толь великому доселѣ невиданному ими въ составленіи ея искуству. Въ тожъ время по образцу сей первой сооружаются еще двѣ таковыяже башни.

Сіи производимыя въ Христіянскомъ станѣ работы не могли однакожъ вовся отъ Срацинъ быть сокрыты; ибо поставленными отъ нихъ на высотахъ стѣнъ стражами прилѣжно наблюдаемы были. Они видѣли везомые изъ лѣсу въ Христіянскій станъ обозы дубовъ и соснъ, видѣли сооружаемыя изъ нихъ громады, но не могли совершенно узнать ихъ образа.

Они также приготовляли свои снаряды: съ великимъ искусствомъ укрѣпляли башни и стѣны, и меньше твердыя къ сопротивленiю части оныхъ толико возвысили, что по мнѣнiю ихъ никакая воинская сила не могла ихъ преодолѣть. Но болѣе всего Исменъ для обороны града приготовлялъ составы необычайныхъ и рѣдкихъ огней.

Злой Волхвъ составилъ смѣсь изъ горючихъ смолъ и жупела, въ преисподней токмо находимыхъ. Казалось онъ былъ въ адѣ, и досталъ ихъ тамъ изъ Содомскаго озера и рѣки девять кратъ обтекающей оное. Тако произвелъ огнь смрадный, дымящiйся и опаляющiй лице: сими злотворными огнедыханiями мнитъ отмстить за порубленiе очарованнаго имъ лѣса.

Между тѣмъ, какъ осаждающiе прiуготовляются къ нападенiю, осажденные же къ оборонѣ, видятъ вiющагося надъ Христiянскими шатрами голубя, распростертыми крыльями быстро разсѣкающаго воздухъ, и уже странствующiй посланникъ сей, спускаясь отъ облаковъ, направлялъ полетъ свой ко граду.

Вдругъ неизвѣстно отколѣ появляется соколъ, великими когтями и кривымъ носомъ вооруженный; онъ между станомъ и градскими стѣнами возбраняетъ путь голубю, не дерзающему съ нимъ состязаться.

Соколъ опускается съ высоты на голубя, тѣснитъ его уклоняющагося къ шатру, и уже касается лютыми когтями нѣжной его главы, но голубь бросается къ ногамъ благочестиваго Готфрида.

Готфридъ пріемлетъ его подъ свой покровъ и осматривая видитъ на немъ нѣчто необыкновенное: вокругъ шеи его обвязана нитка съ висящимъ на ней и спрятаннымъ подъ крыло письмомъ. Онъ распечатываетъ, раскрываетъ, и читаетъ въ немъ сіи краткія строки:,, Царю Іудейскому Воевода Египетскихъ войскъ здравія желаетъ.

Не унывай, Государь; сопротивляйся и стой до четвертаго или пятаго дня; я иду освободить градъ твой, и ты увидишь врага своего побѣжденнымъ.“ Важное извѣстіе сіе написано было Сирскимъ языкомъ и ввѣрено храненію воздушнаго подателя; ибо таковые послы въ тѣ времена употреблялись въ восточныхъ странахъ.

Верховный вождь освобождаетъ голубя, и сей, опасаясь въ измѣнѣ порученнаго ему дѣла быть обвиняемъ, не дерзаетъ болѣе печальнымъ вѣстникомъ возвратиться къ своему господину. Готфридъ созвавъ полководцевъ показываетъ имъ письмо и тако вѣщаетъ: видите, какъ промыслъ Царя не-

беснаго благоволитъ открывать намъ всякія таинства.

Мню, что не должно намъ долѣе медлить; надлежитъ снова приступить ко граду, и не щадя ни силъ, ни трудовъ, преодолѣть полуденныя высоты. Конечно не легко подвигнуться туда съ громоздными орудіями, однакожъ есть возможность: я назначилъ путь и мѣсто, и безъ сомнѣнія стѣна, защищаемая мѣстоположеніемъ, слабѣе снабдѣна будетъ людьми и снарядами.

Ты, Раимондъ, ступай отъ сей страны бойницами твоими осадить стѣну. Я съ главными силами пойду противъ сѣверныхъ вратъ, дабы непріятель, увидя то, ожидалъ, что отселѣ сдѣлаемъ мы самое сильное на него нападеніе. Величайшая башня, удобно движимая, устранится нѣсколько и на иное мѣсто ударитъ.

Ты, Камиллъ, въ тожъ самое время, не подалеку отъ меня направишь третію башню. Готфридъ умолкъ. Тогда Раимондъ, сидѣвшій подлѣ него, воспріялъ слово и рекъ: къ сему распоряженію ничего прибавить, и ничего отъ онаго убавить не можно; я желалъ бы токмо, чтобъ сверхъ сего кто нибудь посланъ былъ развѣдать о непріятельскихъ таинствахъ.

Чтобъ могъ извѣстить насъ и о числѣ

ихъ и о намѣреніяхъ, сколько достовѣрныхъ о семъ свѣденій собрать можетъ. Тогда Готфридъ присовокупилъ: у меня есть щитоносецъ весьма на то способный; легкій ходокъ и человѣкъ расторопный и смѣтливый; отважный, но отважный съ осторожностію; говоритъ многими языками, и умѣетъ, смотря по надобности, и голосъ и походку и видъ перемѣнять.

Призываютъ его; и когда Готфридъ объявилъ ему свое желаніе, онъ съ веселымъ лицемъ на то согласился и сказалъ: иду теперь же. Скоро буду безъизвѣстнымъ соглядателемъ тамъ, гдѣ непріятель шатры свои раставитъ. Проберусь въ полуденную долину, и не токмо каждаго воина, но и каждаго коня сочту.

Обѣщаю извѣстить о полномъ числѣ войскъ и о намѣреніяхъ вождя ихъ. Потщусь всѣ мысли его проникнуть, и самыя сокровеннѣйшія таинства изъ глубины души его извлечь. Тако вѣщаетъ Вафринъ, и ни мало не медлитъ; но тотчасъ короткое одѣяньице свое длинною одеждою прикрываетъ, оголяетъ шею, и голову свою крученою увиваетъ тканью.

Привѣшиваетъ колчанъ и лукъ со стрѣлами, по Сирійскому обычаю, и всѣми ухватками походитъ на Срацина. Всѣ удивились, слыша его разными языками такъ

свободно и смѣло говорящаго, что Египтяниномъ въ Мемфисѣ, и Финикіяниномъ въ Тирѣ, сочли бы его и тотъ и другой народъ. Садится на коня и скачетъ, такъ что едва малые остаются на пескѣ слѣды.

Но Франки прежде еще наступленія третьихъ сутокъ сравняли бугристые перекопанные пути, и въ тоже время безъ всякихъ препятствій и помѣшательствъ окончали сооруженіе воинскихъ снарядовъ, присовокупляя къ дневнымъ трудамъ многіе у нощнаго покоя отъятые часы. Ничто не удерживало ихъ болѣе обратить всѣ свои силы на покореніе града.

Величайшую часть дня, предшествовавшаго приступу, благочестивый Готфридъ провелъ на молитвѣ. Онъ повелѣлъ, да каждый исповѣдаетъ свои прегрѣшенія, и да насытится хлѣбомъ животнымъ на трапезѣ безсмертія. Посемъ учредилъ больше поставить орудій тамъ, гдѣ меньше дѣйствовать ими располагалъ: обманутые Срацины успокоиваются видя, что противу крѣпчайшихъ вратъ приготовляется нападеніе.

Съ темнотою ночи огромную башню съ легкостію прикатили къ тому мѣсту, гдѣ стѣна была прямѣе, и мѣньше предпоставляла углообразныхъ къ сопротивленію изгибинъ. Раимондъ вооруженную баш-

ню свою возвелъ уже на крутизну горъ для осажденія града. Камиллъ свою приблизилъ къ стѣнѣ, простирающейся отъ сѣвера къ западу.

Но когда на востокѣ появились утренніе предшественники солнца, Срацины пришли въ великое смятеніе, увидя, что башня не токмо на своемъ мѣстѣ поставлена, но еще и двѣ другія, прежде не бывшія, по обѣимъ странамъ верхи свои возносятъ, и при нихъ великое множество другихъ бойницъ, тарановъ, овновъ и врановъ.

Сирійскіе народы текутъ немедленно противупоставить защиту той странѣ, куда Готфридъ орудія движетъ и первыя стремленія свои направляетъ. Но верховный вождь Франковъ, опасаясь незапнаго Египетскихъ войскъ прибытія съ тылу, пріемлетъ нужныя предосторожности, и призвавъ къ себѣ Гвельфа и обоихъ Робертовъ вѣщаетъ имъ: стойте въ готовности съ оружіемъ на коняхъ.

Наблюдайте, доколѣ я восхожу на слабѣйшую градскую стѣну, да никакое съ зади пришекшее воинство не воспрепятствуетъ движенію осаждающихъ. Умолкъ; и уже съ трехъ сторонъ три храбрые полка летятъ на приступъ; и съ трехъ сторонъ царь Аладинъ, держа въ десницѣ мечь,

учреждаетъ людей своихъ, да составятъ сильную противъ нападающихъ оборону.

Самъ онъ, отягченный лѣтами и дрожащій тѣломъ, въ сей день давно уже оставленное имъ оружіе препоясалъ, и шествуетъ противъ Раимонда. Солиманъ исходитъ противъ Готфрида, а лютый Аргантъ противъ храбраго Камилла, имѣвшаго съ собою Боемондова племянника Танкреда: щастіе привело его сюда, да убіетъ своего соперника.

Стрѣльцы начинаютъ метать смертоносныя ядомъ упоенныя оружія, и кажется небо темнѣетъ отъ густой тучи пущенныхъ стрѣлъ; но еще сильнѣйшими того ударами потрясаются гордыя стѣны отъ поражающихъ оныя стѣноломныхъ громадъ, изъ коихъ летятъ тяжелые мраморные шары и толстые железнымъ остріемъ снабдѣнные брусья.

Каждый камень былъ громовый перунъ, не токмо, сокрушая доспѣхи и члены, исторгавшій жизнь и душу изъ того, въ кого ударялъ, но и тѣло и лице его рвалъ и обезображивалъ. Каждая стрѣла не останавливалась при нанесеніи раны, но вонзаясь въ грудь текла далѣе, и вылетая изъ хребта оставляла послѣ себя смерть.

Однакожъ сіе яростное нападеніе не могло отъ упорной защиты удержать Сра-

цинъ: они распростерли уже уступчивые войлоки и другія мягкія вещи, дабы сила, ударяющая въ нихъ, не встрѣчая сопротивленія, умалялась и ослабѣвала; сами же между тѣмъ направляя летучія оружія туда, гдѣ груда людей была больше, не преставали за брань отвѣтствовать имъ бранью.

Но осаждающіе, не взирая на страшную оборону, продолжаютъ съ трехъ сторонъ идти на приступъ. Иные подъ твердымъ кровомъ снарядовъ своихъ, на кои тщетно сыплется градъ стрѣлъ, простираютъ смѣлые свои стопы. Другіе придвигаютъ отреваемыя колико можно сопротивниками башни, и стараясь на высокія стѣны возвергнуть мостъ, прободаютъ ихъ желѣзными главами овновъ.

Ринальдъ между тѣмъ, почитая опасность сію недостойною себя, колеблется въ нерѣшимости; ему кажется, что идти общимъ путемъ вмѣстѣ со всѣми мало для него чести. Онъ озирается и устремляетъ желанія свои на то, на что другіе не дерзаютъ покушаться: тамъ, гдѣ высокая стѣна стоитъ никѣмъ не боримая, туда хочетъ направить путь свой.

Обращается къ славнымъ воинамъ, коими нѣкогда предводительствовалъ Дудонъ: о стыдъ, вѣщаетъ, при толикомъ числѣ

орудій стѣна сія пребываетъ въ тишинѣ и покоѣ. Храбрость не знаетъ опасности; мужеству всякій путь гладокъ: приступимъ къ ней, друзья; сомкнутые щиты наши охранятъ насъ отъ всякихъ ударовъ.

По сихъ словахъ всѣ соединяются вмѣстѣ, всѣ подъемлютъ надъ главами щиты, составя изъ нихъ желѣзную, градомъ и бурями несокрушаемую кровлю; подъ симъ забраломъ сомкнутая тѣсно дружина течетъ быстро, никакими преградами не препинаемая; ибо сложенный изъ щитовъ черепокожный кровъ оберегаетъ ихъ отъ всякихъ низвергаемыхъ на нихъ вредоносныхъ тягостей.

Уже они подъ стѣнами; тогда Ринальдъ сильною рукою кидаетъ, какъ бы нѣкую легкую трость, длинную о двухъ стахъ ступеняхъ лѣствицу. На него и кряжи, и огромные камни, и цѣлыя бревна летятъ съ высоты; однакожъ онъ не уменьшаетъ своего стремленія, но безстрашный и непреодолимый не остановился бы, хотя бы на него Олимпъ и Осса низвергались.

Съ кучею ринутыхъ въ него стрѣлъ на хребтѣ, и съ горою на щитѣ камней, единою рукою закрываетъ главу свою, другою трясетъ ближайшую къ нему стѣну. Примѣръ толь чрезвычайной смѣлости ободряетъ его сподвижниковъ; не одинъ онъ

восходитъ на верхъ; многіе вмѣстѣ съ нимъ приставляютъ свои лѣствицы; но мужество и судьба ихъ не равны.

Иной умираетъ, другой падаетъ; Ринальдъ же величественно восходя, своихъ ободряетъ, противникамъ грозитъ. Уже онъ такъ высоко востекъ, что можетъ простертою рукою схватится за торчащіе на стѣнѣ зубцы. Тогда притекаютъ къ нему множество враговъ, отражаютъ, толкаютъ его, тщатся низринуть, но не могутъ въ томъ успѣть. Чудное зрѣлище! сонму нападающихъ одинъ висящій на воздухѣ сопротивляется!

И сопротивляется, и восходитъ, и усиливается; подобно пальмѣ, тягостію обремененной, храбрость его боримая умножается, и гнетомая возносится. Напослѣдокъ онъ побѣждаетъ всѣхъ своихъ сопротивниковъ, копья ихъ расторгаетъ, преодолѣваетъ всѣ предстоявшія ему препятствія, востекаетъ на стѣну, господствуетъ, и тѣмъ, кои за нимъ слѣдуютъ, облегчаетъ къ восходу путь.

И самъ онъ младшему брату Готфридову, угрожаемому нападеніемъ, простираетъ дружески побѣдоносную десницу, и второму за собою взойти ему помогаетъ. Между тѣмъ верховный вождь въ другой странѣ претерпѣваетъ разныя опасности

и перемѣны щастія: тамъ не токмо люди воюютъ, но и башни съ башнями сражаются.

Сиряне воздвигли на стѣнѣ древо, бывшее нѣкогда корабельною мачтою, и на немъ поперегъ повѣсили острымъ въ концѣ желѣзомъ снабдѣнное бревно. Втянутое толстыми вервіями назадъ, тѣмъ съ большею силою высовывалось оно впередъ: тако черепаха, то въ черепъ свой уходитъ, то паки главу свою изъ него выставляетъ.

Длинное бревно ударяетъ, и повторяемые имъ удары такъ сильны, что башня потрясается, подается назадъ и въ укрѣпленіяхъ и связяхъ своихъ разстроивается. Но она имѣла въ готовности нужныя на подобный случай орудія: выпускаетъ двѣ острыя косы, коими, искусно къ древу направленными, перерѣзываетъ державшія оное верви.

Подобно какъ великій камень, или глыба, тягостію или силою вѣтра отъ горы отторженная, съ страшнымъ шумомъ катится, и лѣсъ, и домы и стада низвергаетъ: тако ужасное бревно сіе, низринувшись съ высоты, и обруша съ собою и зубцы, и снаряды, и людей, ударилось единожды и дважды въ башню, такъ что и стѣны и холмы содрогнулись.

Побѣдоносный Готфридъ стремится впередъ, и уже мнитъ быть на стѣнахъ градскихъ; но вдругъ зритъ себя отрѣваема чернодымящимся, пышущимъ на него зловоннымъ пламенемъ. Никогда Этна изъ вертепистой утробы своей не изрыгала столько сѣрныхъ огней, ниже Индѣйское небо посреди лѣта когда либо дышало толикимъ зноемъ.

Тамъ пылающіе горны, и горящіе клубы, и зажженные брусья падаютъ; иногда черный, иногда кровавый сверкаетъ пламень; смрадъ заражаетъ, дымъ ослѣпляетъ, громъ и трескъ оглушаютъ, огнь опаляетъ и пояжаетъ. Башня не можетъ болѣе сырыми кожами своими защищаться: онѣ сохнутъ, коробятся, и естьли небо не подастъ помощи, громада сія должна сгорѣть.

Мужественный вождь, стоя впереди всѣхъ, не премѣняетъ ни лица, ни мѣста, и ободряетъ тѣхъ, кои въ предохраненіе отъ огня поливаютъ кожи запасенною нарочно для сего водою. Состояніе ихъ доведено было до крайности и уже не доставало болѣе воды, какъ вдругъ вѣтръ перемѣнясь подулъ съ противной стороны, и обратилъ извергаемое Срацинами пламя на нихъ самихъ.

Сильнымъ вихремъ вспять обращенный огнь мгновенно пожираетъ всѣ ихъ спаря-

ленныя вокругъ стѣнъ мягкія удобосгараемыя ткани, и всѣ приготовленные для обороны снаряды и припасы истребляетъ. О любимый Богомъ и охраняемый имъ благочестивый вождь! по тебѣ побораетъ небо, и по гласу трубъ твоихъ притекаютъ вѣтры.

Но злобный Исменъ, видя сѣрные огни свои дуновеніемъ сѣвера на себя самаго обращенные, хочетъ хитрыми обаяніями своими преодолѣть природу и повелѣть бурямъ. Онъ, сопровождаемый послѣдователями его двумя другими чародѣями, возшедъ на стѣну предстаетъ предъ очи всего воинства, и стоя между ими, грозный взоромъ, черный власами, брадатый и смуглоблѣдный, кажется быть Харонъ или Плутонъ между двумя фуріями.

Уже произносилъ онъ шептанія свои, коихъ страшится Коцитъ и Флегетонъ; уже воздухъ сталъ помрачаться, и солнце темными покрылось облаками, какъ вдругъ изъ огромной башни извергается великій камень, отрывокъ скалы, и съ такою силою ударяетъ въ нихъ, что вся кровь ихъ и кости разлетаются.

Разлетаются въ дребезги, и злочестивыя головы ихъ толико сокрушаются, что никогда хлѣбныя зерна изъ подъ тяжкаго жернова не исходили толь мѣлко раздробленными. Три скаредныя души вострепе-

тавъ оставляютъ чистоту воздуха, свѣтлость небесъ, и низвергаются въ темныя жилища преисподней. Смертные, страшитесь небеснаго гнѣва!

Въ сіе время башня, приведенная возставшимъ вихремъ въ безопасность отъ возгорѣнія, подвигается столь близко, что опускаютъ на стѣну мостъ и утверждаютъ оный. Но Солиманъ неустрашимый притекаетъ и старается мостъ сей разрубить; онъ наноситъ ему ударъ за ударомъ, и конечно сей узкій переходъ не уцѣлѣлъ бы отъ его руки, естьлибъ изъ башни вдругъ не появилась другая башня.

Великая громадища возрастаетъ еще болѣе и возноситъ главу свою выше всѣхъ высокихъ зданій. Удивленные симъ страшилищемъ Срацины видятъ градъ свой нижайшимъ предъ нею. Но гордый Турка, не смотря на сыплющійся на него дождь каменьевъ, не оставляетъ мѣста своего, не отчаявается изрубить мостъ, и на другихъ оробѣвшихъ кричитъ и ободряетъ ихъ.

Тогда предъ очи Готфридовы предстаетъ, невидимо другимъ, Архангелъ Михаилъ, небеснымъ препоясанный оружіемъ; солнце, ни единымъ облакомъ не помраченное, уступало блистанію его. Готфридъ, вѣщалъ онъ, се настаетъ часъ освобожденія Сіона отъ жестокаго рабства. Не потуп-

ляй, не потупляй очей твоихъ; зри, коликами силами небо тебѣ вспомоществуетъ.

Возведи очи и виждь безчисленное въ воздухѣ безсмертное воинство: я разгоню висящее надъ тобою, человѣческими чувствами не проницаемое облако, такъ что ты увидишь образы безплотныхъ существъ, и можешь, хотя на краткое время, безъ ослѣпленія взирать на яркіе лучи исходящаго отъ нихъ сіянія.

Зри души Христовыхъ воиновъ, кои нынѣ, ставъ небесными согражданами, сюда притекли, и совокупно съ тобою тщатся привесть къ окончанію славное покореніе града. Тамъ, гдѣ надъ грудами развалинъ дымъ и пыль стоятъ столбомъ, зри, какъ Угонъ ратуетъ и твердое основаніе бойницъ трясетъ и разрушаетъ.

А тамъ Дудонъ съ мечемъ и пламенемъ высокія сѣверныя врата осаждаетъ, и снабжаетъ воиновъ оружіемъ, и понуждаетъ ихъ восходить по лѣствицамъ, и самъ оныя приставляетъ и держитъ. А тамъ на горѣ, въ святительской одеждѣ, съ священнымъ вѣнкомъ на главѣ, зри, какъ блаженная душа первопастыря Адемара и теперь еще осѣняетъ и благословляетъ.

Возведи еще выше смѣлые взоры твои, и созерцай въ совокупности всю небесную рать. Онъ подъемлетъ очи свои, и зритъ

несмѣтное крылатое ополченіе: три великіе полка, изъ коихъ каждый устроенъ на трехъ окруженіяхъ; внѣшніе круги многочисленнѣе и болѣе распростерты, внутренніе же малочисленнѣе и меньше протяженны.

Тутъ Готфридъ отъ нестерпимаго сіянія принужденъ былъ потупить очи; онъ возвелъ ихъ снова; но уже великаго зрѣлища сего не могъ болѣе видѣть. Между тѣмъ озирая воинство свое зритъ повсюду преуспѣвающую побѣду. Многіе храбрые сподвижники текутъ за Ринальдомъ; онъ уже на стѣнахъ и поражаетъ враговъ. Верховный вождь не медлитъ болѣе, беретъ знамя изъ руки вѣрнаго Альфьера.

Идетъ первый чрезъ мостъ; но Султанъ Турецкій посреди онаго преграждаетъ ему путь. Малый переходъ становится великимъ поприщемъ состязающейся храбрости; гремятъ удары; гордый Солиманъ вопіетъ: жертвуя жизнію моею дарую жизнь другимъ; рубите, друзья, мостъ позади меня; я останусь здѣсь добычею, однако не легкою добычею врагу.

Но видитъ грознаго взоромъ, текущаго къ нему Ринальда, отъ коего всѣ далеко бѣгутъ съ трепетомъ. Что мнѣ дѣлать? размышляетъ; естьли здѣсь жизнь мою предать, я предамъ ее безполезно. Тако, сохра-

няя себя для новой защиты, уступаетъ путь Готфриду. Сей гонится за нимъ грозно, и святое знамя Христа водружаетъ въ стѣны.

Побѣдоносное знамя, помавая изъ страны въ страну, величественно возвѣваетъ. Кажется день свѣтлѣе окрестъ его сіяетъ, и вѣтры съ почтеніемъ его подъемлютъ. Всякій дротикъ, всякая стрѣла, брошенная въ него, или пролетаетъ мимо, или не долетая къ подножію его упадаетъ. Кажется весь Сіонъ и противуположная ему гора съ благоговѣніемъ и радостію преклоняютъ предъ нимъ чело свое.

Тогда всѣ войска велегласно вознесли до небесъ торжественный вопль побѣды, и отдаленныя горы послѣдніе звуки ихъ стократно повторили. Въ тожъ самое время Танкредъ преодолѣваетъ всѣ противупоставленныя ему Аргантомъ преграды, опускаетъ мостъ, и взойдя по немъ на стѣны, высоко въ воздухъ возноситъ крестъ.

Но съ полуденной страны, гдѣ сѣдовласый Раимондъ препирается съ царемъ Палестинскимъ, Гасконское воинство не могло еще къ стѣнамъ градскимъ башню свою придвинуть: отборный народъ окружалъ царя и съ великою упорностію защищалъ градъ, и хотя стѣна въ семъ мѣстѣ казалась быть слабѣе, но по сему самому

обставлена была величайшимъ числомъ оборонительныхъ орудій.

Притомъ же гористый путь не столь, какъ въ другихъ мѣстахъ, для сей огромной башни былъ удобенъ, и всякое употребляемое искуство не могло всѣхъ природныхъ мѣстоположенію препятствій совершенно преодолѣть. Между тѣмъ побѣдоносный гласъ войскъ услышанъ былъ и наступающими и обороняющимися: Палестинскій Царь и Графъ Тулускій познали, что градъ отъ страны дола былъ уже взятъ.

Тутъ Раимондъ ободряя воиновъ своихъ воскликнулъ: о товарищи! градъ, уже взятый, еще намъ сопротивляется. Мы ли одни въ сей преславной побѣдѣ не будемъ участниками? Но въ сіе время Царь Іерусалимскій наконецъ отступаетъ, предпріемля занять высокое и крѣпкое мѣсто, гдѣ бы могъ онъ съ лучшею надеждою еще противустоять.

Тогда побѣдоносное воинство не токмо чрезъ стѣны, но и въ проломленныя врата, низвергнувъ, сокруша, разруша огнемъ и желѣзомъ все то, что крѣпкое ему противуборствовало, вторгается во градъ. Убійственный мечъ, сопровождаемый товарищами своими, ужасомъ и смертію, разноситъ повсюду пагубу и сокрушеніе. По стогнамъ текутъ рѣки крови, влача съ собою трупы мертвыхъ и едва дышущихъ.

Конецъ осьмой-надесять пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Пѣснь девятаянадесять.

Уже смерть, или страхъ, или опасеніе, отторгли всѣхъ Магометанъ отъ обороны града; одинъ непреоборимый Аргантъ стоитъ не отступая отъ разрушаемыхъ стѣнъ. Лютъ и безстрашенъ, окруженный противниками сражается съ ними, опасаясь, больше нежели умерешь, быть подвигнуту вспять, и хочетъ даже и умирая казаться непобѣжденнымъ.

Но изъ всѣхъ ратующихъ съ нимъ воиновъ приходитъ самый опаснѣйшій, Танкредъ. Черкешанинъ по дѣйствіямъ, по поступкамъ, по оружію познаλъ въ немъ того, съ кѣмъ онъ единоборствовалъ, и кто въ шестый день обѣщалъ возвратиться, но не устоялъ въ словѣ. По сей причинѣ возопилъ къ нему: такъ-то держишь ты слово свое, Танкредъ? теперь только приходишь биться?

Приходишь поздо и не одинъ. Однакожъ я не отрицаюсь сразиться и готовъ ратовать съ тобою, хотя по видимому ты пришелъ сюда не такъ какъ воинъ, но какъ

изобрѣтатель сихъ огромныхъ башенъ. Застѣняй себя своими войсками, употребляй въ оборону свою какія хочешь новыя громады и необычайныя оружія, но отъ рукъ моихъ, о храбрый убійца женщинъ, не избѣжишь ты смерти.

Мужественный Танкредъ, презрительно улыбнувшись, тако съ гордостію и гнѣвомъ отвѣтствуетъ ему: позденъ приходъ мой, но скоро покажется тебѣ чрезмѣру преждевременнымъ; скоро пожелаешь ты, чтобъ раздѣляли насъ Альпійскія горы, или бы между нами лежало море. Опытъ покажетъ тебѣ, что въ причинѣ замедленія моего не участвовали ни страхъ, ни малодушіе.

Пойдемъ, уклонимся отселѣ, о ты побѣдитель единыхъ исполиновъ и богатырей! убійца женщинъ тебя вызываетъ. Тако вѣщалъ ему; потомъ обратясь къ своимъ удерживаетъ ихъ отъ нападенія на него и восклицаетъ: престаньте поражать его; онъ больше мой, нежели вашъ общій врагъ; давное между нами условіе обязуетъ меня одинъ на одинъ съ нимъ перевѣдаться.

Ступай одинъ или со множествомъ, прерываетъ гордый Аргантъ, пойдемъ въ многолюдное или уединенное мѣсто, какъ и куда хочешь; я ни на какія окружающія тебя выгоды не посмотрю и отъ тебя не отстану. Тако условясь и согласясь идутъ

поспѣшными стопами къ единоборству. Ненависть сопровождаетъ ихъ; сильная между ими вражда понуждаетъ одного изъ нихъ защищать другаго.

Съ величайшимъ попеченіемъ и ревностію Танкредъ заботится о сохраненіи жизни Срацина: ему кажется, что даже и единая капля крови его, не имъ, но инымъ кѣмъ пролитая, не дастъ гнѣву его вполнѣ утолить жажды своей. Онъ покрываетъ его щитомъ своимъ и встрѣчающимся кричитъ издалека, чтобъ никто его не тронулъ: тако врага спасаетъ отъ друзей, и выводитъ его изъ среды побоища раздраженныхъ побѣдителей.

Они исходятъ изъ града, и удалясь отъ мѣста, гдѣ раскинутъ Христіянскій станъ, идутъ по гористымъ извивающимся стезямъ, и приходятъ въ небольшую тѣнистую долину, лежащую между холмами, и какъ бы нарочно окруженную ими, дабы служить поприщемъ для ловцевъ или единоборцевъ.

Здѣсь оба останавливаются. Аргантъ задумывается и обращаетъ смутные взоры свои на печальный градъ. Танкредъ примѣтя, что у него нѣтъ щита, бросаетъ свой. Потомъ вѣщаетъ ему: какая безпокоитъ тебя мысль? не о томъ ли думаешь, что приспѣлъ послѣдній часъ твой? Ежели ты

предвидя сіе смущаешься, то страхъ твой позденъ.

Размышляю, отвѣтствуетъ Аргантъ, о древнѣйшемъ престольномъ градѣ Іудейскаго царства, днесь упадающемъ, и коего роковую погибель тщетно я отвратить хотѣлъ; мню, что глава твоя, посланная мнѣ судьбою, есть мало удовлетворительная мщенію моему жертва. Умолкъ, и оба съ великою осторожностію выходятъ одинъ противъ другаго; ибо каждый знаетъ соперника своего силу.

Танкредъ легокъ и ловокъ тѣломъ; быстръ ногами и рукою. Аргантъ напротивъ высотою главы и дебелостію членовъ превосходитъ его. Танкредъ сжиманіемъ себя и уклончивостію увертывается изъ подъ меча сопротивника своего, и всею силою висящіе надъ главою его удары отъ себя отводитъ.

Свирѣпый Аргантъ напротивъ прямъ и размашистъ, равенъ съ нимъ искуствомъ, но дѣйствіемъ различенъ: онъ великую руку свою далеко простираетъ, и не меча ищетъ, нѣтъ, но прямо до тѣла врага своего добирается. Одинъ всякую минуту новымъ ударомъ стремится раздробить на части; другой, уставя ему мечъ въ лицо, грозитъ, и смѣтливыми увертками, и мгновенными

нападеніями, при каждомъ шагѣ ставитъ ему препону.

Тако на равнинахъ морскихъ, когда не возмущаетъ ихъ ни южный, ни юговосточный вѣтръ, зримъ сраженіе двухъ неравныхъ кораблей, изъ коихъ одинъ величиною, другой движеніемъ преимуществуетъ: одинъ вращаясь и обтекая вокругъ кормы и носа, безпрестанно нападаетъ; другой стоитъ неподвижно, и когда тотъ легкій приближается къ нему, онъ съ высоты своей грозитъ разрушить его громовымъ ударомъ.

Между тѣмъ какъ Танкредъ покушается мечъ свой подъ мечъ соперника своего пропустить и въ него направить, Аргантовъ мечъ сверкаетъ предъ его очами; онъ хочетъ отбить его, но Срацинъ съ такою быстротою и силою опускаетъ оный, что предупредя оборону поражаетъ непріятеля своего въ бокъ, и видя рану его восклицаетъ: хитрецъ побѣжденъ хитростію.

Гнѣвомъ и стыдомъ воспаленный Танкредъ оставляетъ всякую предосторожность, и съ такимъ пламенемъ жаждетъ отмстить, что позднюю побѣду уничиженіемъ себѣ ставитъ. Онъ не отвѣтствуетъ ничего на укоризну, но остріе меча своего устремляетъ прямо въ забрало шлема, гдѣ для очей сдѣланы отверстія; Аргантъ от-

ражаетъ ударъ, но Танкредъ рѣшительно на полъ-длины меча къ нему приближается.

И тогда лѣвою ногою проворно ступя, шуйцею хватаетъ его за десницу, и десницею своею наноситъ ему жестокіе удары, вопія: вотъ какъ великому побѣдителю отвѣтствуетъ побѣжденный! Черкешанинъ пылаетъ яростію, силится, рвется, но руки своей изъ руки его освободить не можетъ.

Наконецъ опустя мечъ повиснувшій на цѣпи, бросается на Танкреда, а сей на него, и оба съ великою запальчивостію схватываются и давятъ другъ друга. Не съ такою силою на знойныхъ пескахъ Африканскихъ Алкидъ восхитилъ и поднялъ въ верхъ грознаго исполина, съ какою они крѣпкими руками стѣснилися и оплелися.

Таково было ихъ препираніе и борьба, что оба вдругъ грянулись на землю. Аргантъ, принаровилъ ли такъ, или то сдѣлалось случайно, упалъ на лѣвую руку, имѣя правую свободну; но Христіянскаго витязя рука, наиболѣе способная къ пораженію, была бездѣйственна отъ возлежащаго на ней Аргантова тѣла; почему Танкредъ чувствуя невыгоду и опасность свою, вырываетъ ее изъ подъ него и поспѣшно возстаетъ.

Возстаетъ и Срацинъ, но послѣ и тогда, когда уже Танкредъ успѣлъ нанести ему

сильный ударъ. Однакожъ подобно высокой соснѣ, преклонившей на время вершину свою предъ ярымъ вѣтромъ, и скоро паки возстающей, Аргантъ, въ то самое время какъ уже клонился къ паденію, укрѣпляется, собираетъ силы свои и гордо подъемлетъ главу. Снова нападаютъ они другъ на друга и битва ихъ тѣмъ ужаснѣе, что они не наблюдаютъ болѣе ни искуства, ни осторожности.

Танкредъ изъ многихъ ранъ проливалъ кровь, но изъ Арганта текла она почти ручьями. Уже съ ослабѣвающими силами ослабѣвала въ немъ и ярость, подобно какъ пламень отъ недостатка пищи угасаетъ. Христіянскій витязь, видя окровавленную руку его отчасу тише вращающуюся, потушаетъ въ великодушномъ сердцѣ своемъ пылъ гнѣва, и отступя назадъ съ кротостію ему вѣщаетъ:

Уступи мнѣ, храбрый мужъ, и согласись признать побѣдителемъ своимъ или меня, или щастіе. Я не требую ни оружія твоего, ни торжества, ниже какихъ либо правъ надъ тобою. Лютый Срацинъ больше нежели когда нибудь разсвирѣпѣвъ отвѣтствуетъ: ты уже мечтаешь себя побѣдителемъ и дерзаешь отъ Арганта ожидать подлости?

Пользуйся преимуществами своими: я

ничего не страшусь, и самохвальства твоего не оставлю безъ наказанія. Подобно какъ угасающій огнь, при послѣднемъ концѣ своемъ, сильнѣйшій извергаетъ пламень и съ блескомъ потухаетъ, такъ онъ, оставшееся въ немъ малое количество крови гнѣвомъ воспаля, возобновилъ увядающія свои силы, и жизни своей близкіе къ смерти часы восхотѣлъ мужественнымъ прославить концемъ.

Правую руку свою соединя съ лѣвою, обѣими возноситъ мечъ, и съ такою силою низвергаетъ оный, что хотя отъ сопротивнаго меча встрѣчаетъ препятствіе, однакожъ мечъ его, разруша сію преграду и коснувшись плеча, скользитъ съ ребра на ребро, такъ что однимъ ударомъ многія даетъ раны. Ударъ сей долженствовалъ бы ужаснуть Танкреда, естьлибъ твердая грудь его могла какимъ либо страхомъ содрогаться.

Аргантъ повторяетъ страшный ударъ, но безполезно разсѣкаетъ имъ воздухъ: Танкредъ, предусмотря пагубное намѣреніе его, уклоняется и отскакиваетъ прочь. Срацинъ всею тяжестію своею ринувшись впередъ, не могъ удержаться на ногахъ и упалъ. Ты упалъ, Аргантъ, но по щастію самъ собою, и никто другой низверженіемъ тебя похвалиться не можетъ.

Паденіе отверзло раны его и кровь полилась изъ нихъ рѣками. Онъ лѣвою рукою уперся въ землю и вскоча на колѣно приготовился къ оборонѣ. Великодушный побѣдитель снова кротко и безъ всякаго оскорбленія предлагаетъ ему: отдайся! но онъ между тѣмъ тайно мечемъ уязвляетъ его въ пяту и сопровождаетъ ударъ сей угрозами.

Тогда разгнѣванный Танкредъ возопилъ: симъ то образомъ, нечестивецъ, платишь ты мнѣ за мое къ тебѣ состраданіе? Съ симъ словомъ сквозь глазное на забралѣ отверстіе вонзаетъ въ него мечъ: Аргантъ умираетъ, и умираетъ какъ жилъ, даже и при концѣ издыханія своего не стенящій, но угрожающій; послѣднія судороги его были яростныя и свирѣпыя скрежетанія.

Танкредъ влагаетъ мечъ, и приноситъ теплое за торжество свое благодареніе Богу; но кровавая побѣда истощила почти всѣ силы побѣдителя. Онъ опасался, что слабость не позволитъ ему перенести движенія въ пути; однако же пускается и тихо, шагъ за шагомъ, тѣми же стезями, по коимъ пришелъ, обратно шествуетъ.

Изнемогшій едва влечется, и чѣмъ больше силится, тѣмъ больше изнемогаетъ; ослабѣвъ ложится на землю, и подпираетъ голову свою правою рукою, какъ тростъ

колеблющеюся. Все, что видитъ, въ глазахъ у него кружится, и уже очи его покрываются мракомъ. Напослѣдокъ лишается чувствъ, и становится таковъ, что побѣдителя трудно распознать съ побѣжденнымъ.

Между тѣмъ какъ здѣсь съ толикимъ жаромъ частное происходитъ единоборство, побѣдоносное воинство изливаетъ всю свою ярость надъ непокорнымъ народомъ. Кто можетъ описать всѣ бѣдствія взятаго приступомъ града? чье перо живо изобразитъ сіе неистовое, ужасное зрѣлище?

Повсюду свирѣпствуетъ убійство; грудами тѣлъ покрыты стогны и площади: тамъ раненые на мертвыхъ, а здѣсь подъ убитыми не погребенными лежатъ погребены умирающіе. Бѣгутъ, прижимая къ груди младенцевъ, печальныя матери съ растрепанными власами; и хищникъ, обремененный корыстями, хватаетъ за власы текущихъ съ воплемъ отъ него дѣвицъ.

Но по путямъ, ведущимъ на высочайшій западный холмъ, гдѣ стоитъ великій храмъ, Ринальдъ, весь непріятельскою кровію обагренный, гонится и разсѣваетъ нечестивыя толпы народа. Великодушный витязь на единыя вооруженныя главы возноситъ мечъ свой и низлагаетъ ихъ. Отъ руки его ника-

кіе щиты и шлемы не спасаютъ, спасаетъ одно токмо отверженіе оружія.

Мечъ его благородный на одни токмо мечи устремляется, гнушаясь свирѣпствовать противъ немощи, и тѣхъ, коихъ дерзость не ополчаетъ, оружіе не покрываетъ, гонитъ взорами и грознымъ гласомъ. Чудныя дѣла храбрости творитъ: то презираетъ, то грозитъ, то поражаетъ: съ неравными опасностями равно бѣгутъ отъ него и безоружные и вооруженные.

Уже съ простымъ народомъ укрылось немалое число и отличныхъ воиновъ во храмѣ, который неоднократно сгаралъ, возобновлялся, и нынѣ нарицается еще именемъ основателя своего Соломона. Оный древлѣ кедрами, златомъ и прекрасными мраморами гордился; но днесь хотя и не столь великолѣпенъ, однако же твердъ и крѣпокъ, снабдѣнъ высокими башнями и двери имѣетъ желѣзныя.

Великій витязь достигнувъ туда, гдѣ въ огромномъ и пространномъ зданіи великое число народа и воиновъ затворилось, находитъ двери запертыми, и видитъ въ верху многія къ защитѣ приготовленія; онъ грозными взорами, ища хотя тѣснаго входа, дважды озираетъ оное отъ вершины до подошвы, и толикожекратно быстрыми стопами обтекаетъ оное вокругъ.

Какъ хищный волкъ, природною враждою и гладомъ побуждаемый, съ алчною пастiю лукаво обходитъ заключенное въ оградѣ стадо, такъ онъ высматриваетъ, нѣтъ ли гдѣ внизу или вверху удобнаго для прохода отверстiя. Наконецъ посреди широкой площади останавливается: осажденные затворники зрятъ его съ высоты и съ трепетомъ ожидаютъ нападенiя.

Тутъ въ сторонѣ лежалъ толстый, не извѣстно для чего, уготованный брусъ, величайшiй и длиннѣйшiй тѣхъ, каковые употреблялись на райны Лигурiйскихъ кораблей. Витязь мощною рукою, для коей всякое бремя легко, подъемлетъ оный, и какъ бы нѣкiимъ копiемъ, сильно и громоломно ударяетъ имъ въ главныя двери храма.

Не могъ устоять ни мраморъ, ни чугунъ, отъ повторенiя сокрушительныхъ ударовъ его: затворы преломляются, звѣнящiя пѣтли соскакиваютъ съ крючьевъ, и двери упадаютъ. Ни твердоглавый таранъ, ни смертоносная бомба, не могли бы съ толикою грянуть силою. Франки въ отверстый проломъ, какъ вода, хлынули за побѣдоноснымъ своимъ предтечею.

Убiйство и лютость свирѣпствуютъ въ томъ храмѣ, гдѣ нѣкогда приносилось пѣснопѣнiе Богу. О праведное небо, чѣмъ позже, тѣмъ пагубнѣе отяготѣла десница

твоя надъ нечестивымъ народомъ! Тайное провидѣніе твое въ кроткія сердца влило гнѣвъ и ожесточеніе: омылъ невѣрный народъ кровію своею тотъ храмъ, который злочестіемъ своимъ посрамилъ.

Между тѣмъ Солиманъ отшелъ къ великой, именемъ Давида нарицаемой башнѣ; онъ собралъ тамъ остатки воиновъ своихъ и заградилъ всѣ ведущіе къ ней пути. Самъ Царь Аладинъ туда же притекъ. Солиманъ, узря его, тако вѣщалъ ему: приди, о славный Царь, приди укрыться на сей крѣпчайшей скалѣ.

Ты здѣсь отъ ярости оружія враговъ можешь сохранить и здравіе свое и царство. Увы, отвѣтствуетъ сей, увы, злодѣи во гнѣвѣ своемъ рушатъ до основанія градъ, и жизнь и царство мое падутъ! Я жилъ, я царствовалъ; теперь не живу и не царствую болѣе. Можемъ сказать: мы были; насталъ для всѣхъ насъ послѣдній день и неизбѣжный конецъ.

Гдѣ, Государь, прежняя доблесть твоя? возразилъ съ гнѣвомъ Турецкій Султанъ. Враждебная судьба отъемлетъ у насъ царство, но царскаго достоинства, въ насъ самихъ пребывающаго, отнять не можетъ. Вниди и успокой ослабѣвшія отъ тяжкихъ трудовъ силы свои. Тако вѣщаетъ и удру-

ченнаго старостію Царя препровождаетъ во внутренность охраняемой имъ башни.

Самъ же онъ препоясуетъ вѣрный мечъ свой по бедрѣ, беретъ въ обѣ руки желѣзную булаву, и безстрашенъ становится при входѣ, защищая и возбраняя Франкамъ путь къ башнѣ. Пораженія его ужасны; естьли не убиваетъ, то по крайней мѣрѣ низвергаетъ на землю. Уже всякъ бѣжитъ съ обороняемой имъ площади, къ кому токмо приближится грозная булава.

Се храброю дружиною препровождаемый приходитъ Тулузскій Раимондъ. На опасный подвигъ смѣлый старецъ течетъ, презирая силу тяжкихъ ударовъ. Онъ первый разитъ, но ударъ его былъ безвреденъ; Солимановъ же напротивъ ударъ сильный, увѣсистый, прямо въ чело ему устремленный, опрокидываетъ его навзничь трепещуща, простерта, разметавша руки.

Наконецъ и къ побѣжденнымъ возвращается страхомъ изгнанная храбрость: побѣдители Франки или отражаются вспять, или падаютъ мертвы при вратахъ. Солиманъ, видя простертаго къ ногамъ своимъ полумертваго вождя ихъ, вопіетъ воинамъ своимъ: возмите его, отнесите въ башню, и да будетъ онъ нашъ плѣнникъ.

Воины стремятся исполнить его повелѣніе, но встрѣчаютъ въ предпріятіи семъ

великое препятствіе и трудность; ибо никто изъ последователей Раимондовыхъ не остается празденъ, всѣ на защиту его текутъ. Съ единыя страны ярость, съ другой жалость, сильно состязаются. Важная причина битвы: великаго мужа свободу и жизнь одни сохранить, другіе отнять хотятъ.

Напослѣдокъ по долгомъ преніи упорный въ мщеніи Султанъ Турецкій преодолѣлъ бы; ибо ничто отъ громоносной булавы его не могло устоять, ни самотвердѣйшій щитъ, ни самокрѣпчайшій шлемъ; но вскорѣ узрѣлъ онъ подоспѣвшую къ сопротивникамъ своимъ сильную помощь: во едино время съ двухъ разныхъ странъ притекаютъ и верховный вождь и великій витязь.

Какъ пастухъ, когда небо черными покроется тучами, и возшумятъ вѣтры, и заревутъ громы, и засверкаютъ молніи, гонитъ съ открытыхъ полей стадо, спѣша укрыться въ безопасное отъ гнѣва небеснаго мѣсто, и самъ идучи позади всѣхъ, крикомъ и посохомъ направляетъ и загоняетъ каждую отстающую овцу:

Тако Солиманъ, когда услышалъ неукротимый вихрь и бурю, кликами и звѣнящими повсюду оружіями возшумѣвшую, всѣхъ воиновъ своихъ, охраняя жизнь ихъ, шлетъ въ переди себя въ огромную башню, самъ же

остается послѣдній; послѣдній входитъ и уступаетъ опасности, но уступаетъ такъ, что кажется благоразумною осторожностію своею грозитъ и устрашаетъ.

Однакожъ едва по вступленіи внутрь успѣлъ онъ замкнуть за собою врата, какъ Ринальдъ приступя расторгаетъ заклепы ихъ, и еще при томъ не останавливается: желаніе побѣдить всѣхъ превосходнѣйшаго изъ соперниковъ своихъ и клятва побуждаютъ его; ибо онъ не забываетъ, что далъ обѣтъ убить того, кто отнялъ у Датскаго царевича жизнь.

Тогда же бы покусился онъ преодолѣть твердую, неприступную стѣну, и можетъ быть Султанъ внутри ея не былъ бы отъ него безопасенъ; но воздухъ начиналъ уже темнѣть, и Готфридъ повелѣлъ престать отъ битвы. Онъ учредилъ не исходить изъ града и по разсвѣтѣ дня снова начать приступъ.

Съ веселымъ лицемъ вѣщаетъ онъ воинамъ своимъ: Всевышній благословилъ оружіе Христіянское; главное мы совершили, не много остается труда и страхъ весь минулъ. Бащню, послѣднюю и бѣдную, надежду невѣрныхъ, возмемъ завтра. Между тѣмъ человѣколюбіе зоветъ васъ подать съ братскою любовію помощь и утѣшеніе сотоварищамъ вашимъ недужнымъ и раненымъ.

Идите, приложите попеченіе ваше о тѣхъ, коихъ кровію пріобрѣтенъ сей градъ. Исполните долгъ сей, паче приличный воинамъ Христовымъ, нежели алканіе мести и грабительства. Много, увы! много въ день сей лютая пожирала смерть, и жадность нѣкоторыхъ къ злату много насыщала гладъ свой! Повелѣваю, да престанетъ убійство и грабежъ. Трубы да возвѣстятъ волю мою.

Умолкъ и пошелъ туда, гдѣ Раимондъ, едва пришедшій въ чувство, лежалъ еще въ страданіяхъ. Солиманъ съ челомъ не меньше смѣлымъ, скрывая печаль въ душѣ, ободряетъ воиновъ своихъ: не предавайтесь, сотоварищи, при противномъ щастіи унынію, доколѣ надежда еще зеленѣетъ и цвѣтетъ: претерпѣнный нами въ сей день уронъ не такъ еще великъ, какъ подъ наружностію лживою представляетъ намъ его страхъ нашъ.

Непріятели взяли токмо стѣны и домы, покорили токмо простой народъ, но града не взяли: градъ состоитъ въ главѣ Царя, въ вашихъ сердцахъ и рукахъ. Я вижу, Царь съ избраннѣйшими вельможами своими спасенъ, вижу ихъ въ твердомъ огражденіи пребывающихъ. Пусть Франки въ уступленной имъ землѣ торжествуютъ, конецъ войны будетъ для нихъ пагубенъ.

Я точно увѣренъ, что напослѣдокъ они погибнутъ: невоздержные въ щастіи своемъ, се предаются они убійствамъ, грабежамъ и сладострастнымъ неистовствамъ; естьли въ сихъ неустройствахъ и развратностяхъ застигнетъ ихъ Египетское воинство, а оное долженствуетъ уже быть близко, то погрязшихъ въ роскошахъ и безчиніяхъ оно легко преодолѣетъ ихъ и всѣхъ побіетъ.

Между тѣмъ мы низверженіемъ и бросаніемъ каменій можемъ господствовать надъ высочайшими градскими зданіями, и всѣ пути, ведущіе ко гробу Христову, стрѣлометными орудіями нашими заперетъ врагу. Тако, вливая ободреніе въ унылыя сердца, возобновляетъ въ отчаянныхъ надежду. Въ то время, какъ здѣсь сіе происходитъ, Вафринъ въ Египетскомъ воинствѣ изъ ополченія въ ополченіе странствуетъ.

Избранный въ соглядатели силъ непріятельскихъ, онъ при захожденіи солнца отправился, и ночью уединеннымъ путемъ скрытно пробирался. Миновалъ Аскалонъ прежде, нежели утренняя на востокѣ занялась заря, и когда горящее свѣтило на полуденный взошло кругъ, тогда взорамъ его открылся преобширный станъ.

Онъ видитъ безчисленное множество палатокъ съ возвѣщающими на нихъ синими,

красными и желтыми флагами, и слышитъ столько различныхъ языковъ, и столько бубновъ, роговъ, и странно брящающихъ орудій, и между конскими ржаніями толикое верблюдовъ и слоновъ рычаніе, что удивленный самъ съ собою разсуждаетъ: сюда вся Африка преселилась, и вся Азія собралась.

Сперва осматриваетъ онъ твердость мѣстоположенія и какими долинами окруженъ станъ; по семъ не тайными и окольными путями ходитъ, ниже отъ многочисленнаго народа скрывается; но прямо къ главной идетъ заставѣ, и съ хитрыми и лукавыми вопросами и отвѣтами соединяетъ твердый духъ и смѣлое чело.

Вездѣ успѣваетъ побывать: на дорогахъ, на площади, въ шатрахъ; осматриваетъ воиновъ, коней, оружіе; примѣчаетъ ихъ ратныя искуства, ихъ строи; затверживаетъ имена ихъ; но симъ недовольный помышляетъ узнать еще болѣе: освѣдомляется отчасти и проницаетъ въ самыя сокровеннѣйшія намѣренія. Толико пронырливъ, хитръ и осторожень, что отверзаетъ себѣ доступъ въ шатеръ главнаго вождоначальника.

Тамъ усматриваетъ, что занавѣсъ противу самаго внутренняго покоя нѣсколько по шву распоролся, и что голосъ оттолѣ

въ скважину сію удобно проходитъ, такъ что самые тайные разговоры вождоначальника могутъ внимающимъ изъ-внѣ ухомъ быть услышаны. Вафринъ, не показывая ни малѣйшаго вида подслушиванія, но какъ бы стараясь о исправности и чистотѣ шатра, тихо и слухъ и зрѣніе туда вперяетъ.

Онъ зритъ стоящаго съ обнаженною главою вождоначальника, облеченнаго въ багряницу; два юноша въ нѣкоемъ отъ него отдаленіи держатъ щитъ и шлемъ; подлѣ него стоитъ свирѣпый зракомъ, высокаго роста, толстотѣлесный человѣкъ, на котораго онъ, опершись на копіе, смотритъ. Вафринъ услыша имя Готфридово преклоняетъ внимательное ухо.

Вождоначальникъ вѣщаетъ ему: такъ ты увѣренъ, что можешь Гофрида предать смерти? Сей отвѣтствуетъ: толико увѣренъ, что даю клятву никогда не возвращаться ко двору, естьли не одержу надъ нимъ побѣды. Я надѣюсь даже всѣхъ другихъ, заклявшихся со мною, въ томъ предупредить, и не требую иной награды, кромѣ той, чтобъ въ Каирѣ воздвигнутъ былъ великолѣпный памятникъ съ сею надписью:

Сіи доспѣхи съ разорителя Азіи, вождя Франковъ, Ормонтъ по убіеніи его снялъ, и здѣсь, на вѣчную память потомкамъ, рукою своею повѣсилъ. Безсомнѣнія, рекъ Эмиренъ,

благородный Царь не оставитъ толь великаго подвига безъ возмездія; онъ исполнитъ требуемое тобою, и присовокупитъ еще къ тому величайшіе дары.

Поспѣши приготовить поддѣльные доспѣхи, день брани приближается. Они уже готовы, отвѣтствуетъ Ормонтъ, и тутъ прервался разговоръ ихъ, оба они умолкли. Вафринъ, услыша толь важныя рѣчи, остался изумленъ, въ недоумѣніи, не понимая точно, о какомъ заговорѣ, и о какихъ разсуждали они поддѣльныхъ доспѣхахъ.

Посемъ отходитъ и всю сію ночь не смыкая очей провождаетъ; но когда потомъ настало утро и воинство распустя знамена снова двинулось, онъ пошелъ съ нимъ и съ нимъ остановился. Ходитъ по прежнему изъ шатра въ шатеръ, прислушиваясь, не узнаетъ ли чего о томъ яснѣе и подробнѣе.

Продолжая согляданія свои, зритъ возсѣдающую великолѣпно между воинами и дѣвицами Армиду; она сидѣла задумчиво и печально, опершись розовою ланитою на бѣлую руку и потупя взоры на землю, какъ бы сама съ собою разсуждала. Не можно сказать, чтобъ она плакала; однакожъ видно было, что очи ея красны и наполнены слезами.

Подлѣ ней сидѣлъ гордый Аргастъ; онъ казалось не дышалъ и очи его были непод-

вижны: съ толикимъ вниманіемъ, устремя взоръ свой на нее, питалъ онъ жадныя свои желанія. Но Тизафернъ, смотря на нихъ обоихъ, воспламенялся попеременно то гнѣвомъ, то сладострастіемъ, и на лицѣ его то ярость, то любовь изображалась.

Посемъ зритъ Альмантора, въ нѣкоторомъ отдаленіи между дѣвицами сѣдящаго: сей не даетъ воли желаніямъ своимъ, но страстные взоры то на бѣлую руку, то на прекрасное лице устремляетъ; а иногда украдкою простираетъ ихъ и на закрытыя болѣе части, гдѣ тонкое раздвинувшееся на груди платно указуетъ тайный прелестнѣйшій путь.

Напослѣдокъ Армида подъемлетъ очи; прекрасное чело ея покрывается легкою веселостію, и сквозь облако печали пріятная просіяваетъ улыбка; Государь, вѣщаетъ она, воспоминаніе обѣщанія твоего утѣшаетъ душу мою надеждою скораго отмщенія: гнѣвъ въ ожиданіи мести сладокъ.

Индіянинъ отвѣтствуетъ: просвѣти чело твое веселіемъ и печаль свою успокой, скоро увидишь ты ненавистную главу Ринальдову къ ногамъ твоимъ поверженную, или сею мстительною рукою приведу его плѣннымъ для заточенія куда пожелаешь. Тако обѣщалъ я и обѣтъ мой исполню. Ти-

заферн слыша сіе молчитъ, но въ сердцѣ снѣдается гнѣвомъ.

Армида, обратя къ нему ласковый взоръ, вопрошаетъ: ты, Государь, что скажешь? Онъ насмѣшливо отвѣчаетъ: я опоздавшій послѣдую издалека за симъ твоимъ храбрымъ и страшнымъ ратоборцемъ. Тако изъявляетъ свое къ нему презрѣніе. Тогда Индіянинъ прерываетъ; безсомнѣнія должно быть далеко позади тому, кто не имѣетъ смѣлости равняться.

Тизафернъ покачавъ гордо главою рекъ: почто не властенъ я въ моихъ дѣйствіяхъ! О ежели бы мечъ мой былъ свободенъ! Скоро бы открылось, кто изъ насъ отсталъ. Не страшусь я тебя, горделивецъ, ни самохвальства твоего; но небесъ и неблагопріятствующей мнѣ любви опасаюсь. Умолкъ, и Адрастъ возсталъ на него съ мечемъ; но Армида бросилась между ими и разлучила ихъ.

Она вѣщала: о воины, почто хотите отнять у меня даръ, многократно вами мнѣ обѣтованный? Вы мнѣ себя посвятили; для исполненія таковой обязанности надлежало бы между вами быть миролюбію. Гнѣвающійся изъ васъ, на меня гнѣвается; оскорбляющій, меня оскорбляетъ; вы это знаете. Тако речетъ, и пылающія злобою сердца силою власти своей укрощаетъ.

Вафринъ присутствовалъ тутъ и все сіе слышалъ; воспользовавшись тѣмъ онъ отходитъ, дабы подробнѣе узнать о самоважнѣйшемъ заговорѣ, но повсюду находилъ молчаніе и ничего не могъ провѣдать. Трудностію умножалась въ немъ ревность: онъ дѣлалъ иногда неосторожные вопросы, рѣшась или погибнуть, или узнать сію великую тайну.

Онъ изобрѣталъ въ умѣ своемъ тысячи способовъ, употреблялъ тысячи необычайныхъ хитростей, но при всемъ томъ не могъ проникнуть ни образа, ни оружій сего тайнаго злоумышленія. Наконецъ щастіе даруетъ ему то, до чего всѣми своими стараніями онъ не достигнулъ: оно разрѣшаетъ его недоумѣніе и открываетъ ему всѣ сплетенные противъ благочестиваго Готфрида умыслы.

Вафринъ возвращается въ шатеръ, гдѣ гнѣвная Армида между мстителями своими засѣдаетъ; надежда, не узнаетъ ли еще чего въ толь многолюдномъ собраніи, повела его туда. Тамъ подходитъ онъ къ нѣкоторой, какъ бы издавна знакомой ему дѣвицѣ, и съ ласкою говоритъ ей:

Говоритъ шутя: желалъ бы и я быть рыцаремъ какой нибудь красавицы; можетъ быть и мнѣ удалось бы сорвать голову съ Ринальда или съ Готфрида. Потребуй отъ

меня, ежели хочешь, чтобъ я принесъ тебѣ въ жертву кого либо изъ нашихъ враговъ. Тако начинаетъ, и мнитъ сими словами мало по малу вовлечь ее въ важнѣйшіе разговоры.

Вѣщая сіе усмѣхнулся, и сія усмѣшка открыла въ лицѣ его нѣчто ему природное. Одна изъ другихъ дѣвицъ приближась услышала слова его, взглянула на него пристально и подошедъ къ нему сказала: я хочу у всѣхъ другихъ дѣвицъ отнять тебя; ты не раскаишься посвятивъ мнѣ свои услуги; я избираю тебя моимъ рыцаремъ, и какъ съ рыцаремъ моимъ, желаю наединѣ съ тобою бесѣдовать.

Она отвела его къ сторонѣ и вѣщала: я узнала тебя, Вафринъ, и ты меня знать долженъ. Хитрый соглядатель смутился въ сердцѣ своемъ, однакожъ спокойно и съ улыбкою отвѣтствуетъ ей: не помню, чтобъ я когда либо тебя видѣлъ, хотя лице твое таково, что ни чей взоръ отъ него не отвратится; знаю только, что меня не такъ зовутъ, какъ ты меня называешь.

Я родился на знойныхъ пескахъ Бизерты; отецъ мой Лезбинъ; имя мое Альманзоръ. Она прерываетъ: не хочу прекословить, но знаю тебя точно; не скрывайся отъ меня; ты видишь во мнѣ друга, готоваго пожертвовать за тебя своею жизнію.

Я Эрминія, дочь Царская, и была нѣсколько времени раба Танкредова, твоему надзиранію препорученная.

Два мѣсяца провела я пріятно въ неволѣ; ты приставленный тогда ко мнѣ, учтивостями и услугами своими старался приносить мнѣ всякое удовольствіе. Я та самая, та самая, взгляни на меня пристально. Щитоносецъ, возведя на нее взоры, узналъ въ ней прекрасную царевну. Не опасайся меня, примолвила она, заклинаю тебя солнцемъ и небесами, не опасайся ни мало.

Я сама хочу тебя просить; когда ты возвратишься въ станъ свой, возми меня съ собою, отведи въ прежній толь любезный мнѣ плѣнъ. Тоскливыя ночи и скучные дни, нещастная, провождаю я въ сей моей грустной свободѣ. Естьли ты пребываешь здѣсь для развѣдыванія о какихъ либо таинствахъ, трудно тебѣ узнать объ нихъ; я открою тебѣ всѣ злыя намѣренія и умыслы, о коихъ ты ни отъ кого инаго свѣдать не можешь.

Тако вѣщаетъ ему; онъ между тѣмъ смотритъ на нее и молчитъ; примѣръ Армидиныхъ коварствъ его устрашаетъ. Женщина есть существо нескромное и легкомысленное, которое то желаетъ, то раздумываетъ; безуменъ, кто на нихъ пона-

дѣется. Тако самъ въ себѣ мыслитъ. Наконецъ отвѣтствуетъ ей: естьли тебѣ угодно, я готовъ быть твоимъ сопровождателемъ. Сперва о семъ условимся, открытіе же таинъ да отложится до инаго удобнѣйшаго времени.

Они условливаются возсѣсть на коней и уѣхать прежде, нежели воинство вступитъ въ походъ. Вафринъ удаляется отъ шатра, а она возвращается въ оный; тамъ нѣсколько времени притворствуетъ, издѣваясь надъ новымъ своимъ рыцаремъ, и потомъ уклонясь изъ бесѣды приходитъ на условленное мѣсто, и сопровождаемая Вафриномъ уѣзжаетъ изъ стана.

Отъѣхавъ на довольно великое разстояніе, такъ что стана уже не видно, Вафринъ сказалъ царевнѣ: теперь повѣдай мнѣ, какія сѣти изготовляются на пагубу благочестиваго вождя. Тогда извѣщаетъ она о злыхъ сплетенныхъ противъ него умыслахъ: заговоръ сей, вѣщала она, составляютъ восемь придворныхъ рыцарей, между коими сильнѣйшій и знаменитѣйшій есть Ормонтъ.

Сіи, движимые гнѣвомъ или ненавистію, обязались клятвою, и положили употребить слѣдующую хитрость: въ тотъ день, когда Азія увидитъ два великія воинства, сражающіяся между собою, они облекутся

въ Христіанскіе доспѣхи съ знаменіемъ креста, и какъ тѣлохранители Готфридовы, будутъ имѣть бѣлое златомъ изотвенное одѣяніе.

Но оставятъ на шлемахъ своихъ значки, по коимъ могутъ распознавать другъ друга. Когда оба воинства стѣснятся и смѣсясь вступятъ въ жаркій бой, тогда, наблюдая слѣды храбраго Готфрида, и показывая видъ стражей его, нападутъ они на него съ упоенными ядомъ оружіями, дабы каждая данная ему рана была смертельна.

И какъ между Египтянами извѣстно было, что я о вашихъ оружіяхъ и доспѣхахъ имѣю свѣденіе, то противъ воли моей принудили они меня начертать имъ оные. Вотъ по какой причинѣ бѣгу я отъ нихъ, опасаясь другихъ подобныхъ же повелительныхъ требованій, и гнушаясь быть соучастницею въ безчестныхъ обманахъ.

Сіи суть побуждающія меня причины, но есть еще и другія. Тутъ она умолкла и при послѣднихъ словахъ, дрожащимъ голосомъ произнесенныхъ, потупя очи покраснѣла. Щитоносецъ, желая узнать о томъ, о чемъ стыдливость воспрепятствовала ей продолжать: почто, вѣщалъ, являешь ты къ искреннему тебѣ человѣку толь мало

довѣренности, что не хочешь открыть настоящей тому вины?

Она, испустя глубокой изъ груди вздохъ, томнымъ и трепещущимъ гласомъ рекла: несовмѣстный болѣе, худо хранимый стыдъ оставь меня. Къ чему, безполѣзно упорствуя, хочешь ты въ огнѣ своемъ сокрывать огнь любви? Приличность сія нужна была прежде, а не нынѣ, когда уже я стала скитающеюся дѣвою.

Потомъ продолжала: въ пагубную для меня и для отечества моего ночь потеряла я болѣе, нежели по наружности казалось. Самое величайшее нещастіе мое не въ ночь сію совершилось, но отъ нея началося. Лишеніе царства было малое бѣдствіе; я съ царскимъ состояніемъ моимъ лишилась самой себя; потеряла навсегда мой умъ и сердце и чувства.

Вафринъ ты вѣдаешь, съ какимъ страхомъ, при толикомъ убійствѣ и расхищеніи, увидя въ первый разъ вшедшаго въ царство мое вооруженнаго врага, прибѣжала я къ твоему господину, и бросясь предъ нимъ на колѣна просила: великодушный побѣдитель, сжалься, пощади; не умоляю тебя о жизни моей, спаси токмо честь мою, избавь отъ поруганія.

Онъ, не дождавшись конца моей прозьбы, простеръ руку свою и поднявъ меня,

прекрасная дѣва, сказалъ, ты не тщетно прибѣгла ко мнѣ, я буду твоимъ покровителемъ. Тогда нѣкое тихое и пріятное чувство зачалось въ сердцѣ моемъ, и не знаю потомъ какимъ образомъ по всей душѣ моей распространясь воспалило ее сильнѣйшимъ пламенемъ.

Онъ часто навѣщалъ меня и сладкимъ гласомъ утѣшая въ печали соболѣзновалъ обо мнѣ. Даю тебѣ, сказалъ совершенную свободу; и не хотѣлъ ничего изъ сокровищъ моихъ удержать. Увы! сей мнимый даръ мнѣ, былъ въ самомъ дѣлѣ похищеніе. Онъ давъ мнѣ свободу отнялъ ее у меня, и то, что меньше достойно и драгоцѣнно, возвратилъ мнѣ; но сердце мое похитилъ и овладѣлъ имъ.

Трудно утаить любовь. Часто съ живостію вопрошала я у тебя о твоемъ господинѣ. Ты, примѣчая во мнѣ признаки страсти, нерѣдко говаривалъ: Эрминія, ты любишь. Я не признавалась, но тяжелыя воздыханія вѣрнѣе о состояніи сердца моего свидѣтельствовали, и можетъ быть взоры, вмѣсто языка, снѣдающій меня пламень ясно изъявляли.

Злополучное молчаніе! по крайней мѣрѣ лучше бы въ то время искать мнѣ способовъ къ облегченію моей горести, нежели послѣ, когда уже безполезно было дать волю сво-

имъ желаніямъ. Я уѣхала и повезла съ собою скрытыя въ сердцѣ моемъ раны, отъ коихъ умереть мнила. Наконецъ, ища утѣшенія въ снѣдающей меня тоскѣ, предалась безпрекословно силѣ влекущей меня любви.

Рѣшилась идти къ тому, кто мукъ моихъ виною, и одинъ токмо прекратить ихъ можетъ; но на пути повстрѣчала ужасное препятствіе отъ людей коварныхъ и лютыхъ; едва не попалась имъ въ руки; однакожъ ушла отъ нихъ въ страну пустую и отдаленную. Тамъ въ уединенной хижинѣ жила обитательницею лѣсовъ и пастушкою.

Но потомъ, когда побѣжденное страхомъ желаніе чрезъ нѣсколько дней опять возникло, и я въ прежнее мѣсто возвратиться покусилась, подобное же нещастіе меня постигло. Отъ наѣхавшей на меня поспѣшно толпы воиновъ не могла я уйти. Они меня взяли. Похитители сіи были Египтяне, отвезшіе меня въ Газу.

Они подарили меня главному надъ войсками начальнику. Я увѣдомила его о моемъ рожденіи, увѣрила въ томъ, и онъ съ уваженіемъ и честію оставилъ меня жить вмѣстѣ съ Армидою. Такимъ образомъ неоднократно попадалась я въ плѣнъ, и освобождалась. Вотъ злыя мои приключенія. Одна-

кожъ столько разъ и плѣнница и свободная ношу я всегда первые мои оковы.

О! да не будетъ сего, чтобъ тотъ, кто столь крѣпко обложилъ ими душу мою, сказалъ мнѣ: скитающаяся дѣва, ищи другаго убѣжища; и меня съ собою оставить не восхотѣлъ; но да будетъ ему возвратъ мой пріятенъ, и да приметъ онъ меня въ прежнюю неволю. Тако вѣщала Эрминія, и тако бесѣдуя между собою продолжали они вмѣстѣ ѣхать ночь и день.

Вафринъ, оставляя обыкновенный путь, избиралъ стези или безопаснѣйшія, или кратчайшія. На закатѣ солнца, когда померкаетъ востокъ, пріѣзжаютъ они къ мѣсту, недалеко отъ града отстоящему, и находятъ окропленные кровію слѣды. Вскорѣ потомъ видятъ убіеннаго воина: онъ лежалъ обращенный лицемъ къ небу, и преграждая путь ихъ казалось и мертвый угрожалъ.

Щитоносецъ, по доспѣхамъ и одеждѣ его примѣтя въ немъ Магометанина, проѣхалъ мимо. Другой воинъ, не подалеку оттуда лежащій, обратилъ на себя взоры Вафрина, воскликнувшаго: это Христіанинъ! Темный цвѣтъ одѣянія привелъ его въ нѣкоторое подозрѣніе: онъ сошелъ съ сѣдла, открылъ лице его, и возопилъ громко: увы! это Танкредъ убитъ.

Нещастная Эрминія, оставшаяся, чтобъ посмотрѣть на свирѣпаго Срацина, вдругъ слышитъ жалобный гласъ, лютѣе всякой стрѣлы глубину сердца ея пронзившій. При имени Танкредовомъ, обезумившая, помертвѣвшая, поскакала она изъ всей силы, и увидя блѣдное, прекрасное лице его, не сошла, нѣтъ, но низринулась съ коня своего.

Рыданіями и тяжкими вздохами прерывая слова свои возгласила: за чѣмъ, злой рокъ, привелъ ты меня сюда? О зрѣлище, горестное, лютое! послѣ долгаго времени нахожу тебя, Танкредъ, и вижу, когда ты меня уже не видишь; предстоящую тебѣ не видишь; обрѣтая теряю тебя на вѣки.

Злощастная! не думала я, чтобъ глаза мои могли когда либо взирать на тебя съ нехотѣніемъ; но теперь не дерзаю взглянуть на тебя, и желала бы не имѣть ихъ, чтобъ тебя не видать. Увы! куда прекрасный лучъ, куда любезный пламень милыхъ и суровыхъ очей твоихъ дѣвался? гдѣ игравшій на ланитахъ твоихъ румянецъ? куда веселіе съ лица твоего улетѣло?

Но что! мрачный и блѣдный ты еще мнѣ нравишься. Душа дражайшая, естьли можешь ты въ грудь мою проникнуть, естьли можешь плачъ мой услышать, прости дерзкое желаніе мое и похищеніе:

съ блѣдныхъ устъ твоихъ хочу, вмѣсто пламенныхъ, какихъ надѣялась, хотя хладныя украсть лобзанія. Цѣлуя уста твои оледенѣвшія и помертвѣлыя отниму у смерти часть правъ ея надъ тобою.

Человѣколюбивыя уста, утѣшавшія въ жизни печаль мою своими словами, да будетъ мнѣ позволено, чтобъ я прежде смерти моей прикосновеніемъ устъ моихъ къ вамъ хотя нѣсколько горесть мою усладила. Можетъ быть сей поцѣлуй, похищаемый теперь мною, былъ бы мнѣ данъ, естьлибъ я дерзнула искать его прежде. Да позволится мнѣ, о Танкредъ, обнять тебя и духъ мой въ уста твои испустить.

Прими разстающуюся съ тѣломъ душу мою; вели ей нестись туда, куда твоя понеслася. Тако рыдающая вопіетъ и кажется жизнь свою изъ претворившихся въ источники очей изливаетъ. Орошаемый горячими ея слезами воинъ движетъ немного устами; онъ отверзаетъ ихъ, не открывая очей, и слабый вздохъ его соединяется съ ея вздохами.

Эрминія услыша его простонавшаго приходитъ въ нѣкоторое утѣшеніе. Открой очи, Танкредъ, возопила, взгляни на меня, на слезы мои, во гробъ тебя сопровождающія; я иду съ тобою въ долгій путь, уми-

раю подлѣ тебя; взгляни, постой, не спѣши отъ меня уйти: сего единаго и послѣдняго дара прошу у тебя.

Танкредъ отверзаетъ очи, тяжелыя, мутныя, и тотчасъ паки ихъ опускаетъ. Эрминія стоитъ надъ ними рыдая. Вафринъ вѣщаетъ ей: онъ живъ, сперва надлежитъ ему подать помощь и потомъ плакать. Онъ снимаетъ съ него доспѣхи; она трепещущими руками ему пособляетъ, осматриваетъ, перевязываетъ раны, и какъ знающая въ томъ силу, почерпаетъ надежду о его выздоровленіи.

Видитъ, что немощь его происходитъ отъ разслабленія и многаго изліянія крови; но въ толь уединенномъ мѣстѣ не имѣетъ съ собою ничего, кромѣ покрывала, чѣмъ бы перевязать раны его. Любовь научаетъ ее изобрѣсть необыкновенные способы искуства: она обрѣзываетъ власы свои, и ими обтираетъ и перевязываетъ раны.

Покрывала ея узкаго и тонкаго недостаточно было для толь многихъ язвъ; притомъ же не имѣла она съ собою никакихъ цѣлительныхъ зелій; и такъ прибѣгаетъ къ нѣкоторымъ изъ опыта извѣстнымъ ей заговариваніямъ. Уже Танкредъ отъ смертнаго сна пробуждается, уже открываетъ и обращаетъ миловидныя очи. Онъ

зришъ пекущихся о немъ домочадца своего и усердную въ чужеземномъ одѣяніи жену.

Вопрошаетъ: о Вафринъ, когда и какъ ты здѣсь? а ты кто, великодушная моя спасительница? Она между сомнѣніемъ и радостію вздохнувъ покраснѣла; узнаешь обо всемъ, отвѣтствовала; теперь, какъ врачующая тебя, требую, молчи и успокойся. Ты будешь здравъ, и можешь вознаградить меня. Сказала, и положила голову его на свои колѣна.

Вафринъ между тѣмъ помышляетъ, какимъ бы образомъ до наступленія вечера отнесть его въ шатеръ. Онъ видитъ толпу скачущихъ воиновъ, и узнаетъ въ нихъ Танкредовыхъ сподвижниковъ. Когда Черкешанинъ вызвалъ его къ единоборству, они были съ нимъ вмѣстѣ, но онъ не велѣлъ имъ слѣдовать за собою; потомъ, безпокоясь о долгомъ его отсутствіи, они поѣхали его искать.

Къ нимъ пристали многіе другіе воины, и тако по щастію его нашли. Они сплетясь руками составили изъ нихъ сѣдалище, на которомъ бы онъ спокойно прислониться и возлежать могъ. Танкредъ сказалъ тогда: не уже ли храбрый Аргантъ долженъ остаться въ снѣдь вранамъ? Ахъ! ради Бога, не покиньте и не лишите его должной чести и погребенія.

Съ симъ трупомъ безмолвнымъ и бездыханнымъ не имѣю я никакой болѣе вражды. Онъ умеръ, какъ умираютъ храбрые. Должно ему воздать подобающую честь, единое на землѣ остающееся по смерти. Тако повинуясь гласу его многіе поднявъ врага его несутъ за нимъ. Вафринъ, аки стражъ порученной ему особы, сопровождаетъ Эрминію.

Танкредъ присовокупляетъ: несите меня во градъ, а не въ шатеръ мой. Естьли бренному тѣлу моему суждено разрушиться, то да скончаю я жизнь мою тамъ, гдѣ умеръ безсмертный Богочеловѣкъ. Да пріиду я туда, аки странникъ, и совершеніемъ обѣта моего да обрящу отверстый путь на небо.

Рекъ, и отнесенъ былъ въ Іерусалимъ, гдѣ положенный на мягкомъ одрѣ вкусилъ сладкій сонъ. Вафринъ неподалеку оттолѣ отыскалъ для Эрминіи скрытное жилище. Посемъ отправляется къ Готфриду и безостановочно допускается къ нему, хотя былъ онъ тогда въ важныхъ о будущемъ предпріятіи совѣщаніяхъ.

Верховный вождь, окруженный всѣми храбрыми и мудрыми полководцами, сидѣлъ въ сіе время при одрѣ, на коемъ возлежалъ страждущій отъ ранъ Раимондъ. Доколѣ щитоносецъ повѣствовалъ, всѣ, слушая его,

пребывали въ молчаніи. Государь, вѣщалъ онъ, по твоему повелѣнію былъ я въ Египетскихъ войскахъ.

Не дерзаю исчислять предъ тобою несмѣтныя ихъ силы. Когда они шествуютъ, не видно подъ ними ни горъ, ни долинъ, ни полей. Куда придутъ, земля зрится опустошенною, источниковъ и рѣкъ недостаетъ для утоленія ихъ жажды. Сирія не производитъ столько плодовъ земныхъ, сколько для насыщенія ихъ потребно.

Но сіе великое число пѣхоты и конницы состоитъ большею частію изъ безполезныхъ войскъ; люди въ нихъ не знаютъ ни устройства, ни повиновенія; не умѣютъ владѣть мечемъ, и токмо издалека поражаютъ. Есть однакожъ между ими и храброе воинство: лучшими почитаются Персидскіе полки, и та царская дружина, которая называется безсмертною.

Она потому прозвана безсмертною, что всегда состоитъ изъ полнаго числа людей, и какъ скоро кто изъ воиновъ убудетъ изъ ней, то на мѣсто его изъ отличнѣйшихъ тотчасъ избирается другой. Главноначальствующій надъ всѣми войсками называется Эмиренъ, мужъ, разумомъ и храбростію рѣдкій, едва ли не всѣхъ превосходнѣйшій. Царь повелѣлъ ему найти тебя, и вступить съ тобою въ битву.

мню, что наутріе непріятельское воинство не умедлитъ появиться. Тебѣ, Ринальдъ, надлежитъ крайне быть осторожну; они съ такою жадностію ищутъ твоей смерти, что самые сильнѣйшіе заклялись между собою и острятъ противъ тебя свой гнѣвъ и свои мечи; ибо Армида отдаетъ сама себя въ награду тому, кто принесетъ ей твою главу.

Знаменитѣйшіе между ими суть храбрый Персіянинъ Альтаморъ, царь Самаркандскій; Адрастъ, обладающій царствомъ на востокѣ, звѣронравный исполинъ, вмѣсто коня возсѣдающій всегда на послушномъ ему слонѣ. Съ ними еще Тизафернъ, почитаемый отъ всѣхъ за искуснаго и мужественнаго ратоборца.

Тако вѣщалъ Вафринъ. Юный Ринальдъ сіяетъ веселіемъ и очи его блистаютъ огнемъ. Уже полетѣлъ бы онъ ко врагамъ; не можетъ удержать восторга своего, отъ радости не постоитъ на мѣстѣ. Вафринъ, обратясь послѣ сего къ верховному вождю; Великій Государь, рекъ, я мало еще сказалъ; важнѣйшее и величайшее заключается въ томъ, что въ поддѣльныхъ доспѣхахъ готовятся измѣннически тебя убить.

Посемъ подробно извѣстилъ о сплетенномъ противъ него злохитромъ умыслѣ: объ оружіяхъ, ядомъ упоенныхъ; о поддѣланіи

доспѣховъ; о самохвальствѣ, наградахъ и обѣщаніяхъ. По многихъ еще у него вопросахъ, и его отвѣтахъ, на краткое время послѣдовало молчаніе. Потомъ верховный вождь возведя очи спросилъ у Раимонда: ты какъ думаешь?

Сей отвѣтствуетъ: я мню, что съ новою зарею на приступъ, какъ положено было, идти не надлежитъ; но токмо частію войскъ облечь башню, дабы заключенные въ ней не могли свободно оттолѣ исходить. Воинство же наше между тѣмъ да отдохнетъ и приготовится къ великому бою. Самъ ты потомъ благоусмотришь, намъ ли лучше на нихъ напасть, или ожидать отъ нихъ нападенія.

Главный же совѣтъ мой, что ты паче всего самъ себя беречь долженъ; ибо воинство тобою побѣждаетъ, тобою власть свою распространяетъ: кто безъ тебя будетъ предводительствовать и содержать оное въ устройствѣ и безопасности? А дабы измѣнникъ не укрылся подъ ложнымъ одѣяніемъ, повели доспѣхи тѣлохранителей твоихъ перемѣнить: тако обманъ изобличится и обманщики сами себя обнаружатъ.

Верховный вождь отвѣтствовалъ: совѣты твои, какъ обычно тебѣ, дружественны и мудры; но то, что ты подъ сомнѣніемъ оставилъ, я разрѣшу. Изыдемъ противъ

враговъ. Неприлично воинству, побѣдившему востокъ, стоять запершися въ градѣ или въ окопахъ. Да увидятъ невѣрные народы опытную храбрость нашу въ открытомъ полѣ открытыми глазами.

Не устоятъ противъ славы побѣдъ нашихъ, не токмо противъ грознаго зрака побѣдителей и блеска ихъ оружія. Силы ихъ сокрушатся и утвердятъ наше владычество. Башня или скоро сдастся, или, когда ничто не будетъ возбранять, легко возмется. Тутъ мужественный вождь умолкъ и отшелъ къ себѣ; ибо упадающія звѣзды клонили ко сну.

Конецъ девятой-надесять пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Пѣснь двадесятая.

Уже солнце воздвигло смертныхъ къ трудамъ; уже десять часовъ дня протекли, когда народъ съ высоты великой башни узрѣлъ въ дали нѣчто мрачное, подобное облаку затмѣвающему свѣтъ, и увидѣлъ, что союзное воинство, покрывающее поля и холмы, наконецъ, помрачая пылію небо, приближается.

Тогда съ высокой вершины башни возносятся до небесъ радостные осажденныхъ вопли, подобные крику журавлей, когда они, оставя въ наставшую стужу Ѳракійскія гнѣзда свои, подъемлются вереницами къ облакамъ и предъ хладными вѣтрами летятъ, курлыкая, въ теплѣйшія страны. Возобновившаяся надежда отдала рукамъ ихъ прежнюю готовность поражать, языку ихъ прежнюю дерзость грозить.

Франки скоро примѣтили, отколѣ родилась въ нихъ сія новая бодрость и смѣльство. Они съ высоты стѣнъ узрѣли грядущее къ нимъ безчисленное воинство. Мгновенно въ великодушныхъ грудяхъ ихъ вос-

паляется храбрость; они просятъ брани. Гордая юность, собравшись вмѣстѣ, вопіетъ: повели, непобѣдимый вождь, повели ударить къ бою; вопіетъ и дрожитъ отъ нетерпѣнія.

Но мудрый вождь отлагаетъ битву до слѣдующаго утра; онъ обуздываетъ пылкость ихъ, и не позволяетъ даже и частными битвами тревожить враговъ. Нужно вамъ, вѣщаетъ, послѣ толикихъ трудовъ, хотя единый день опочить. Можетъ быть хотѣлъ онъ, чтобъ непріятель, обольщенный самонадѣяніемъ, тѣмъ удобнѣе обманулся.

Всякъ приготовлялся, ожидая съ нетерпѣніемъ восхожденія солнца. Никогда утро не было такъ свѣтло и прекрасно, какъ въ сей достопамятный день. Веселая заря, казалось, увеличивъ обыкновенный свѣтъ свой, играла блистающими лучами, и небо хотѣло безъ всякаго покрова зрѣть великіе подвиги.

Съ наступленіемъ златаго утра Готфридъ немедленно выводитъ благоустроенное воинство свое на брань. Осаду же Палестинскаго царя поручаетъ Раимонду, оставя при немъ не токмо великое число пришедшихъ изъ Сиріи къ избавителямъ своимъ Христіянъ, но присовокупляетъ

еще къ тому немалочисленный полкъ Гасконцевъ.

Верховный вождь грядетъ: видъ его таковъ, что всякъ зрящій на него увѣряется въ побѣдѣ. Новая благодать отъ неба, просіявая въ немъ, творитъ зракъ его паче обыкновеннаго важнымъ и величественнымъ; на челѣ его изображается честь и лице процвѣтаетъ младостію; во очахъ его и во всѣхъ поступкахъ блистаетъ нѣчто выше смертнаго.

Но онъ не долго шествуетъ и вскорѣ встрѣчается съ непріятелемъ; по сближеніи съ нимъ оставляетъ въ лѣвѣ за хребтомъ своимъ гору, и устрояетъ воинство свое такъ, что распростерши чело онаго къ странѣ поля, сжимаетъ крылья, и поставя пѣхоту въ средину, оба конца прикрываетъ конницею.

На лѣвомъ крылѣ, примыкавшемъ къ горѣ и меньше опасномъ, поставилъ онъ двухъ Князей Робертовъ. Средину поручилъ брату своему. Самъ же сталъ на выдавшемся далѣе въ открытое поле правомъ крылѣ, гдѣ многочисленный непріятель казалось могъ имѣть надежду окружить оное.

Тутъ поставилъ онъ свое Лотарингское войско; избралъ самыхъ отличныхъ и лучше вооруженныхъ людей; помѣстилъ между конницею часть стрѣлковъ, пріобыкшихъ

изъ за коней метать стрѣлы свои въ непріятеля. Потомъ совокупилъ дружину изъ другихъ избранныхъ ратниковъ, велѣлъ имъ занять мѣсто въ нѣкоемъ отдаленіи отъ праваго крыла и отдалъ ихъ подъ начальство Ринальду.

И тако вѣщалъ ему: отъ тебя, витязь, ожидается и побѣда и совершеніе всего. Расположись съ полками своими позади сихъ великихъ крылъ. Когда приближится непріятель, напади внезапу на него и содѣлай всѣ его намѣренія и покушенія тщетными. Онъ, естьли не обманываюсь, готовится окружить насъ и напасть съ тылу.

Посемъ Готфридъ на конѣ своемъ полетѣлъ изъ полка въ полкъ между конницею и пѣхотою; имѣя забрало шлема опущенное и лице открытое, онъ какъ молнія сверкалъ грозными очами. Сомнѣвающихся ободрялъ, надѣющихся подкрѣплялъ, храбрымъ напоминалъ о ихъ славѣ, сильнымъ о ихъ подвигахъ; инымъ сулилъ награды, другимъ обѣщалъ почести.

Наконецъ тамъ остановился, гдѣ собраны были первѣйшіе и благороднѣйшіе воины. Тамъ съ высоты холма простираетъ къ нимъ рѣчь, всѣхъ ихъ сердца и души восхитившую. Какъ съ Альпійскихъ горъ, по растаяніи снѣговъ, быстрый течетъ во-

допадъ, такъ изъ устъ его потекли и возшумѣли звучныя словеса:

О враговъ Христовыхъ бичъ, воинство, побѣдившее востокъ, се послѣдній день; се тотъ, толико желанный вами часъ, насталъ. Не безъ высокой причины небо непокорнымъ себѣ народамъ попустило собраться вкупѣ. Всѣ ваши враги здѣсь соединены, дабы единою бранью окончить всѣ брани.

Мы во единой побѣдѣ, безъ всякой особливой опасности и труда, пожнемъ многія побѣды. Да не устрашитъ васъ великое число войскъ непріятельскихъ, сіе нестройное и несогласное скопище людей, само себя затрудняющее и приводящее въ безпорядокъ. Число сражающихся не велико, инымъ изъ нихъ не будетъ доставать мужества, другимъ мѣста.

Намъ противустанутъ люди большею частію безоружные, робкіе, неискусные, которыхъ отъ праздной и робкой жизни ихъ отвлекло и удалило насиліе. Се тамъ, въ той части, вижу я, мечи ихъ дрожатъ, щиты трясутся, знамена колеблются; по звукамъ ихъ смутнымъ, по движеніямъ робкимъ и ненадежнымъ, зрю явные признаки неминуемой ихъ погибели.

Сей вождь, въ злато и багряницу облеченный, учреждающій воинство и по виду

кажущійся толь грознымъ, побѣждалъ можетъ быть Арабовъ или Мавровъ, но храбрость его противъ насъ не постоитъ. Что сдѣлаетъ, хотя бы и мудръ былъ, при толикомъ ихъ неустройствѣ и смятеніи? Мало, мню, знаетъ своихъ и немногимъ сказать можетъ: ты былъ со мною.

Я, напротивъ, я вождь мужей избранныхъ; мы нѣкогда вмѣстѣ и сражались и побѣждали; потомъ принялъ я верховное надъ вами начальство. Кто есть изъ васъ, чьего бы я не зналъ и рода и отечества? Чей мечъ не извѣстенъ мнѣ? или о какой стрѣлѣ, еще въ воздухѣ свистящей, не умѣлъ бы я сказать Французская ли она, или Ирландская, и чья именно рука ее пустила?

Обыкновеннаго требую: каждый да будетъ здѣсь таковъ, какимъ я видѣлъ его прежде, и тою же ревностію воспаленный да помнитъ свою честь, мою честь, и честь Христову. Ступайте, низложите невѣрныхъ, поприте трупы ихъ ногами, и власть священную воцарите. Но почто удерживаю васъ? ясно въ очахъ вашихъ вижу, вы побѣдили.

Казалось при окончаніи словъ сихъ возблисталъ надъ нимъ необычайный свѣтъ, подобно какъ въ лѣтнюю ночь сверкаетъ сѣверное сіяніе или зарница; но свѣтъ сей,

мнилось, исшедъ изъ самыхъ нѣдръ солнца, озарилъ главу его, и многіе приняли оный за предвѣстіе будущаго владычества его надъ царствомъ вновь пріобрѣтеннымъ.

Можетъ быть, естьли языкъ смертнаго дерзаетъ вѣщать о таинствахъ небесныхъ, былъ то Ангелъ хранитель, съ высоты горнихъ ликовъ нисшедшій и крилами своими главу его пріосѣнившій. Между тѣмъ какъ Готфридъ тако вѣщая воинство свое учреждаетъ, Египетскій вождь не коснитъ, и такожъ полки свои устрояетъ и ободряетъ.

Увидя издалека воинство Франковъ, онъ выставляетъ свое, и подобнымъ же образомъ загнувъ крылья ставитъ пѣхоту въ срединѣ, конницу по бокамъ; самъ становится на правомъ крылѣ и поручаетъ лѣвое Альтамору. Между ими Мулеасъ предводительствуетъ воинствомъ; за нимъ посреди всего строя шествуетъ Армида.

Съ вождемъ по правую страну стоялъ Царь Индійскій, и Тизафернъ, и всѣ опричники Царскіе. Но на лѣвомъ крылѣ, простиравшемся въ пространное поле, гдѣ быстрѣйшимъ надлежало быть движеніямъ, находился Альтаморъ съ царемъ Персидскимъ, царями Африканскими и двумя князьями изъ странъ еще болѣе знойныхъ. Здѣсь-то долженствовали вращаться кам-

неметательныя пращи, и свистѣть изъ луковъ летящія стрѣлы.

По устроеніи воинства Эмиренъ также объѣзжаетъ средину и крылья онаго. Индѣ самъ, индѣ чрезъ толмачей разговариваетъ. Тамъ похвалы, тамъ упреки, тамъ наказанія, тамъ награды употребляетъ. Иному речетъ: почто, воинъ, лице твое смутно? чего боишься? чтò можетъ одинъ противу ста? однѣ наши тѣни, одинъ крикъ прогонитъ враговъ.

Другому: О храбрый! видъ твой являетъ, что ты исторженное непріятелями исторгнешь у нихъ обратно. Иному представляетъ живо предъ очи, и какъ бы перстомъ указуетъ молящее отечество и семейство его въ страхѣ утопающее. Знай, вѣщаетъ, что устами моими отечество твое тако къ тебѣ вопіетъ:

Охраняй законы мои, и не дай мнѣ кровію моею окропить святые храмы; не попусти злодѣямъ похитить дщерей моихъ, и оскорбить во гробахъ прахъ твоихъ предковъ. Тебѣ, тужа о прошедшихъ лѣтахъ, согбенные старцы показуютъ сѣдые власы свои, тебѣ жена указуетъ грудь свою, и сосцы, и колыбель, и дѣтей, и брачное ложе.

Многимъ потомъ вѣщалъ: Азія нарекла васъ защитниками чести своей; отъ васъ

ожидаетъ она, что вы симъ пришедшимъ сюда малочисленнымъ врагамъ люто, но праведно отмстите. Тако съ различною хитростію, различными рѣчами, разноплеменные народы къ сраженію поощряетъ. Но се умолкли военачальники: уже между сопротивными войсками малое остается разстояніе.

Великое и дивное представляется зрѣлище, когда оба воинства, стройно растяженныя по данному имъ знаку вдругъ двинутся и чело съ челомъ соступаются. Распущенныя знамена возвѣваются вѣтромъ; огромныя перья на шишакахъ трясутся; одежды, украшенія, доспѣхи, оружіе, цвѣты, злато и сталь, солнечными лучами освѣщаемыя, блистаютъ и гремятъ.

Съ обѣихъ странъ великое число копій густому уподобляется лѣсу. Луки натянуты, древки подняты, свистятъ стрѣлы, воютъ дротики. Каждый конь, гнѣвомъ и яростію всадника своего возгараясь, готовится на брань: роетъ копытомъ землю, ржетъ, храпаетъ, рвется, и раздувая ноздри огнемъ и дымомъ пытетъ.

Самый ужасъ въ семъ прекрасномъ зрѣлищѣ прекрасенъ, и изъ нѣдръ страха исходитъ удовольствіе. Также и шумное звучаніе трубъ не меньше того вмѣстѣ и страшно и пріятно слуху. Но Христіян-

ское воинство, хотя и малочисленнѣе, однакожъ видомъ и гремѣніемъ великолѣпнѣе. Каждая воинская труба его трубитъ сладкозвучнѣе, и оружіе больше блистаетъ.

Первые вострубили на брань Христіяне; сопротивники ихъ отозвались на гласъ сей гласомъ принятія брани. Франки пали на колѣна, вознесли моленія къ небу и облобызали землю. Разстояніе между войсками уменьшается и скоро исчезаетъ: врагъ со врагомъ срѣтаются. Уже на крыльяхъ началась лютая сѣча, и пѣхота съ пѣхотою тѣсно спираются.

Ктὸ изъ Христіянъ былъ первый поразитель, пріобрѣтшій ударомъ своимъ славу? Ты, Гильдиппа, ты первая великому Ирнану, владыкѣ Ормскому, пронзила грудь. Небо опредѣлило женской рукѣ толикую честь. Онъ палъ, низринутый, и при паденіи слышалъ громкія хвалы врагами его при семъ ударѣ вознесенныя.

Жена сія, по преломленіи копія, мужественною десницею извлекаетъ мечъ и устремя коня своего на Персіянъ, густые ряды ихъ ломитъ и раздвигаетъ. Она Зопира до самаго пояса разсѣкаетъ, и какъ бы раздвоившагося повергаетъ на землю. Лютому Аларку, раздирая горло, прерываетъ сугубый путь пищи и гласу.

Сильнымъ махомъ рубитъ Артаксеркса, прободаетъ Аргія: единъ обуянный, другій мертвый, низвергаются долу. Ударяетъ Измаила по сгибу шуйцы: узда съ рукою упадаетъ; ударъ звѣнитъ въ ушахъ коня, и онъ, почувствовавъ себя свободна, скачетъ по рядамъ, разрушая строй и порядокъ.

Сихъ и другихъ многихъ, коихъ имена отъ древности временъ забыты, лишила она жизни. Персіяне совокупясь вмѣстѣ окружаютъ ее, жадничая покорыстоваться ея доспѣхами; но вѣрный супругъ, страшась за нее, притекаетъ на помощь къ своей любезной супругѣ. Тако дружная чета, сопряженная крѣпкими узами, соединясь усугубляетъ силы свои.

Родъ новой доселѣ неслыханной обороны видѣнъ былъ между сими двумя взаимно любящимися: тотъ и другой, безъ всякаго о самомъ себѣ попеченія, защищалъ токмо другаго. Храбрая воинственница отражала грозные удары, возносимые на ея любезнаго; а онъ противу устремленныхъ на нее оружій поставлялъ щитъ; не пожалѣлъ бы, когдабъ надобно было, и главу свою обнаженную противупоставить.

Каждый изъ нихъ охраненіе другаго почиталъ собственнымъ своимъ, и не за себя, но за него возгарался мщеніемъ: онъ убилъ дерзосердаго Артабана, управляющаго ост-

ровомъ Бекономъ, и тоюже рукою низложилъ Альванта, дерзнувшаго уязвить его драгую; а она Аримонту, нападавшему на ея любезнаго, разсѣкла между бровями чело.

Тако поражали они Персіянъ. Но царь Самаркандскій еще лютѣйшее надъ Франками производилъ убійство: куда ни обращалъ онъ мечъ свой, или коня, вездѣ сражалъ и убивалъ, вездѣ предъ нимъ и конь и всадникъ падали. Щастливъ, кто умиралъ прежде, нежели уязвленный мечемъ и полумертвый, стоная подъ тяжкимъ бременемъ коня своего, былъ имъ грызомъ и подавляемъ.

Подъ ударами Альтамора палъ могущественный Ардоній и Брунелонъ великотѣлесный. Единому толико разрубилъ онъ шлемъ и главу, что оная на оба плеча его распалася; другаго поразилъ въ то мѣсто, отколѣ исходитъ смѣхъ и разширяетъ сердце: чудно и ужасно было видѣть его невольно смѣющагося и смѣяся умирающаго.

Не сихъ однихъ убійственный мечъ его съ сладкою разлучилъ жизнію; но вмѣстѣ съ ними предалъ онъ жестокой смерти Гентонія, Гваста, Гвида, и добляго Росмонда. Кто можетъ исчислить сколькихъ Альтаморъ низвергъ, и попралъ конемъ своимъ огромнымъ? кто изочтетъ имена убитыхъ?

кто перескажетъ раны ихъ и разные образы смерти?

Никто не дерзаетъ подступить къ нему, ниже издалека погрозить нападеніемъ. Единая токмо Гильдиппа обращаетъ на него смѣлые взоры и не колеблется съ нимъ сразиться. Никогда Ѳермодонская Амазонка, щитомъ и сѣкирою вооруженная, не ратовала съ такою бодростію и мужествомъ, съ какимъ пустилась она противу ярости сего страшнаго Персіянина.

Ударяетъ его по шлему, гдѣ блистающее злато и каменіе вѣнценосный санъ его являли; сокрушаетъ и раздробляетъ ихъ съ такою силою, что онъ долженъ былъ высокую и гордую главу свою преклонить. Царь сей почувствовалъ могущество удара, воскипѣлъ стыдомъ и гнѣвомъ; не медлитъ за оскорбленіе свое отомстить, и въ тожъ мгновеніе вмѣстѣ съ воспылавшею яростію совершаетъ и мщеніе.

Онъ поражаетъ Гильдиппу въ чело, толь тяжкимъ ударомъ, что лишаетъ ее всей силы и чувствъ: она покатилась, но вѣрный супругъ не допустилъ ее упасть съ сѣдла. По доблести ли его или по щастію ихъ, Альтаморъ, нанеся ударъ, не продолжалъ болѣе разить: тако левъ низринувъ человѣка, оставляетъ лежащаго, и воззрѣвъ на него презрительными очами, идетъ мимо.

Ормондъ между тѣмъ, коему порученъ былъ измѣнническій умыслъ, и сообщники его, коварно облеченные въ доспѣхи Франковъ, вмѣшалися между Христіянами, и какъ рыщущіе по ночамъ волки, при густомъ туманѣ притворяясь псами, ходятъ вокругъ стада, и съ прижатымъ коварно къ чреву хвостомъ смотрятъ, какъ бы туда ворваться.

Такъ они приближаются понемногу, и гордый Срацинъ не далеко отъ Готфрида останавливается. Но какъ скоро верховный вождь узрѣлъ бѣлое блистающее златомъ одѣяніе: се измѣнникъ, возопилъ, надѣющійся скрыть себя подъ нашими доспѣхами; се сотоварищи его съ нимъ. Тако копія пускается на вѣроломнаго.

Поражаетъ его смертельно; и злодѣй не защищается и не отступаетъ; но какъ бы имѣя предъ очами своими зракъ Горгонинъ, стоитъ (куда дѣвалась толикая дерзость его?) неподвижно, аки бы въ камень претворенный. Тогда всѣ мечи, всѣ копія и стрѣлы несутся на нихъ, и Ормондъ со всѣми своими злоумышленниками изрубается на мѣлкія части, такъ что труповъ ихъ не осталось между мертвыми.

Обагренный кровію сихъ предателей, Готфридъ вступаетъ въ сраженіе и обращается туда, гдѣ зритъ Персидскаго вождя,

громящаго самыя густѣйшія ряды Франковъ, разсыпающихся предъ нимъ, какъ Африканскій прахъ предъ полуденнымъ вѣтромъ; къ нему стремится, укоряетъ своихъ, грозитъ и остановя бѣгущихъ нападаетъ на гонителей.

Тутъ двѣ сильныя десницы начинаютъ брань, какой ни Ида, ни Ксанѳъ не зрѣли. Въ другомъ мѣстѣ Бальдовинъ и Мулеасъ съ полками своими творятъ лютую битву. Не меньше того жестокое происходитъ сраженіе на лѣвомъ крылѣ, гдѣ самъ Египетскихъ силъ воевода съ двумя сильнѣйшими полководцами присутствовалъ.

Одинъ изъ Робертовъ ратуетъ съ начальникомъ сопротивныхъ войскъ, и никто изъ нихъ не побѣждаетъ; но другому Роберту Индіянинъ разсѣкаетъ шлемъ, и сокрушаетъ его оружіе. Никто не является противустать Тизаферну; онъ разъѣзжаетъ и переноситися туда, гдѣ брань кипитъ жарчѣе, и тамо творитъ разныя убійства.

Тако билися, и побѣда ни на которую страну не склонялася. Страхъ и надежда равно владычествовали. Поле покрыто было обломками копій, сокрушенными щитами, раздранными доспѣхами, мечами въ грудь, въ утробу вонзенными; тѣлами, изъ коихъ иныя, падшія лицемъ къ верху, другія же,

какъ бы грызущія землю, ницъ повержены были.

Конь лежалъ подлѣ всадника своего; товарищъ подлѣ убитаго сотоварища; врагъ подлѣ врага, и часто живой издыхалъ на мертвомъ, и побѣдитель на побѣжденномъ. Не было ни безмолвія, ни вопля; но токмо слышалось нѣкое глухое, невнятное звучаніе; скрежеты ярости, ропоты гнѣва, стоны томящихся и умирающихъ.

Оружія, прежде толь пріятныя для взора, теперь казались печальными и ужасными: желѣзо потеряло блескъ, злато лишилось лучей, прелестная пестрота цвѣтовъ исчезла. Наряды и украшенія шлемовъ потоптаны ногами; пыль покрывала то, чего кровь еще не обагрила: толико оба воинства видъ свой измѣнили!

Тогда Аравитяне, Ѳіопяне и Мавры, составлявшіе край лѣваго крыла, выступаютъ, развертываются, и хотятъ обойти непріятеля; уже стрѣльцы и пращеметатели ихъ безпокоятъ издалека войско Франковъ. Но тутъ съ отборною дружиною своею кинулся на нихъ Ринальдъ, и показался имъ землетрясеніемъ и громомъ.

Ассимиръ Эройскій былъ въ Египетскомъ воинствѣ одинъ изъ сильнѣйшихъ ратоборцевъ. Ринальдъ ударомъ меча по черной выѣ свергъ главу его на землю.

Гордый побѣдитель, воспламеня духъ свой сею побѣдою, ожесточился, взалкалъ крови невѣрныхъ, и оказалъ множество удивительныхъ, чудесныхъ, неимовѣрныхъ подвиговъ.

Наносилъ больше смертей, нежели давалъ ударовъ, хотя и часто громоносную опускалъ десницу. Подобно какъ змій съ толикою скоростію жало свое испускающій, что кажется тремя жалами уязвляетъ, такъ онъ съ толикою же быстротою мечъ свой вращающій, казалось устрашенному народу, тремя поражалъ ихъ мечами: око обманывалось движеніемъ, и ужасъ принуждалъ чудесамъ симъ вѣрить.

Ливійскіе цари, и Ееіопскіе владыки, единъ въ крови другаго утопали. Храбрые сотоварищи Ринальдовы, примѣромъ его поощряемые, низлагали прочихъ. Невѣрные народы, страшнымъ образомъ поражаемые, толпами падали и не дерзали защищаться. Не битва то была, но убійство; ибо съ единыя страны устремлялся мечъ, съ другой подставлялась токмо выя.

Недолго стояли они чело противъ чела, получая раны въ благороднѣйшія части тѣла; скоро предались бѣгству, и гонимые страхомъ текли въ безпорядкѣ и смятеніи. Ринальдъ слѣдовалъ по пятамъ ихъ, гналъ и приводилъ въ совершенное разстройство;

но потомъ побѣдитель сей, противу болѣе бѣгущихъ меньше яростный, уменьшаетъ свое стремленіе.

Подобно какъ бурный вѣтръ, когда лѣсъ и холмы поставляютъ ему преграду, усугубляетъ въ состязаніи съ ними силу свою, и потомъ текущій свободно по равнымъ полямъ тише и плавнѣе дуетъ, или какъ валъ морской, пѣнящійся и свирѣпствующій между скалами, успокоивается и тихнетъ на пространной глубинѣ: тако Ринальдъ, не встрѣчая болѣе препятствій, гнѣвъ свой укрощаетъ.

Благородная храбрость его пренебрегаетъ карать бѣгущихъ. Онъ обращается на пѣхоту, имѣвшую по бокамъ своимъ Аравитянъ и Африканцевъ. Она съ сей стороны осталась безъ защиты: долженствовавшіе подкрѣплять ее отчасти были побиты, отчасти далеко прогнаны. Ринальдъ съ конницею своею нападаетъ на нее съ боку.

Сокрушаетъ копья ихъ, преодолѣваетъ силы, расторгаетъ препоны, врубается въ самую средину, и низвергаетъ, разсѣяваетъ ихъ повсюду. Не съ такою силою вихрь и буря мятетъ и колеблетъ гибкій тростникъ или жатву. Поле, обагренное кровію, устилается трупами и обломками оружій. Побѣдоносная конница безпрепятственно

топчетъ, попираетъ ихъ и горделиво скачетъ далѣе.

Ринальдъ притекаетъ туда, гдѣ Армида, въ воинскомъ одѣяніи на златой колесницѣ сѣдящая, по обѣимъ странамъ окружена и охраняема была своими сподвижниками и обожателями. Она по многимъ признакамъ его узнала и возвела на него взоры вмѣстѣ грозные и страстные. Онъ смутился нѣсколько и премѣнился въ лицѣ; ее обнялъ хладъ, и потомъ пламень.

Ринальдъ уклонясь отъ колесницы скачетъ мимо, показывая видъ, какъ бы на иное нѣчто устремлялъ свои мысли; но заклявшіеся противъ него соперники не пропускаютъ его безъ брани; иной мечъ на него извлекъ, другой копіе поднялъ; сама Армида напрягаетъ на него лукъ съ стрѣлою: гнѣвъ ополчаетъ, но любовь обезоруживаетъ ея десницу.

Возстала любовь противу гнѣва, и показала, что сокрываемый ею не погасъ въ ней огнь. Трижды простря руку прицѣливается, и трижды опускаетъ лукъ. Наконецъ гнѣвъ побѣждаетъ, напряженная туго тетива спускается и пернатая стрѣла летитъ; летитъ стрѣла, и въ слѣдъ за нею тотчасъ износится желаніе, чтобъ она пролетѣла мимо.

Хотѣла бы лучше, чтобъ острая стрѣла

сія, возвратясь, пронзила ей сердце: толикую силу имѣла уничиженная любовь, чтò же была бы она торжествующая? но тотчасъ потомъ въ сей мысли раскаивается, и въ волнующейся груди возрастаетъ гнѣвъ. Тако, то страшится, то хочетъ, чтобъ ударъ совершился, и взорами сопровождаетъ пернатую трость.

Но ударъ былъ тщетенъ, крѣпкая Ринальдова броня не могла рукою женскою быть пробита: стрѣла, не содѣлавъ ни какой раны, увязла въ ней. Ринальдъ отвратилъ лице свое. Армида, пріемля то за презрѣніе къ себѣ, воспаляется яростію, кидаетъ стрѣлу за стрѣлою, но не можетъ поранить: она стрѣляетъ въ него, а любовь своими стрѣлами ее уязвляетъ.

Какъ, вѣщаетъ она сама въ себѣ, не ужè ли онъ толико непроницаемъ, что всякому непріятельскому оружію посмѣвается? неужè ли члены его такою же, какъ и сердце, каменною обложены корою? ни рукъ, ни очей моихъ стрѣлы ему не опасны; онъ сильный, надеженъ на свою твердость, и меня слабую, безполезно вооруженную, какъ врага и какъ любовницу равно презираетъ.

Чтò еще остается мнѣ? во что претвориться? какой новой воспріять на себя видъ? нещастная! нѣтъ мнѣ больше никакой надежды; всѣ защитники мои пали отъ

руки его и преклонили предъ нимъ оружіе.— Въ самомъ дѣлѣ она видѣла ихъ, иныхъ убіенныхъ, другихъ обезоруженныхъ и покорившихся побѣдителю.

Оставшись одна, безсильная воспротивиться ему, она уже почитаетъ себя плѣнницею и рабою, и хотя имѣетъ при себѣ лукъ и копіе, но мнитъ, что въ рукахъ ея сіе Минервино оружіе столь же будетъ безуспѣшно, какъ и Діянино. Душа ея вострепетала подобно боязливому лебедю, приникшему къ землѣ и опустившему крылья свои подъ когтями лютаго орла.

Но князь Альтаморъ, по сіе время ободрявшій Персидское воинство, неоднократно уже порывавшееся обратиться въ бѣгство, и имъ однимъ съ трудомъ останавливаемое, увидя возлюбленную свою въ опасности, скачетъ или лучше сказать летитъ къ ней, оставя и честь и войска свои: погибни свѣтъ, лишь бы она спаслася!

Ограждаетъ беззащитную колесницу ея, мечемъ отверзаетъ ей путь. Но между тѣмъ Ринальдъ и Готфридъ въ тожъ мгновеніе побиваютъ и разсѣваютъ воинство его. Недостойный военачальникъ, лучшій любовникъ нежели вождь, видитъ то и терпитъ. Наконецъ, проводя Армиду въ безопасное мѣсто, возвращается, но уже поздо, къ побѣжденнымъ.

Съ сей страны войско невѣрныхъ совершенно было расторжено и разбито; но съ противной стороны Христіяне оставя поле сраженія бѣжали отъ нечестивыхъ. Одинъ изъ Робертовъ, пораженный въ грудь и въ лице, едва спасся отъ непріятеля; другаго Адрастъ взялъ въ плѣнъ. Такимъ образомъ битва на обѣихъ странахъ была равная.

Тогда Готфридъ не упускаетъ случая, обращаетъ воинство свое, и ни мало не медля несется возобновить брань, летитъ ударить на другое неповрежденное крыло. Всякъ изъ состязующихся кровію непріятеля обагренъ, всякъ отъятыми у врага торжественными знаками украшенъ и гордъ. Съ обѣихъ странъ честь и побѣда между щастіемъ и храбростію стоятъ непоколебимо.

Въ то время, какъ толь упорнымъ образомъ вѣрные съ невѣрными сражаются, гордый Султанъ Турецкій, Солиманъ, восходитъ на высоту башни и созерцаетъ плачевное на кровавомъ полѣ человѣческихъ судебъ игралище: разныя нападенія, ужасы смерти, и великую рока и случаевъ борьбу.

При первомъ воззрѣніи стоялъ онъ нѣсколько времени изумленъ и неподвиженъ; но вскорѣ воспылалъ желаніемъ быть тамъ и самому въ сихъ славныхъ подвигахъ

соучаствовать. Не медлить рвенію своему послѣдовать, и бывъ уже облеченъ въ доспѣхи, возлагаетъ тотчасъ на главу свою шлемъ: пойдемъ, пойдемъ, вопіетъ, не хочу быть болѣе здѣсь; иду побѣдить, или умереть.

Божеское ли провидѣніе вдохнуло въ него сію пылкую мысль, дабы колеблющееся царство Палестинское совершенно въ сей день разрушить, или можетъ быть приближеніе смерти понудило его изыти во срѣтеніе къ ней; какъ бы то ни было, но онъ поспѣшно отверзаетъ врата, и съ яростію исходитъ на брань.

Даже не дождавшись отъ товарищей своихъ отзыва, хотятъ ли они послѣдовать ему или нѣтъ, исходитъ одинъ, и одинъ съ тысячами ратуетъ, на тысячи враговъ безстрашно нападаетъ. Но примѣромъ его воспламененные текутъ за нимъ другіе, и самъ Аладинъ. Робкіе ободрились и осторожные стали дерзки, больше изъ отчаянія, нежели отъ надежды.

Первые повстрѣчавшіеся съ симъ грознымъ Туркомъ пали подъ его ужасными и незапными ударами, пали мертвы и съ такою скоростію, что око не могло увидѣть ихъ убиваемыми, но убитыми. Отъ первыхъ до послѣднихъ передаются вопли, возвѣ-

щаются ужасы, и Сирійскія войска Франковъ смѣшавшися почти уже бѣгутъ.

Но съ меньшимъ смятеніемъ и страхомъ Гасконцы удерживаютъ и мѣсто и порядокъ, хотя опасность къ нимъ ближе, и нападеніе на нихъ было незапное. Никогда зубы хищнаго волка, или когти лютаго орла, не обагрялись столько въ крови пасущихся овецъ, или парящаго стада птицъ, сколько мечъ Солимановъ намокъ и упился ихъ кровію.

Аки бы гладный и ненасытный, пожиралъ онъ члены и сосалъ кровь. Съ нимъ Аладинъ, съ нимъ дружина его рветъ и рубитъ осаждателей. Но благій Раимондъ притекаетъ туда, гдѣ Солиманъ войско его громитъ и хотя видитъ свирѣпую руку, тяжкій ударъ ему нанесшую, однако не останавливается.

Дерзаетъ снова напасть на него, и паки упадаетъ, пораженный въ тожъ самое мѣсто, какъ и прежде. Старость его, не могшая противъ толь великой силы устоять, была тому виною. Въ тужъ минуту сто мечей устремляются на него, и сто щитовъ противуставъ обороняютъ его. Но Султанъ проходитъ мимо, потому ли что почиталъ его мертвымъ, или что послѣдователямъ своимъ предоставлялъ взять его, яко плѣнника.

На другихъ устремляется, рубитъ и убиваетъ, и на маломъ пространствѣ творитъ великія дѣла. Но симъ не довольствуется и влекомый яростію спѣшитъ въ иныхъ мѣстахъ производить убійство. Подобно какъ гладомъ томимый, оставя скудное брашно, бѣжитъ къ изобилію яствъ, такъ онъ туда, гдѣ больше пылаетъ брань, течетъ неутолимую жажду свою утолять кровію.

Нисходитъ съ развалинъ стѣнъ и быстрыми стопами стремится на поле битвы; но ярость въ сотоварищахъ его, и страхъ обуявшій сопротивниковъ ихъ, остаются. Единая страна силится довершить не доконченную побѣду, другая стоитъ, противится, но въ противуборствѣ ея примѣтно покушеніе къ бѣгству.

Гасконцы обороняясь отступаютъ; но Сирійскій народъ уже разсѣянъ и бѣжитъ; они въ смятеніи притекаютъ предъ домъ, гдѣ лежалъ великодушный Танкредъ. Онъ, услыша вопли ихъ, забываетъ болѣзнь свою, возстаетъ съ одра, восходитъ на высоту дома, и обращая очи зритъ Раимонда поверженнымъ, и ратниковъ его однихъ отступающими, другихъ совершенно разбитыми и бѣгущими.

Доблесть никогда не отлучающаяся отъ храбрыхъ, съ изнеможеніемъ тѣла ихъ

не изнемогаетъ, но въ уязвленные члены, какъ бы духъ и кровь вливая, исцѣляетъ ихъ: Танкредъ вооружаетъ сухощавую шуйцу свою тяжелымъ щитомъ и тягости его не чувствуетъ. Въ десницу беретъ мечъ. Сего великому духомъ мужу довольно, и болѣе онъ не требуетъ.

Выходитъ съ нимъ и вопіетъ: куда бѣжите, оставя военачальника своего врагамъ? Какъ! вы допустите невѣрныхъ снятые съ него доспѣхи въ знакъ торжества повѣсить въ ихъ храмахъ и мечетяхъ? вы возвратясь въ Гасконію возвѣстите сыну Раимондову, что отецъ его убитъ тамъ, отколѣ вы ушли? Тако вѣщаетъ, и грудь его недужная и нагая служитъ тысячамъ здравыхъ и вооруженныхъ крѣпкою защитою.

Онъ щитомъ своимъ тяжелымъ, изъ седми воловыхъ кожъ составленнымъ, и поверхъ ихъ пластомъ крѣпкой стали обложеннымъ, ограждаетъ Раимонда отъ всѣхъ устремленныхъ на него мечей, стрѣлъ, копій, и мечемъ своимъ отгоняетъ окружающихъ враговъ, такъ что поверженный полководецъ, какъ въ неприступной сѣни, лежитъ подъ щитомъ его безопасенъ.

Вскорѣ подъ симъ крѣпкимъ покровомъ удрученный лѣтами старецъ собираетъ силы свои, возстаетъ и воспламеняется сугубымъ огнемъ, гнѣвомъ въ сердцѣ и сты-

домъ въ лицѣ: онъ сверкающими очами озирается повсюду, ищетъ того свирѣпаго, кто поразилъ его, и не видя нигдѣ, дрожитъ отъ ярости, и готовится надъ соратниками его совершить ужасное мщеніе.

Возвращаются Гасконцы и всѣ вмѣстѣ послѣдуютъ за вождемъ своимъ, отмстить за себя текущимъ. Войско, толь смѣло наступавшее прежде, теперь страшится; отважность перешла на мѣсто, гдѣ былъ страхъ; отступаетъ кто гналъ, гонитъ кто отступалъ: тако во единъ мигъ премѣняется лице битвы. Раимондъ воспаленный местію за единъ ударъ сто смертей рукою своею наноситъ.

Между тѣмъ какъ гнѣвъ и досада побуждаютъ его въ жертву себѣ отличнѣйшіе низлагать главы, зритъ онъ похитителя царства Іерулимскаго царя Аладина, біющагося въ переди всѣхъ; онъ поражаетъ его въ чело, и въ тожъ время ударъ за ударомъ стремитъ, и не престаетъ отъ ударовъ. Царь падетъ, и страшнымъ воплемъ землю, гдѣ царствовалъ, грызетъ умирая.

По отбытіи Солимана, и убіеніи Аладина, оставшіеся ратники ихъ предаются различнымъ побужденіямъ: иные отчаянные кидаются, какъ дикіе звѣри, на остріе непріятельскихъ мечей; другіе устрашенные бѣгутъ укрыться, гдѣ прежде укрывались;

но вмѣстѣ съ бѣгущими и побѣдители въ убѣжище ихъ вторгаются и славную побѣду свою довершаютъ.

Крѣпость на высокой скалѣ взята, и кто спасаясь бѣжалъ изъ ней, тотъ умиралъ на ступеняхъ лѣстницы или при прагѣ. Раимондъ, держа въ рукѣ знамя, восходитъ на вершину башни, и въ знакъ побѣды на виду обоихъ воинствъ распускаетъ оное по вѣтру. Но гордый Султанъ Турецкій сего не видитъ; онъ уже далеко, и приближается къ побоищу.

Приходитъ, гдѣ поле часъ отчасу больше багровѣетъ и дымится кровію, уподобляясь царству смерти, повсюду распространяющейся и торжествующей. Онъ зритъ удалившагося отъ прочихъ съ повислою уздою коня безъ всадника; хватаетъ его за висящій поводъ, и возсѣвъ на праздный хребетъ, стремится въ бой.

Великую, но кратковременную помощь приноситъ онъ утомившимся и устрашеннымъ Срацинамъ; или паче великую, но кратковременную тучу, внезапу возставшую и скоро прешедшую, но оставившую на раздробленныхъ скалахъ краткаго прохожденія своего вѣчные слѣды. Сто и болѣе воиновъ пали отъ него мертвы, но о двухъ единыхъ время да не истребитъ памяти.

Гильдиппа и Одоардъ, вашъ печальный и жестокій жребій, ваши честныя и достохвальныя дѣла, естьли пѣнію моему Тосканскому то позволится, посвящу чужеземнымъ умамъ; да всякій языкъ видитъ въ васъ благороднѣйшій образецъ соединенія любви съ добродѣтелію, и тотъ, чье сердце воспламенено любовію, да почтитъ смерть вашу и мои стихи своими слезами.

Великодушная жена стремитъ коня своего туда, гдѣ лютый Солиманъ побиваетъ людей; она дважды ударяетъ его остріемъ меча, и разсѣкши щитъ уязвляетъ тѣло. Свирѣпый, узнавъ ее по одеждѣ, закричалъ: вотъ непотребная съ своимъ воздыхателемъ! лучше бы ты вышла противъ меня съ иглою и веретеномъ, нежели съ мечемъ и любовникомъ твоимъ.

Тутъ умолкъ, и паче нежели когда нибудь воспаленный яростію, наноситъ ужасный, лютый ударъ, пронзившій, преломя оружіе, грудь Гильдиппину, грудь, однѣхъ только стрѣлъ любви достойную. Она поблѣднѣла и опустя бразды покатилась въ видѣ умирающаго человѣка. Нещастный Одоардъ, увидя то, кинулся къ ней, не поздный, но безполезный защитникъ.

Что въ семъ бѣдственномъ случаѣ начать? гнѣвъ и жалость рвутъ его попеременно: единъ къ отмщенію злому убійцѣ,

другая къ поддержанію упадающей супруги влечетъ. Любовь, нерѣшимая, и къ тому и къ другому его понуждаетъ, лѣвою рукою объемлетъ онъ свою любезную, правою ищетъ поразить злодѣя.

Но жалость и гнѣвъ, раздирающія душу его, не могли устоять противу врага толь сильнаго: не могъ онъ ни любезной своей подать помощи, ни убійцу ея лишить жизни. Напротивъ случилось, что руку его, когда онъ вѣрную супругу свою обнималъ ею, Султанъ отрубилъ. Тогда, не могши удержать паденія Гильдиппина, самъ онъ всѣмъ тѣломъ своимъ на нее низринулся.

Подобно какъ вязъ, съ дружественною обвивающеюся вокругъ него виноградною лозою сочетанный, когда вихрь сломитъ его, или сѣкира подсѣчетъ, увлекаетъ съ собою подругу свою на землю, и самъ зеленыя листья срывая съ ней, и любимые грозды попирая, кажется страждетъ, и не столько болѣзнуетъ о себѣ, сколько о ней, вмѣстѣ съ нимъ умирающей.

Тако палъ Одоардъ, не своею мукою терзаемый, но состраданіемъ о той, съ которою сопряженъ былъ вѣчными узами. Они хотятъ промолвить, но не могутъ; вмѣсто словъ испускаютъ вздохи; смотря другъ на друга; одинъ съ другимъ, сколько силы доз-

воляютъ, объемлются; очи ихъ смыкаются, и благочестивыя души вмѣстѣ излетаютъ.

Тогда слава распустя крылья, и отверзая уста свои, разноситъ повсюду вѣсть о горестномъ приключеніи. Не одни токмо слухи достигаютъ до Ринальда, но чрезъ посланнаго къ нему вѣстника получаетъ онъ вѣрное о томъ извѣстіе. Гнѣвъ, долгъ, дружба и печаль, порѣваютъ его къ страшному отмщенію; но доступъ до Султана, предъ самыми его очами, возбраняетъ ему великій Аргастъ.

Яростный царь вопіетъ ему: по оружію твоему вижу, что ты тотъ, кого я давно ищу; не было щита, на которой бы я не устремлялъ взоровъ моихъ и не взывалъ тебя по имени; наконецъ срѣтаю и могу исполнить обѣтъ мой: отмщу и принесу главу твою въ жертву моей богинѣ. Выходи, испытаемъ храбрость нашу и силу гнѣва́, ты, врагъ Армидинъ, и я другъ ея и защитникъ.

Тако вызываетъ его, и ужасными ударами сперва поражаетъ во главу, потомъ въ выю. Несокрушимый шлемъ Ринальдовъ устоялъ, но самъ онъ неоднократно пригнулся къ сѣдлу. Посемъ Ринальдъ толь сильно ударяетъ его въ средину ребръ, что и самъ Аполлонъ со всѣмъ своимъ искуствомъ не могъ бы его исцѣлить. Палъ

огромный исполинъ, непобѣдимый царь, единымъ славнымъ ударомъ низверженный на землю.

Изумленіе, смѣшанное со страхомъ и ужасомъ, оледенило кровь и сердца окружавшихъ битву сію очевидцевъ; самъ Солиманъ, зря чудесный ударъ сей, смутился въ душѣ своей, поблѣднѣлъ, и ясно смерть свою предвидя, не смѣлъ къ нему подступить; дѣло для него не обычайное, но какими земными дѣлами не управляетъ вѣчный законъ?

Подобно какъ иногда одержимый немощію или воспаленіемъ чувствъ зритъ въ краткомъ снѣ страшныя мечтанія: онъ, кажется ему, хочетъ устремиться въ бѣгъ, и члены свои распростерть, но тщетно порывается; при самыхъ величайшихъ усиліяхъ и рвеніяхъ его, слабыя руки и ноги ему не повинуются. Онъ хочетъ промолвить, но ни голосъ, ни слово, не исходятъ изъ устъ.

Тако тогда Солиманъ, желалъ бы превозмогши самого себя кинуться и напасть на Ринальда, но не находитъ въ себѣ ни прежней ярости, ни прежнихъ силъ. Всѣ воспаляющіяся въ немъ искры гнѣва тайнымъ внутри сердца гнѣздящимся страхомъ потушаются. Различныя въ душѣ его

возстаюшъ чувства; онъ не наступаетъ и не бѣжитъ.

Побѣдишель шечетъ къ колеблющемуся въ нерѣшимости; нападаетъ, и быстротою, мужествомъ, величіемъ, кажется ему превыше всякаго смертнаго. Солиманъ мало обороняется; но умирая не престаетъ сохранять твердость духа: не уклоняется отъ ударовъ, не испускаетъ стона, и во всякомъ дѣйствіи его зрится гордость и величество.

Когда Султанъ сей, часто въ долговременныхъ войнахъ падавшій, и какъ новый Антей, еще горделивѣе возстававшій, наконецъ низринулся да не возстанетъ во вѣки, тогда слухъ о томъ повсюду промчался, и щастіе, доселѣ непостоянное и премѣнное, не дерзало болѣе спорить о побѣдѣ; оно престало преходить изъ страны въ страну, и соединясь съ вождями Франковъ ратовало съ ними.

Бѣгутъ, не токмо другія, но и самая царская дружина, къ востоку, гдѣ больше стекалось силы. Названная безсмертною, не взирая на гордое имя сіе, днесь погибаетъ. Эмиренъ несущаго знамя останавливаетъ, и тако грозными словами укоряетъ его: не ты ли тотъ, кого для охраненія сей царя моего хоругви избралъ я изъ тысячи избранныхъ?

Римедонъ, не для того вручилъ я тебѣ сіе знамя, чтобъ ты несъ оное назадъ. Малодушный! ты видишь вождя своего сражающагося со врагами, и оставя его бѣжишь! чего ты хочешь? жить? ступай за мною. Путь тобою избранный ведетъ тебя къ смерти. Ратовать долженъ, кто жить желаетъ. Единственный путь къ спасенію есть путь чести.

Сгорѣвшій отъ стыда Римедонъ возвращается къ битвѣ. Эмиренъ еще сильнѣйшими словами поощряетъ другихъ, инаго наказуетъ, иному грозитъ, и боящихся меча побуждаетъ стремиться на мечи. Тако знатную и лучшую часть воинства ободряя почерпаетъ надежду. Всѣхъ же болѣе воспаляетъ Тизаферна, стоящаго еще твердо, не обращая хребта своего.

Тизафернъ чудесные въ сей день оказалъ подвиги: Нордманцевъ разгромилъ, на Фламанцевъ напалъ и пролилъ рѣки крови; Гарніера, Рогера, Герарда убилъ. Потомъ на пути чести въ краткое время до безсмертія достигнувъ, кинулся, какъ бы не помышляя болѣе о жизни, искать новыхъ и величайшихъ опасностей.

Узрѣлъ Ринальда; узналъ его по доспѣхамъ, хотя оные изъ голубыхъ содѣлалися черными, и клювъ и когти орла его обагрены были кровію. Се, возопилъ, наиопаснѣй-

шій врагъ. Днесь молю небо, да подкрѣпитъ отважность мою, и да увидитъ Армида желаемое ею мщеніе совершившимся. Магометъ! естьли я одержу побѣду, всеоружіе его тебѣ во храмѣ твоемъ посвящу.

Тако молился, но молитва его была суетна, глухимъ Магометомъ не услышана. Какъ левъ біяя себя хвостомъ по ребрамъ природную ярость свою возбуждаетъ, такъ онъ, лютымъ гнѣвомъ дыша, пламенемъ любви его распаляетъ. Всѣ свои силы собравъ, и оружіе къ нападенію приготовя, быстро на конѣ своемъ летитъ.

Ринальдъ, видя его скачуща къ себѣ, самъ на него устремляется. Народъ раздается, уступаетъ имъ широкое мѣсто, и обращается смотрѣть на страшное сіе позорище. Единоборство между Латинскимъ витяземъ и Срациномъ было толь грозное, удары толь сильные, что всѣ прочіе воины отъ чрезвычайнаго удивленія почти самихъ себя и собственную вражду свою забыли.

Но единъ поражаетъ токмо, другой, сильнѣйшій мышцею и крѣпчайшій оружіемъ, разитъ и уязвляетъ. Поле обагряется кровію Тизаферна; шлемъ его разсѣченъ, щитъ раздробленъ. Прекрасная Армида зритъ доспѣхи защитника своего сокрушенными и члены его израненными, всѣхъ

же прочихъ заступниковъ своихъ толь устрашенными, что едва слабый узлъ любви еще ихъ удерживалъ.

Напослѣдокъ изъ столькихъ окружавшихъ ея воиновъ остается единая на колесницѣ. Ужасается плѣна, ненавидитъ жизнь, отчаявается и въ побѣдѣ и въ отмщеніи. Терзаемая досадою и смятеніемъ сходитъ съ колесницы, садится съ поспѣшностію на коня, и уѣзжаетъ; бѣжитъ, но гнѣвъ и любовь сопровождаютъ ее, не отстаютъ отъ ней.

Тако въ древнія времена Клеопатра удалилась отъ жестокой битвы, оставя на пучинахъ морскихъ сражающагося съ щастливымъ Августомъ вѣрнаго своего Антонія, который, страстію влекомый, забывъ себя, послѣдовалъ за бѣгущимъ ея кораблемъ. Тизафернъ хотѣлъ бы также за ушедшею тайно Армидою послѣдовать, но соперникъ его возбранялъ ему путь.

Срацину, не зрящему болѣе своей любезной, казалось, что вмѣстѣ съ нею и дни его исчезаютъ, и солнце закатилось. Удерживаемый послѣдовать за нею, обращается онъ съ бѣшенствомъ, и поражаетъ соперника въ чело: не съ такою силою падаетъ млатъ циклопа, кующаго перуны, съ какою ниспалъ ударъ сей тяжкій, пригнувшій главу Ринальдову къ персямъ.

Но Ринальдъ вскорѣ оправляется и концемъ меча своего, раздравъ толстую броню врага, прободаетъ ему сердце, гдѣ источникъ жизни; пускаетъ мечъ свой еще далѣе, такъ что вонзенный въ грудь, сотворя сугубую рану, исходитъ онъ окровавленный изъ хребта, отверзая не одинъ широкій путь къ излетѣнію изъ тѣла душѣ Тизаферновой.

Тогда Ринальдъ останавливается и созерцаетъ, куда бы еще устремиться ему для нападенія, или кому изъ своихъ подать помощь; но видитъ всю непріятельскую рать разбитою, всѣ знамена ихъ падшими. Тогда престаетъ отъ убійства, воинскій пылъ его зрится потухающимъ; онъ укрощается, и приводитъ себѣ на мысль бѣгущую, всѣми оставленную, печальную Армиду.

Онъ зрѣлъ ея побѣгъ: честь и жалость побуждали его взять ее подъ свое покровительство. Онъ вспомнилъ, что уѣзжая отъ ней обѣщалъ ей быть ея заступникомъ. Обращается въ страну, куда она поскакала, и по конскимъ слѣдамъ стремится за нею. Она между тѣмъ достигаетъ до нѣкоего мрачнаго, уединеннаго мѣста, благопріятствующаго отчаянному самоубійству.

Злополучная радуется, что случай направилъ стопы ея въ сію дикую долину.

Сходитъ съ коня; бросаетъ лукъ, стрѣлы и колчанъ: нещастное и постыдное оружіе, вопіетъ, ты въ битву не обагрилось ни каплею крови; повергаю тебя, пребудь здѣсь на вѣки погребенно, когда не умѣло ты оскорбленія моего омыть мщеніемъ.

Но нѣтъ, увы! да не будетъ сего, чтобъ изъ стольких стрѣлъ ни единая въ сей день не напиталась кровію. Естьли всякая другая грудь была для васъ подобно кремню непроницаема, по крайней мѣрѣ женскую можете вы пронзить. Сію грудь мою обнаженную и вамъ предстоящую поразите; она слаба; окажите силу и побѣду свою надъ нею, надъ сею нѣжною грудію, въ которую любовь никогда не стрѣляла тщетно.

Явите надо мною, что вы сильны и остры; я прощаю вамъ прежнюю вашу бездѣйственность. Нещастная Армида! въ какомъ я нахожусь состояніи, когда отъ васъ однѣхъ должна ожидать спасенія! Естьли рана моя ни чѣмъ инымъ исцѣлиться не можетъ, какъ токмо другою раною, то пусть язва стрѣлы истребитъ язву любви, и сердце мое да уврачуется смертію.

Щастлива, естьли сей ядъ мой не принесу съ собою заразить имъ преисподнюю. Останься, любовь; сниди со мною единый гнѣвъ, и пребуди навсегда съ тѣнію моею неразлученъ; или вмѣстѣ съ нею возвратись

изъ царства мертвыхъ къ тому, кто съ толикою лютостію поругался мною, и въ сонныхъ мечтаніяхъ, грозно предъ нимъ плавая, мучь, терзай его безпрестанно.

Тутъ умолкла и утвердясь въ мысляхъ своихъ избираетъ стрѣлу самую крѣпкую и острую. Ринальдъ подходитъ къ ней въ то самое время, когда она вознесла уже убійственный ударъ, и по лицу ея распростерлась мертвая блѣдность; онъ съ зади хватаетъ ее за руку, направившую уже смертоносное оружіе въ трепещущее сердце.

Армида, не примѣтившая того прежде, обращается, и зритъ его стояща предъ собою: она, громко воскликнувъ, отвращаетъ отъ него очи свои съ гнѣвомъ, и лишенная чувствъ упадаетъ подобно подкошенному до половины цвѣтку, тихо склоняющему главу свою. Ринальдъ подхватилъ ее и одною рукою поддерживая прелестный станъ, другою освобождалъ грудь ея отъ стѣсненія одежды.

Онъ окропилъ прекрасное лице и грудь ея исторгнутыми жалостію изъ очей его слезами. Подобно какъ при утренней прозрачной росѣ увядающая освѣжается роза, такъ она, пришедъ въ чувство, подъемлетъ потупленный зракъ, не своими, но его слезами орошенный. Трижды открываетъ она очи, и трижды закрываетъ ихъ, отвра-

щаясь смотрѣть на любезнѣйшаго ей изъ смертныхъ.

И слабою рукою крѣпкую держащую ее руку отталкиваетъ, покушаясь многократно вырваться отъ связующихъ ее и при каждомъ порывѣ тѣмъ болѣе стѣсняющихъ узъ. Напослѣдокъ, не могши исторгнуться изъ драгихъ объятій, драгихъ еще и теперь, съ притворнымъ гнѣвомъ, не обращая на него взоровъ своихъ, и проливая источники слезъ, начинаетъ вѣщать:

О! во всякое время, когда уходишь и когда приходишь, равно жестокій, кто привелъ тебя ко мнѣ? Неслыханное дѣло, чтобъ самъ убійца избавлялъ насъ отъ смерти, и предлагалъ намъ жизнь! ты хочешь меня спасти? на какой срамъ и на какія муки осуждаешь еще нещастную Армиду? я знаю многія неизвѣстныя тебѣ искуства; но что въ нихъ, когда и умереть не могу?

Честолюбіе твое требуетъ, чтобъ указывали на прикованную къ торжественной колесницѣ твоей дѣву, которой ты сперва измѣнилъ, и потомъ силою взялъ ее въ плѣнъ: въ этомъ поставляешь ты честь свою и славу. Было время, когда я просила у тебя мира и жизни; теперь хочу отъ всегдашнихъ слезъ моихъ избавиться смертію; но не прошу ее у тебя потому, что всякой даръ твой для меня несносенъ.

Сама собою, какимъ бы то ни было образомъ, надѣюсь избѣгнуть отъ твоей лютости, и ежели у скованной меня ни яда, ни оружія, ни верви не будетъ; ежели не свободна буду ринуться въ пропасть; я знаю средство умереть, и благодарю небо, что ты возбранить мнѣ онаго не можешь. Престань употреблять ласки. Ахъ! на что притворяться? почто, увы! почто легковѣрнымъ надеждамъ моимъ льстить?

Тако жалуется, и горькія слезы, любовію и гнѣвомъ изъ очей исторгаемыя проливаетъ; онъ свои слезы, въ коихъ жаркое участіе и сожалѣніе сверкали, съ ея слезами совокупляетъ, и ласковыми отвѣтствуетъ ей словами: Армида, успокой смятенное сердце свое; не для посрамленія, для царствованія сохраняетъ тебя, не врагъ, но другъ и слуга твой.

Зри въ очахъ моихъ, естьли словамъ не вѣришь, усердіе и преданность мою къ тебѣ. Клянуся вознесть тебя на престолъ предковъ твоихъ; и о! ежели бы небо благоволило свѣтозарными лучами своими просвѣтить умъ твой и разгнать въ немъ мракъ Магометанства; съ какою радостію пожелалъ бы я тогда содѣлать тебя щастливѣйшею во всемъ востокѣ царицею!

Тако вѣщаетъ и проситъ, жаръ мольбы своей умножая слезами и воздыханіями.

Какъ глыба снѣга теплымъ воздухомъ и солнечнымъ сіяніемъ согрѣваемая таетъ, такъ гнѣвъ ея, казавшійся толь твердымъ, исчезаетъ, и однѣ только другія страсти остаются. Обладай, повелѣвай мною, восклицаетъ она; управляй моими желаніями; воля твоя мнѣ законъ.

Между тѣмъ вождь Египетскій Эмиренъ, видя знамя свое поверженное на землю, сильнаго Римедона падшаго подъ мечемъ Готфридовымъ, и многочисленное воинство свое или побитымъ, или бѣгущимъ, не хочетъ въ толь бѣдственное время показать себя малодушнымъ; но ищетъ, и не тщетно ищетъ, славной смерти отъ руки знаменитѣйшей.

Не почитая никого достойнымъ себѣ соперникомъ, скачетъ на конѣ къ Готфриду, и повсюду, гдѣ проѣзжаетъ, оказываетъ послѣдніе знаки отчаянной храбрости. Далеко еще не достигши до него, вопіетъ ему: теку отъ рукъ твоихъ умереть; но прежде нежели паду, хочу, чтобъ и ты палъ со мною.

Тако вѣщаетъ ему; и въ тожъ время оба они подъемлютъ копія свои. Эмиренъ прободаетъ щитъ Готфридовъ и лѣвую руку его обезоружа уязвляетъ. Готфридъ сильнымъ ударомъ, исторгшимъ его изъ сѣдла, поражаетъ его въ лѣвую ланиту, и когда

онъ, едва опомнясь, хотѣлъ оправиться, тогда, пронзенный въ чрево, палъ бездыханенъ.

По убіеніи Эмирена, изъ всего великаго ополченія Египтянъ остается малое токмо число разсѣянныхъ и бѣгущихъ; Готфридъ гонится за побѣжденными, но вдругъ останавливается; зритъ окровавленнаго у ногъ своихъ Альтамора, съ изломаннымъ мечемъ, съ изрубленнымъ на главѣ шлемомъ; тысячію подъятыхъ на него копій окруженнаго. Верховный вождь восклицаетъ своимъ: престаньте; а ты, рыцарь, отдайся мнѣ въ плѣнъ; я Готфридъ.

Альтаморъ, котораго великая душа по сіе время ни единожды не подверглась уничиженію, услыша славное имя сіе, отъ предѣловъ Ееіопіи до странъ подъ созвѣздіемъ медвѣдицъ толь громкое, отвѣтствовалъ: покорюсь тебѣ, ты того достоинъ. Се мечь мой, возми; побѣда твоя надо мною и славу принесетъ тебѣ и злато.

Меня злато моего царства и драгоцѣнныя сокровища любезной супруги моей искупятъ изъ плѣна. Готфридъ отвѣтствуетъ: небо не дало мнѣ душу алчущую корыстей. Владѣй всѣмъ, что ты отъ приморскихъ странъ Индіи и отъ Персіи получаешь. Я на жизнь другихъ не налагаю

цѣны; я въ Азіи воюю, а не куплю дѣлаю или торгую.

Умолкъ; и поручаетъ его стражѣ своей для охраненія. Посемъ снова продолжаетъ гнаться за бѣгущими. Они стараются укрыться въ укрѣпленіяхъ своихъ, но и тамъ не могутъ избѣгнуть отъ смерти. Весь станъ ихъ взятъ, и поле покрыто трупами. Кровь отъ шатра къ шатру течетъ ручьями, искажая и обагряя всѣ богатыя добычи и пышныя убранства и украшенія нечестивыхъ.

Тако побѣждаетъ Готфридъ; и при оставшемся еще довольномъ свѣтѣ дня, верховный вождь, со всѣми прочими военачальниками, не скидая даже кровавой одежды своей, грядетъ въ освобожденный градъ, и тамо во святомъ храмѣ Спасителя, исполняя обѣтъ свой и повѣся оружіе, благоговѣйно покланяется великому гробу Христову.

Конецъ двадесятой и послѣдней пѣсни.

ЛОМОНОСОВЪ.

)*Чтеніе въ Бесѣдѣ Любителей Россійскаго Слова.*)

Въ прошедшихъ бесѣдахъ имѣли мы честь почтеннымъ посѣтителямъ предлагать нѣкоторыя разсужденія о знаменитыхъ писателяхъ, украсившихъ нашу словесность. Мы сказали нѣчто о Ѳеофанѣ, о семъ Златоустѣ нашемъ, совмѣстившемъ въ себѣ силу Димосѳенова съ сладостію Цицеронова краснорѣчія. Мы говорили о Кантемирѣ, о семъ колкомъ сатирикѣ, умѣвшемъ простою Рускою рѣчью такъ складно и остроумно осмѣивать пороки и прославлять добродѣтели. Должно и пріятно воспоминать о толь отличныхъ мужахъ и трудъ ихъ вознаграждать благодарностію: имъ платимъ мы достойную дань, а себѣ приносимъ пользу. Итакъ слѣдуя порядку временъ, въ которыя они процвѣтали, побесѣдуемъ теперь о знаменитѣйшемъ стихотворцѣ нашемъ Ломоносовѣ. Слава писателей опредѣляется достоинствомъ ихъ писаній и числомъ просвѣщенныхъ читателей. Она растетъ съ теченіемъ времени, и чѣмъ больше проходитъ вѣковъ, тѣмъ больше распространяется и становится безсмертною. Имя Ломоносова въ ученомъ свѣтѣ толь извѣстно и

громко, что стыдно не знать онаго не-токмо Рускому, даже иностранцу. Сей великій мужъ появился на поприщѣ словесности, какъ нѣкое чудо. Самый сѣвернѣйшій край Россіи въ хладныхъ нѣдрахъ своихъ произвелъ сего пламеннаго пѣвца. Онъ ясно доказалъ собою, что высокій даръ стихотворства есть нѣкое тайное отъ судебъ предъизбраніе, нѣкое особенное отъ Неба вдохновеніе. Простой юноша, сынъ Холмогорскаго рыбака, не слыхавшій ни о чемъ, возбуждающемъ просвѣщеніе, не видавшій ни чего предъ собою, кромѣ неводовъ и сѣтей, по нѣкоей врожденной охотѣ обучается грамотѣ и начинаетъ читать псалтырь. Высокія Давидовы пѣснопѣнія сами собою, безъ всякаго руководства, вкрадываются въ младое сердце и заронятъ искру свѣта въ умъ и душу простонароднаго отрока. Сія искра тлѣетъ въ немъ, разгарается, и производитъ мужа, на котораго въ храмѣ славы безсмертіе рукою своею надѣваетъ вѣнецъ. Безъимянный островъ, жилище промышлениковъ, былъ колыбелію того, котораго въ Невскомъ монастырѣ украшенный мраморнымъ памятникомъ гробъ не престаютъ оплакивать Музы. Таковъ былъ Ломоносовъ! Воспалившаяся въ немъ жажда ученія превозмогаетъ всѣ препятствія. Онъ на семнатцатомъ году возраста своего безъ

денегъ, безъ пищи, въ одномъ нагольномъ шулупѣ, уходитъ изъ дому отца своего и пробирается въ Москву, чтобъ тамъ вступить въ какое нибудь училище. Ничто не останавливаетъ его: ни далекій путь, ни страхъ, ни нужда, ни опасность. Желаніе просвѣтиться науками побѣждаетъ въ сердцѣ его всѣ другія желанія, какъ будто бы и тогда уже могъ онъ пользу ученія столь обширно воображать, какъ послѣ сказалъ:

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щасливой жизни украшаютъ,
Въ нещастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ;
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Юный Ломоносовъ, по прибытіи въ Москву, вступаетъ въ Заиконоспаское училище. Чрезъ одинъ годъ становится уже онъ довольно силенъ въ Латинскомъ и начинаетъ обучаться Греческому языку. Но Спаское училище не можетъ удовлетворить глубокому его любопытству. Онъ проситъ отправить его въ Кіевъ. Тамъ ученый и

краснорѣчивый Ѳеофанъ примѣчаетъ остроту сего отрока, и пріемлетъ его подъ свое покровительство. Но и Кіевъ не утоляетъ жажды его къ наукамъ. Онъ возвращается въ Москву и находитъ случай, для дальнѣйшихъ успѣховъ своихъ, быть посланъ въ Петербургъ. Тамъ съ крайнимъ прилѣжаніемъ продолжаетъ обучаться философіи, математикѣ и стихотворству; оказываетъ отмѣнную склонность къ физикѣ, химіи; почерпаетъ первыя основанія въ рудокопномъ искуствѣ и другихъ наукахъ. Чрезъ нѣсколько потóмъ времени отправляется въ Германію къ славному тогдашнему философу и математику Вольфу. Въ бытность свою въ Нѣмецкой землѣ, въ городѣ Марбургѣ, написалъ онъ первую оду на взятіе Хотина, и прислалъ ее въ Петербургъ къ тогдашнему Президенту Академіи Корфу, которой напечаталъ ее и поднесъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Въ сей одѣ сверкали уже искры великаго пѣвца; уже описывая страшныя препятствія, предлежавшія нашимъ войскамъ, умѣлъ онъ съ достоинствомъ о нихъ сказать:

Но чтобъ орловъ сдержать полетъ,
Такихъ препонъ на свѣтѣ нѣтъ.
Имъ воды, лѣсъ, бугры, стремнины,
Глухія степи, равенъ путь:

Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступятъ тамъ полки орлины.

Между тѣмъ, какъ оду его, первое сего рода на Россійскомъ языкѣ твореніе, съ восторгомъ и удивленіемъ въ Петербургѣ читаютъ, младый Ломоносовъ, пылкій воображеніемъ, богатый многими познаніями, но скудный имуществомъ, углубляясь въ науки, но не разсуждая о томъ, о чемъ молодость не разсуждаетъ, влюбляется въ бѣдную дѣвушку, женится на ней, становится отцемъ, впадаетъ въ долги, и стѣсняемый отчасу больше необходимыми нуждами, приходитъ наконецъ въ отчаянное состояніе. Угрожаемый ежедневно быть посаженъ въ темницу заимодавцами, и не видя ни откуду помощи, рѣшается напослѣдокъ тайно уйти изъ Марбурга, въ намѣреніи пробраться въ Любекъ или въ Голландію, и оттолѣ моремъ отправиться въ Россію, гдѣ надѣялся онъ поправить свое состояніе и соединиться опять съ своимъ семействомъ. Такимъ образомъ пускается въ путь, пѣшкомъ, прося милостыни. На дорогѣ, послѣ нѣсколькихъ дней путешествія своего, не подалеку отъ Диссельбурга въ небольшомъ селеніи останавливается онъ на постояломъ дворѣ ночевать, и находитъ тутъ Прускаго Офицера, набирающаго рекрутъ. Офицеръ начинаетъ съ нимъ разговаривать, распраши-

ваетъ о его обстоятельствахъ, изъявляетъ сожалѣніе свое къ его состоянію, даетъ ему нѣсколько денегъ и приглашаетъ его съ собою и съ бывшими еще при томъ товарищами своими ужинать. За столомъ они шумятъ, веселятся, пьютъ такъ называемую *круговую рюмку* за здоровье Прускаго Короля. Усталый, голодный, нуждающійся Ломоносовъ, обласканный толь великодушно и отнюдь не подозрѣвающій похвальнаго ремесла сихъ господъ людолововъ, отъ чистаго сердца веселится съ ними, благодаритъ ихъ за щедроту, за угощеніе, откланивается имъ, возвращается въ свою комнатку, ложится съ радостію на постелю и засыпаетъ крѣпкимъ сномъ. Поутру проснувшись видитъ себя окруженна Прускими солдатами, которые поздравляютъ его своимъ сотоварищемъ. Удивленный словами ихъ тщетно отрицается онъ отъ сей непринадлежащей ему чести; тщетно увѣряетъ ихъ, что онъ Россіянинъ, посвятившій жизнь свою наукамъ: обнаженныя сабли и примкнутые штыки доказываютъ ему сильнѣе Вольфовой Математики, что онъ Пруской Рейтаръ. Такимъ образомъ бѣдный Ломоносовъ подъ стражею отводится съ прочими рекрутами въ караульню, гдѣ вмѣсто котурновъ и Аполлоновой лиры надѣваютъ на него большіе сапоги съ шпорами и даютъ ему въ руки палашъ. Тутъ увидѣлъ

онъ, что никакое краснорѣчивое изліяніе горестныхъ чувствъ души его не достаточно преклонить сихъ каменныхъ сердецъ на жалость. Для того, призвавъ на помощь умъ свой, прибѣгаетъ къ иному средству: притворяется веселымъ, проклинаетъ прежнее, хвалитъ новое состояніе свое, смѣется, шумитъ, поетъ пѣсни, и симъ образомъ, вкравшись въ довѣренность, ослабляетъ строгій надъ собою присмотръ. Достигнувъ до сего, ночью, во время крѣпкаго сна товарищей своихъ; не смотря на угрожающую ему неминуемо въ случаѣ неудачи смертную казнь, встаетъ тихонько, вылѣзаетъ въ окно, ползетъ по валу, чтобъ стоящіе на немъ часовые не могли его примѣтить; переплываетъ черезъ ровъ, и миновавъ удачно всѣ опасности, выбирается въ чистое поле, и мокрый, дрожащій, бѣжитъ изъ всей силы. На разсвѣтѣ слышитъ пушечный выстрѣлъ, знакъ погони за бѣглецомъ. Страхъ придаетъ ему крылья. Уже видитъ онъ скачущихъ за собою всадниковъ, но успѣваетъ перейти границу и спасается отъ хищныхъ рукъ ихъ. Подивимся судьбамъ человѣческимъ! одна минута ранѣе въ погонѣ за нимъ, или одинъ шагъ опозданія его въ побѣгѣ, отняли бы у Ломоносова жизнь, и у Россіи славу произвесть великаго талантами мужа. Однако промыслъ Божій опредѣ-

лилъ ему не позорною смертію умереть отъ Прусаковъ, но безсмертными стихами пѣть Петра, Елисавету, Екатерину! по возвращеніи своемъ чрезъ Амстердамъ въ Петербургъ выписалъ онъ оставшуюся въ Марбургѣ жену свою и дочь, вдался съ великимъ трудолюбіемъ въ науки, оказалъ глубокія знанія въ Химіи, Физикѣ, Естественной исторіи и рудокопномъ искуствѣ. Сверхъ сего упражнялся въ составленіи мозаическихъ картинъ; но болѣе всего открылъ великій даръ свой въ стихотворствѣ и краснорѣчіи. Онъ возведенъ былъ въ достоинство Профессора. Сочинилъ Грамматику, Риторику, и многія разсужденія о наукахъ. Оставилъ безсмертными по себѣ памятниками Лирическія оды свои, письмо къ Графу Шувалову о пользѣ стекла, похвальныя слова Петру и Елисаветѣ, и многія другія творенія. Онъ обратилъ на себя взоры иностранныхъ ученыхъ обществъ, и привлекъ вниманіе и покровительство Императрицы Елисаветы, Императрицы Екатерины второй, и бывшихъ тогда первѣйшихъ Вельможъ: Графовъ Шуваловыхъ, Графа Бестужева, Графа Воронцова, Графа Головкина, и многихъ другихъ. Императоръ Павелъ первый, изъ уваженія къ памяти его, освободилъ потомство его отъ платежа податей. Онъ умеръ въ Пе-

шербургѣ на 54-мъ году отъ рожденія своего; погребенъ въ Невскомъ монастырѣ, гдѣ надъ гробомъ его воздвигнутъ мраморный памятникъ съ слѣдующею надписью:

Въ память
Славному мужу
Михаилу Ломоносову
родившемуся въ Колмогорахъ
въ 1711 году,
бывшему Статскому Совѣтнику,
С. Петербургской Академіи Наукъ
Профессору,
Стокгольмской и Волонской
Члену,
разумомъ и науками превосходному,
знатнымъ украшеніемъ отечеству
послужившему,
Краснорѣчія, стихотворства
и исторіи Россійской
учителю,
Муссіи первому въ Россіи безъ руководства изобрѣтателю,
преждевременною смертію
отъ Музъ и отечества
на дняхъ Святыя Пасхи 1765 года
похищенному,
воздвигъ сію гробницу
Графъ Михайло Воронцовъ,

славя отечество съ таковымъ
гражданиномъ и горестно соболѣзнуя
о его кончинѣ.

Мы кратко взглянули на жизнь Ломоносова. Взглянемъ теперь съ таковою же краткостію на нѣкоторыя его творенія. Пройтить и показать всѣ разсѣянныя въ нихъ красоты не вмѣстилось бы въ двадцать о немъ бесѣдъ: надлежало бы прочитать его отъ начала до конца. Итакъ приведемъ себѣ на память хотя немногія изъ него мѣста. Вынутыя изъ цѣлости состава, хотя, какъ разсыпанный изъ монисты жемчугъ, онѣ и потеряютъ нѣчто отъ своей очаровательности, однакожъ останутся еще столько прелестны, что каждое изъ нихъ, какъ рѣдкая и особая жемчужина, веселитъ и удивляетъ взоры. Покажемъ ихъ. Слабыя показанія мои не придадутъ имъ никакой важности, но духъ и сила ихъ дадутъ важность моимъ показаніямъ. Ломоносовъ главною частію жизни своей процвѣталъ въ царствованіе Елисаветы. Сія Монархиня кротостію нрава своего, покровительствомъ наукъ, и милостивыми съ высоты престола воззрѣніями на отличный даръ сего пѣснопѣвца, умѣла воспламенить въ немъ такую къ себѣ любовь и благоговѣніе, что

кажется душа и разумъ его, при составленіи ей похвалъ, безпрестанно между собою спорили, кто превзойдетъ изъ нихъ усердіемъ: одна не могла насытиться изліяніемъ предъ нею чувствъ своихъ, другой не могъ утомиться собираніемъ во всей природѣ цвѣтовъ для украшенія сихъ чувствъ. Отсюду происходитъ, что гдѣ у посредственнаго пѣвца разумъ при недостаткѣ чувствъ кажется отвратительною лестію, или чувства при недостаткѣ разума наскучиваютъ единообразіемъ, тамъ Ломоносовъ волшебною силою пера своего увлекаетъ, преклоняетъ, убѣждаетъ читателя равно съ нимъ мыслить, чувствовать и любить воспѣваемую имъ Царицу. Возмемъ изъ разныхъ одъ его нѣсколько строфъ, единственно на похвалу ей посвященныхъ, и посмотримъ, какъ каждая изъ нихъ при равной силѣ духа разнообразна вымысломъ и красотою. Надлежитъ ли возвеличить день тотъ, въ которой она родилась, онъ возглашаетъ:

Въ сей день, блаженная Россія,
Любезна небесамъ страна!
Въ сей день отъ высоты Святыя
Елисаветъ тебѣ дана,
Воздвигнути Петра по смерти,
Гордыню сопостатовъ стерти

И въ ужасъ оныхъ привести,
Отъ грозныхъ бѣдъ тебя избавить,
Судьей надъ царствами поставить,
И выше облакъ вознести.

Хочетъ ли исчислить добродѣтели ея и чрезъ стихотворческое подобіе придать имъ болѣе блеску, онъ говоритъ:

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣва злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.
Такъ Нилъ смиренно протекаетъ,
Бреговъ своихъ онъ не терзаетъ,
Но пользой выше прочихъ рѣкъ:
Своею сладкою водою
Въ лугахъ зеленыхъ пролитою
Златой даетъ Египту вѣкъ;

Что можетъ быть маловажнѣе и простѣе сей мысли, что Елисавета по утрамъ умывается водою изъ Невы? но посмотримъ въ какую блистающую одежду умѣлъ облечь ее сей несравненный стихотворецъ:

О чистый Невскій токъ и ясный,
Щастливѣйшій всѣхъ водъ земныхъ!
Что сей богини ликъ прекрасный
Кропишь теперь отъ струй своихъ,
Стремись, шуми, теки обильно,

И быстриной твоей насильно
Промчись до Шведскихъ береговъ
И больше устраши враговъ,
Имъ громкимъ шумомъ возвѣщая,
Что здѣсь зимой весна златая.

Желаетъ ли представить славу сей Императрицы, когда она для спасенія Россіи съ собственною своею опасностію всходила на прародительскій престолъ? онъ обращаясь къ усѣянному въ ту ночь звѣздами небу, восклицаетъ:

О вы недремлющія очи
Стрегущія небесный градъ!
Вы бодрствуя во время ночи,
Когда покоясь смертны спятъ,
Взираете сквозь тѣнь густую
На цѣлу широту земную.
Но чаю, что вы въ оной часъ,
Вопреки естественному чину,
Петрову зрѣли дщерь едину,
Когда пошла избавить насъ.

Должно ли изобразить радость войскъ при вступленіи ея на престолъ? послушаемъ какую мужественную рѣчь влагаетъ онъ въ уста воиновъ, ожидающихъ въ дочери увидѣть воскресшаго отца:

По стогнамъ шумный гласъ несется
Елисаветиныхъ похвалъ,

Въ полкахъ стократно раздается:
Великій Петръ изъ мертвыхъ всталъ!
Мы пройдемъ съ нимъ чрезъ огнь и воды,
Предолимъ бури и погоды,
Поставимъ грады на рѣкахъ,
Мы дерзскій взоръ враговъ потупимъ,
На горды выи ихъ наступимъ,
На грозныхъ станемъ мы валахъ.

Надобно ли царствованію ея пожелать щастія? онъ такъ сего желаетъ:

Да возрастетъ ея держава,
Богатство, щастье и полки,
И купно дѣлъ геройскихъ слава;
Какъ токъ великія рѣки
Чѣмъ далѣ бѣгъ свой простираетъ,
Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщаетъ,
И множество градовъ поитъ,
Разлившись на поля восходитъ;
Обильный тукъ на нихъ наводитъ,
И жатвы щедро богатитъ.

Хочетъ ли пожелать всегдашняго ей здравія? какими сильными стихами изъявляетъ сіе желаніе:

Да будетъ тое невредимо,
Какъ верьхъ высокія горы
Взираетъ непоколебимо

На мракъ и вредные пары;
Не можетъ вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть,
Взнесенъ къ безоблачнымъ странамъ,
Ногами тучи попираетъ,
Угрюмы бури презираетъ,
Смѣется скачущимъ волнамъ.

Вотъ таинство стихотворства! оно состоитъ въ томъ, чтобъ съ плодовитымъ воображеніемъ и благородною душою имѣть обогащенный познаніями умъ, руководствоваться природою, чувствовать ея богатство и великолѣпіе, знать языкъ свой и говорить имъ просто, ясно, чисто, величественно. Для достиженія сего потребны: природное дарованіе, любовь къ истинѣ, къ наукамъ, къ добродѣтели; притомъ трудолюбіе, память, воображеніе и проницательность въ сходствѣ и сцѣпленіи понятій, разборчивость разума въ силѣ и приличіи, чувствительность уха въ произношеніи, вкусъ и осторожность въ размѣщеніи словъ, и наконецъ пламенное чувство, обуздываемое строгостію разсудка. Слогъ да будетъ естественъ, благороденъ, силенъ; богатъ безъ излишества, смѣлъ безъ дерзости, краснорѣчивъ безъ многословія, кратокъ безъ темноты, быстръ или плавенъ, громокъ или тихъ, смотря по тому, какъ

гдѣ пристойно. Соединеніе всѣхъ сихъ качествъ есть весьма рѣдкое достоинство, не всѣми чувствуемое, не скоро познаваемое, часто пренебрегаемое; но сохраняющее всегда цѣну свою и потому-то истинно великимъ талантамъ, ни какой время отъ времени возникающій шумъ невѣжества не воспрепятствуетъ побѣдоносно шествовать въ храмъ славы и безсмертія. Тамъ и нашъ Ломоносовъ. Онъ правду о себѣ сказалъ:

Красуйся духъ мой восхищенный,
И не завидуй тѣмъ творцамъ,
Что носятъ лавръ похвалъ зеленый,
Доволенъ будь собою самъ:
Твою усерднѣйшую ревность
Ни гнѣвъ стихій, ни мрачна древность
Въ забвеніи не могутъ скрыть,
Котору будутъ вѣкъ хранить
Дѣлà Петровой дщери громки,
Что станутъ поздны честь потомки.

Такъ! великій мужъ! мы читаемъ тебя и неперестанемъ читать, доколѣ будетъ въ насъ умъ и душа. Красоты стихотвореній твоихъ безсмертны, потому что разумъ, умѣвшій толь величественно изображать природу, подобно ей не старѣется, не умираетъ. Умретъ ли когда сіе воззваніе къ натурѣ, сей образъ ея, толь смѣлою кистію

начертанный, и сїе соучастїе, прїемлемое ею въ радости Россїи о рожденїи Елисаветы:

О дщерь гремящаго надъ нами,
О мати всѣхъ племенъ земныхъ!
Натура чудная дѣлами,
Какъ естьли таинъ ты своихъ
Меня достойнымъ быть судила,
И естьли сла́ба мыслей сила
Проникнуть можетъ въ твой чертогъ;
Представь мнѣ оную годину,
И купно бѣгъ свѣтилъ по чину,
Какъ Вышнїй далъ намъ сей залогъ.

Сквозь тучи бывшїя печали,
Что лютый рокъ на насъ навелъ
Какъ горы о Петрѣ рыдали
И понтъ въ брегахъ своихъ ревѣлъ,
Сквозь страшны Россамъ перемѣны,
Сквозь прахъ войнами возмущенный
Я вижу тотъ пресвѣтлый часъ:
Тамъ вкругъ младой Елисаветы
Сїяютъ щастливы планеты,
Я слышу тамъ Натуры гласъ.

Сѣдя на блещущемъ престолѣ
Составленномъ изъ твердыхъ горъ;
Въ пространномъ всѣхъ твореній полѣ

Между стихій смиряетъ споръ;
Сосцами всяку плоть питаетъ;
Отъ чрева рѣки проливаетъ,
Зелену ризу по лугамъ
И по долинамъ разширяя,
Изъ устъ Зефирами дыхая,
Съ веселіемъ вѣщаешъ къ намъ:

Я съ вами нынѣ торжествую,
Мнѣ сихъ часовъ краснѣе нѣтъ,
Что героиню таковую
Въ сей день произвела я въ свѣтъ.
Въ ней хитрость вся моя и сила
Возможность крайню положила;
Я избрала щастливой знакъ
Надежду показать нелестну:
Въ пространну высоту небесну
Прилѣжно возведите зракъ.

Се солнце бѣгъ свой премѣняетъ,
И къ вамъ течетъ умножить день;
На Сѣверъ взоръ свой обращаетъ,
И онымъ прогоняетъ тѣнь,
Являя, что Елисавета
Въ Россіи усугубитъ свѣта
Державой и вѣнцемъ своимъ.
Ермій наукамъ предводитель

И Марсъ на брани побѣдитель
Блистаютъ совокупно съ нимъ.

Тамъ мужъ звѣздами испещренный
Свой свѣтлый напрягаетъ лукъ,
Діана стрѣлы позлащенны
Съ нимъ мещетъ изъ прекрасныхъ рукъ.
Се небо показуетъ ясно,
Коль то съ добротами согласно.
Рожденныя въ признáкахъ сихъ
Отъ ней геройство съ красотою
Повсюду миромъ и войною
Лучи пускаютъ дней златыхъ.

Сіе предвѣстіе природы
Хотя представило тогда,
Что ты возвеселишь народы,
О главъ вѣнчанныхъ красота!
Но вящта радость восхищала
Взирающихъ и оживляла,
Когда даровъ твоихъ признáкъ
Надежнѣе въ лицѣ открылся,
Что точно въ немъ изобразился
Родителей великихъ зракъ.

Въ тебѣ прекрасный домъ создали
Душѣ великой небеса,
Свое блистаніе вліяли

Въ твои пресвѣтлы очеса,
Лице всходящія денницы,
И бодрость быстрыя орлицы,
И въ нѣжнѣйшихъ являлись дняхъ;
Ужѐ младенческіе взгляды
Предвозвѣщали тѣ отрады,
Что бѣднымъ нынь отъемлютъ страхъ.

Погибнетъ ли когда сія прекрасная оговорка, изъ которой полилось толикое богатство мыслей и толикая рѣка краснорѣчія:

Что часто солнечныхъ сравняемъ
Тебя, Монархиня, лучамъ;
Отъ нужды дѣлъ не прибѣгаемъ
Къ однѣмъ толь много крашъ рѣчамъ:
Когда ни начинаемъ слово,
Сіяніе въ тебѣ зримъ ново,
И нову красоту добротъ.
Лишь только умъ къ тебѣ возводимъ,
Мы ясность солнечну находимъ,
И многихъ теплоту щедротъ.

Когда премудростью своею
Всевышній солнце сотворилъ,
Пути различны надъ землею
Въ теченіи опредѣлилъ:
Согрѣвъ полночну часть Европы

Сіяетъ въ южны Еѳіопы,
И паки къ намъ приходитъ вспять;
Полсвѣта дневной теплотою,
Полсвѣта тучной въ ночь росою
Премѣнно тщится оживлять,

Такъ ты, Монархиня, сіяешь
Въ концы державы твоея,
Когда по онымъ протекаешь,
Отраду, радость, жизнь дая.
Отъ славныхъ водъ Балтійскихъ края
Къ востоку путь свой простирая,
Являешь полдень надъ Москвой.
Ты многимъ какъ заря восходишь,
Инымъ прохладну тѣнь наводишь,
И обще всѣмъ даешь покой.

Въ пути, которымъ пролетаешь,
Какъ быстрой въ высотѣ орелъ,
Куда свой взоръ ни обращаешь,
По множеству градовъ и селъ;
Отъ всѣхъ къ тебѣ простерты взоры,
Тобой всѣхъ полны разговоры,
Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ тебѣ всѣхъ трудъ.
Дитя родившихъ вопрошаетъ:
Не тая ли на насъ взираетъ,
Что матерію всѣ зовутъ?

Иной отъ старости нагбенный
Простерть старается хребетъ,
Главу и очи утомленны
Возводитъ, гдѣ твой блещетъ свѣтъ.
Тамъ видя возрастъ безсловесный,
Монархиня, твой зракъ небесный,
Любезну оставляетъ грудь;
Чего языкъ не изъясняетъ,
Усмѣшкой то изображаетъ,
Послѣдуя очами въ путь.

Среди наслѣдныя державы,
На древней предковъ высотѣ,
Во громкомъ звукѣ вѣчной славы,
Въ любезной мира красотѣ,
Надѣясь твоего прихода,
Колико множество народа
Тебѣ во срѣтенье течетъ!
Встаютъ верьхи Рифейски выше,
Течетъ Двина, Днѣпръ, Волга тише,
Желая твой увидѣть свѣтъ.

Вотъ въ какомъ величіи представляетъ Ломоносовъ путешествующую по Россіи обладательницу ея! — съ какимъ искуствомъ умѣетъ онъ перемѣнять звуки златострунной лиры своей! начинаетъ оговоркою, что часто уподобляетъ ее солнечнымъ лучамъ,

и какую вмѣстѣ величавую и остроумную сыскиваетъ тому причину! мнимое, какъ бы отъ нѣкоей скудости мыслей, извиненіе въ повтореніи одного и того же уподобленія, превращается въ самое великолѣпнѣйшее оправданіе, и раждаетъ новую силу воображенія, новыя красоты повѣствованія, при которыхъ исчезаетъ солнце; сіе свѣтило міру, и блистаетъ Елисавета! забываешь о теченіи его по пространству неба, и видишь, какъ она пролетаетъ по градамъ и селамъ: видишь съ перемѣнными въ сердцѣ чувствами, то умиленнаго ею старца, то усмѣхающагося вслѣдъ ей младенца, то, какъ бы въ нѣкоторомъ восторгѣ, весь народъ, вмѣстѣ съ возстающими горами и цѣпенѣющими рѣками, взирающій на нее съ любовію и удивленіемъ. Какой переходъ отъ свирельнаго къ трубному гласу! отъ сихъ нѣжныхъ о младенцѣ выраженій:

Любезну оставляетъ грудь;
Чего языкъ не изъясняетъ,
Усмѣшкой то изображаетъ
Послѣдуя очами въ путь;

къ сему огромному движенію природы:

Встаютъ верьхи Рифейски выше,
Течетъ Двина, Днѣпръ, Волга тише,
Желая твой увидѣть свѣтъ.

*

Такъ прельщаетъ, такъ очаровываетъ стихотворецъ сей читателя, восхищая разумъ его прекраснѣйшими изображеніями, и вливая въ душу его подобныя своимъ чувства любви и благоговѣнія къ воспѣваемой имъ Царицѣ! — но мы читали его отрывками; прочитаемъ теперь цѣлую оду. Воздержимся слабыми нашими замѣчаніями препинать торжественное ея шествіе. Дадимъ вниманію слушателя полную свободу слѣдовать за симъ великимъ пѣснопѣвцемъ, который поведетъ его изъ силы въ силу, изъ красоты въ красоту. Скажемъ сперва содержаніе сей избранной нами оды.,, Сочинитель поздравляетъ Императрицу съ восшествіемъ ея на престолъ; желаетъ, чтобъ наставшій годъ былъ для нее благополученъ; обращается къ Музамъ и говоритъ имъ, что хотя бывшій недавно пожаръ въ Академіи опечалилъ ихъ, но чтобъ онѣ при толикомъ всеобщемъ веселіи печаль свою забыли; описываетъ радость народа при появленіи Императрицы, и страхъ враговъ при услышаніи, что она воцарилась; исчисляетъ душевныя и тѣлесныя ея достоинства; изображаетъ Россію въ видѣ нѣкоего лица, разсуждающаго о своемъ благополучномъ состояніи; говоритъ о Петербургѣ, изъявляющемъ радость свою освѣщеніемъ улицъ и домовъ; представляетъ Москву, ожидающую уви-

дѣтъ свою Монархиню; желаетъ, чтобъ она туда поѣхала, сказывая что Петербургскіе жители будутъ между тѣмъ упражняться въ полезныхъ трудахъ, что зависть не посмѣетъ нарушить ихъ покоя, и что ежели посмѣетъ, то Богъ для ней ниспошлетъ имъ свою защиту."—Вотъ содержаніе оды, простое, весьма обыкновенное, ничего отмѣннаго не представляющее взорамъ; но посмотримъ, какими вымыслами украсилъ, какими воображеніями обогатилъ, какимъ краснорѣчіемъ усладилъ, въ какую силу, важность, великолѣпіе, красоту облекъ его Ломоносовъ. Подивимся превосходству ума его. Послушаемъ:

Заря багряною рукою
Отъ утренникъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.
Благословенное начало
Тебѣ, Богиня, возсіяло.
И нашихъ искренность сердецъ
Предъ трономъ Вышняго пылаетъ,
Да щастіемъ твоимъ вѣнчаетъ
Его средину и конецъ.

Да движутся свѣтила стройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно

Въ тебѣ послушныхъ берегахъ;
Вражда и злость да истребится,
И огнь и мечь да удалится
Отъ странъ твоихъ и всякій вредъ;
Весна да разсмѣется нѣжно,
И ратай въ нивахъ безмятежно
Сторичный плодъ да соберетъ.

Съ способными вѣтрами споря,
Терзать да не дерзнетъ борей
Покрытаго судами моря
Пловущими къ землй твоей.
Да всѣхъ глубокій миръ питаетъ;
Желѣзо браней да не знаетъ,
Служа въ трудѣ безмолвныхъ селъ.
Да злобна зависть постыдится,
И славѣ свѣтъ да удивится
Твоихъ великодушныхъ дѣлъ.

Священны да хранятъ уставы
И правду на судѣ судьи;
И время твоея державы
Да ублажатъ раби твои.
Сосѣды да блюдутъ союзы;
И вамъ, возлюбленныя Музы
За горьки слёзы и за страхъ,
За грозно время и плачевно,
Да будетъ радость повсядневно,
При Невскихъ обновясь струяхъ.

Годину ту воспоминая,
Среди утѣхъ мятется умъ!
Еще крушится мгла густая,
Еще наноситъ страшный шумъ!
Тамъ буря искры завиваетъ,
И алчный пламень пожираетъ
Минервинъ съ громкимъ трескомъ храмъ!
Какъ мѣдь въ горнилѣ, небо рдится,
Богатство разума стремится
На низъ къ трепещущимъ ногамъ.

Дражайши Музы, отложите
Взводить на мысль печали тѣнь;
Веселымъ гласомъ возгремите,
И пойте сей великій день,
Когда въ отеческой коронѣ
Блеснула на Россійскомъ тронѣ
Яснѣе дня Елисаветъ;
Какъ ночь на полдень премѣнилась,
Какъ осень намъ съ весной сравнилась
И тьма произвела намъ свѣтъ.

Въ луга усыпанны цвѣтами
Царица трудолюбныхъ пчелъ,
Блестящими шумя крылами
Летитъ между прохладныхъ селъ;
Стекается оставивъ розы
И сотомъ напоенны лозы

Со тщаніемъ отвсюду рой,
Свою Царицу окружаетъ,
И тѣсно въ слѣдъ ея летаетъ
Усердіемъ вперенный строй.

Подобнымъ жаромъ воспаленный
Стекался здѣсь Россійскій родъ,
И радостію восхищенный
Тѣснясь взиралъ на твой приходъ.
Младенцы купно съ сѣдиною
Спѣшили слѣдомъ за тобою.
Тогда великій градъ Петровъ
Въ едину стогну умѣстился,
Тогда и вѣтръ остановился,
Чтобъ плескъ всходилъ до облаковъ.

Тогда во всѣ предѣлы свѣта
Какъ молнія достигнулъ слухъ,
Что царствуетъ Елисавета
Петровъ въ себѣ имѣя духъ.
Тогда нестройные сосѣды
Отчаялись своей побѣды,
И въ мысли отступали вспять.
Монархиня! кто Россовъ знаетъ,
И ревность ихъ къ тебѣ внимаетъ,
Помыслитъ ли противу стать?

Что Марсъ кровавый не дерзаетъ
Руки своей прострети къ намъ,
Твои онъ силы почитаетъ
И власть подобну небесамъ.
Левъ нынѣ токмо зритъ ограду,
Чѣмъ путь ему пресѣченъ къ стаду.
Но море нашей тишины
Ужѐ предѣлы превосходитъ,
Своимъ избыткомъ миръ наводитъ,
Разлившись въ западны страны.

Европа утомленна въ брани
Изъ пламени поднявъ главу,
Къ тебѣ свои простерла длани
Сквозь дымъ, куреніе и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чѣмъ для блаженства смертныхъ рода,
Всевышній нашъ украсилъ вѣкъ,
Склонилась для ея защиты,
И мечь твой лаврами обвитый
Не обнаженъ войну пресѣкъ.

Европа и весь міръ свидѣтель
Народовъ разныхъ миліонъ,
Колика нынѣ добродѣтель
Россійскій украшаетъ тронъ.
О какъ сіе насъ услаждаетъ,
Что вся вселенна возвышаетъ,

Монархиня, твои дѣла!
Народовъ Твоея Державы
Различна рѣчь, одежда, нравы,
Но всѣхъ согласна похвала.

Единымъ гласомъ всѣ взываемъ,
Что ты защитница и мать,
Твои доброты исчисляемъ;
Но всѣхъ не можемъ описать.
Когда воспѣть щедроты тщимся,
Безгласны красотѣ чудимся.
Побѣды ль славить мысль течетъ,
Какъ пали Готфы предъ тобою?
Но больше мирною рукою
Ты цѣлой удивила свѣтъ.

Весьма необычайно дѣло,
Чтобъ всѣми кто дарами цвѣлъ:
Тотъ крѣпкое имѣетъ тѣло,
Но слабъ въ немъ духъ и умъ не зрѣлъ;
Въ другомъ блистаетъ умъ небесный,
Но домъ себѣ имѣетъ тѣсный,
И духу силъ недостаетъ.
Иной прославился войною,
Но жизнью миръ порочитъ злою,
И самъ съ собой войну ведетъ.

Тебя, Богиня, возвышаютъ
Души и тѣла красоты;
Что въ многихъ раздѣлясь блистаютъ,
Едина всѣ имѣешь ты.
Мы видимъ, что въ тебѣ единой
Великій Петръ съ Екатериной
Къ блаженству нашему живетъ.
Похвалъ пучина отворилась!
Смущенна мысль остановилась,
Что словъ къ тому недостаетъ!

Однако духъ еще стремится,
Еще кипитъ сердечный жаръ,
И ревность умолчать стыдится:
О Муза! усугубь твой даръ;
Гласи со мной въ концы земныя,
Коль нынѣ радостна Россія!
Она коснувшись облаковъ,
Конца не зритъ своей Державы;
Гремящей насыщенна славы,
Покоится среди луговъ.

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими чистыми струями
Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
Сѣдитъ и ноги простираетъ

На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ,
И вкругъ довольства исчисляетъ,
Возлегши лактемъ на Кавказъ.

Се нашею, рекла, рукою
Лежитъ поверженный Азовъ;
Рушитель нашего покою
Огнемъ казненъ среди валовъ;
Се знойные Каспійски бреги,
Гдѣ варварски презрѣвъ набѣги,
Сквозь степь и блата Петръ прошелъ,
Въ средину Азіи достигнулъ;
Свои знамена тамъ воздвигнулъ,
Гдѣ день скрывали тучи стрѣлъ.

Въ моей послушности кртятся
Тамъ Лена, Обь и Енисей,
Гдѣ многіе народы тщатся
Драгихъ мнѣ въ даръ ловить звѣрей;
Едва покровъ себѣ имѣя,
Смѣются лютости Борея;
Чудовищамъ дерзаютъ въ слѣдъ,
Гдѣ верьхъ до облакъ простираетъ,
Угрюмы тучи раздираетъ,
Поднявшись съ дна морскаго ледъ.

Здѣсь Днѣпръ хранитъ мои границы,
Гдѣ Готфъ гордящійся упалъ
Съ торжественныя колесницы,
При коей въ узахъ онъ держалъ
Сарматовъ и Саксоновъ плѣнныхъ,
Вселенну въ мысляхъ вознесенныхъ
Единой обращалъ рукой.
Но палъ и звукъ его достигнулъ
Во всѣ страны, и страхомъ двигнулъ
Съ Дунайской Вислу быстриной.

Въ стѣнахъ Петровыхъ протекаешъ
Полна веселья тамъ Нева,
Златой порфирою блистаешъ,
Покрыта лаврами глава.
Тамъ равной ревностью пылаютъ
Сердца какъ стогны всѣ сіяютъ
Въ исполненной утѣхъ ночи.
О сладкій вѣкъ! о жизнь драгая!
Петрополь небу подражая
Подобны испустилъ лучи.

Сіе Россія восхищенна
Въ веселіи своемъ гласитъ;
Москва едина на колѣна
Упавъ передъ тобой стоитъ
Власы сѣдые простираетъ,
Тебя, Богиня, ожидаетъ,

Къ тебѣ единой вопія:
Воззри на храмы опаленны,
Воззри на стѣны разрушенны;
Я жду щедроты твоея.

Гряди, краснѣйшая денницы,
Гряди, и свѣтлостью лица
И блескомъ чистой багряницы
Утѣшь печальныя сердца,
И время возврати златое.
Мы здѣсь въ возлюбленномъ покоѣ
Къ полезнымъ припадемъ трудамъ.
Отсутствуя ты будешь съ нами:
Покрытымъ Орлими крилами
Кто смѣетъ прикоснуться намъ?

Но естьли гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ;
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верьхъ небесъ къ тебѣ преклонитъ,
И тучи страшныя нагонитъ
Во срѣтенье врагамъ твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предъидетъ ужасъ предъ тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ.

* *
*

Такъ пѣлъ Ломоносовъ, соловей Елисаветина вѣка. Аполлонъ кажется далъ ему свою лиру; природа открыла ему свои таинства; науки озарили умъ его своимъ свѣтомъ; языкъ вручилъ ему ключь отъ своихъ сокровищь. Елисавета съ высоты престола снисхожденіемъ своимъ къ нему и щедротами воспламеняла душу его, часто изливавшуюся въ сихъ и подобныхъ сему восторгахъ:

Какую радость ощущаю?
Куда я нынѣ восхищенъ?
Небесну пищу я вкушаю,
На верьхъ олимпа вознесенъ!
Божественно лице сіяетъ
Ко мнѣ, и сердце озаряетъ
Блистающимъ лучемъ щедротъ!
Коль нужно Флоры здѣсь богатство!
Коль сродно воздуха пріятство
Богинѣ красныхъ сихъ высотъ!

Что жъ се? Діанѣ я прекрасной
Ужѐ послѣдую въ лѣсахъ,
Отъ коей хитростью напрасной
Укрыться хочетъ звѣрь въ кустахъ!
Ужѐ и купно со денницей
Великолѣпной колесницей
Въ безоблачныхъ странахъ несусь!

Блаженство мыслямъ непонятно!
Благополученъ многократно,
Когда нещетнымъ сномъ я льщусь!

Престань сомнѣньемъ колебаться,
Смятенный духъ мой, и повѣрь:
Не ложны то мечтанья зрятся,
Но истинно Петрова дщерь
Къ наукамъ матерьски снисходитъ,
Щедротою въ восторгъ приводитъ.
Ты, Муза, лиру пріими,
И чтобъ услышала вселенна,
Коль жизнь наукамъ здѣсь блаженна,
Возникни, вознесись, греми.

Наконецъ восхищавшая духъ Ломоносова, прославляемая имъ столь долгое время Елисавета преселяется отъ временной жизни къ вѣчной. По краткомъ царствованіи Петра третьяго восходитъ на престолъ Екатерина вторая. Ломоносовъ беретъ лиру и возглашаетъ:

Внемлите всѣ предѣлы свѣта,
И вѣдайте, что̀ можетъ Богъ!
Воскресла намъ Елисавета:
Ликуетъ церьковь и чертогъ.
Она, или Екатерина?
Она изъ обѣихъ едина!

Ея и бодрость и восходъ
Златой наукамъ вѣкъ возставитъ,
И отъ презрѣнія избавитъ
Возлюбленный Россійскій родъ.

Россійскій родъ, коль ты ужасенъ
Въ поляхъ противъ своихъ враговъ;
Толь домъ твой въ нѣдрахъ безопасенъ.
Ты внѣ гроза, ты внутрь покровъ.
Полки сражая, внѣ воюешь;
Но внутрь безъ крови торжествуешь.
Ты буря тамъ, здѣсь тишина.
Умѣренность тебѣ въ кровь бранну,
Въ главу побѣдами вѣнчанну
Отъ трехъ въ сей вѣкъ богинь дана.

Въ иномъ мѣстѣ говоритъ онъ о самомъ себѣ:

Геройскихъ подвиговъ хранитель
И проповѣдатель Парнассъ,
Временъ и рока побѣдитель,
Возвыси нынѣ свѣтлый гласъ,
Приближи къ небесамъ вершины,
И для похвалъ Екатерины,
Какъ наша радость, расцвѣтай.
Шуми ручьями съ гласомъ лиры,
Бореи преврати въ Зефиры,
Представь зимой въ полнощи рай.

Среди торжественнаго звуку
О ревности моей увѣрь,
Что нынѣ чтя Петрову внуку,
Пою, какъ пѣлъ Петрову дщерь.
Ни моего преклонность вѣка,
Что слабитъ духъ у человѣка,
Нижѐ гонящій въ гробъ недугъ,
Ниже завистливы злодѣи,
Чрезъ вредны воспятятъ затѣи
Почтительный къ Монархамъ духъ.

Впрочемъ Ломоносовъ сколько по остротѣ ума своего умѣлъ хвалить царей и возвышать ихъ славу, столько же по благородству души своей и усердію къ нимъ умѣлъ влагать въ уста ихъ царскія мысли. Елисавета говоритъ у него:

Я Россовъ щастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.

или:

Владѣть хочу Зефира тише;
Мои всѣ мысли и залогъ
И воля данная мнѣ свыше
Въ устахъ прощенье, въ сердцѣ Богъ.

Не рѣдко давалъ онъ имъ смѣлые, но полезные и спасительные совѣты, какихъ языкъ льстиваго и лукаваго сердца никогда не скажетъ:

Услышьте судіи земные,
И всѣ державные главы:
Законы нарушать Святые,
Отъ буйности блюдитесь вы,
И подданныхъ не презирайте;
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу;
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

И потомъ, обращая вниманіе ихъ на подвластныхъ скипетру ихъ людей, присовокупляетъ:

Любите ихъ, любите вѣру:
Она свирѣпости узда,
Сердца народовъ сопрягаетъ
И вамъ ихъ вѣрно покаряетъ
Твердѣе всякаго щита.

Итакъ мы видимъ, что въ Ломоносовѣ даръ стихотворства изощренъ науками, утвержденъ трудолюбіемъ, обогащенъ знаніемъ языка своего, соединенъ съ любовію къ оте-

честву, съ усердіемъ и вѣрностію къ престолу, съ благоговѣніемъ къ вѣрѣ. Таковъ долженъ быть писатель! безъ наукъ и труда, безъ кротости во нравѣ и благомыслія въ душѣ, огонь ума есть не иное что, какъ пожирающій добродѣтели пламень, ослѣпляющій лжесіяніемъ своимъ взоры малодушія и легкомыслія, не способный просвѣщать, ни утѣшать смертныхъ, и не могущій никогда водвориться въ храмъ истинной славы. Да погибнетъ разумъ безъ благонравія, мудрость безъ правды, даръ слова безъ честности, острота ума безъ добродушія! — Главная сила и способность Ломоносова состояла въ Лирическихъ твореніяхъ; однако жъ и въ Эпическомъ пѣснопѣніи оказалъ онъ превосходный талантъ. Онъ началъ писать поэму Петръ Великій, но смерть пресѣкла его труды. Онъ окончилъ только двѣ пѣсни, изъ которыхъ видно, что ежели бы судьба допустила его совершить весь трудъ, то безъ сомнѣнія исправленный и полный сталъ бы онъ на ряду съ тѣми поэмами, которыхъ рука времени безсильна сокрушить. Онъ начинаетъ поэму свою слѣдующимъ изображеніемъ воспѣваемаго имъ мужа:

Пою премудраго Россійскаго героя,
Что грады новыя, полки и флоты строя,

От самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ
войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь, и внѣ попралъ
противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и
льстивныхъ,
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ
И міръ дѣлами весь и зависть удивилъ.

По семъ краткомъ и вѣрномъ исчисленіи дѣлъ Петровыхъ, вмѣсто Аполлона и Музъ, обращается онъ къ премудрости, и призывая ее на помощь, говоритъ:

Къ тебѣ я вопію, премудрость безконечна,
Пролей свой лучь ко мнѣ, гдѣ искренность
сердечна,
И полонъ ревности спѣшитъ въ восторгѣ духъ,
Петра Великаго гласить вселенной въ слухъ,
И показать, какъ онъ превыше человѣка
Понесъ труды для насъ неслыханны отъ вѣка;
Съ какимъ усердіемъ отечество любя,
Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя:
Да на его примѣръ и на дѣла велики
Смотря весь смертныхъ родъ, смотря земны
владыки,
Познаютъ, что Монархъ, и что отецъ прямой,

Строитель, плаватель, въ поляхъ, въ моряхъ
герой.
Дабы Россійскій родъ во вѣки пóмнилъ твердо,
Коль, небо! ты ему явилось милосердо.
Ты мысль мнѣ просвѣти, дѣлами Петръ
снабдитъ,
Велика дщерь Его щедротой оживитъ.

Послѣ сего прекраснаго воззванія обращаясь къ царствующей тогда Елисаветѣ, дочери Петровой, продолжаетъ:

Богиня, коей власть владычествъ всѣхъ превыше,
Державство кроткое весны прекрасной тише,
И къ подданнымъ любовь всѣхъ вышній есть
законъ,
Ты внемлешь съ кротостью мой слабый лирный звонъ:
Склони, склони свой слухъ, когда я предъ
Тобою
Дерзаю возгласить военною трубою
Тебя родившее велико божество!
О море! о земля! о тварей естество!
Монархини моей вы нраву подражайте,
И гласу моему со кротостью внимайте.

Потомъ по описаніи бури, постигшей Петра Великаго въ плаваніи по Бѣлому морю, и которую изображаетъ онъ такими же бурными, какъ сама она, стихами:

Закрылись крайніе пучиною лѣса;
Лишь съ моремъ видны вкругъ сліянны небеса.
Тутъ вѣтры сильные имѣя флотъ во власти,
Со всѣхъ сторонъ сложась къ погибельной напасти,
На западъ и на югъ, на сѣверъ и востокъ
Стремятся и вертятъ мглу, влагу и песокъ;
Перуны мракъ густой сверкая раздѣляютъ,
И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ;
Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ,
Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣлъ.

По описаніи, говорю, сей бури, прерываетъ онъ повѣствованіе свое, и какъ бы при началѣ утомленный уже великостію труда своего, возглашаетъ къ читателямъ:

О вы рачители и слушатели словъ,
Въ которыхъ подвигъ вамъ пріятенъ есть Петровъ,
Едина истинна возлюбленна и сродна,
Отъ вымысловъ краса Парнасскихъ не угодна!
Позвольте между тѣмъ, чтобъ слаба мысль моя

И голосъ опочилъ, труды его поя.
Въ Кастальски рощи я не съ тѣмъ себя склоняю,
Что оным тамъ сыскать красу и силу чаю;
Ключи, источники, долины и цвѣты
Не могутъ дѣлъ его умножить красоты,
Собой они красны, собой они велики;
Отважась въ долгій путь, гдѣ трудности толики,
Ищу, чтобъ иногда имѣть себѣ покой;
Въ убѣжища сіи склонитесь вы со мной,
Дабы яснѣе зрѣть съ высокихъ мѣстъ и красныхъ
Петра въ волнахъ, во льдахъ, въ огнѣ, въ бѣдахъ ужасныхъ,
И славы истинной въ блистающихъ лучахъ.
Какое зрѣлище мечтается въ очахъ?
Я на земли стою, но страхомъ колебаюсь,
И чаю, что въ волнахъ свирѣпыхъ погружаюсь!
Мнѣ всякая волна быть кажется гора,
Что съ ревомъ падаетъ обрушась на Петра.

Въ описаніяхъ и вымыслахъ своихъ не уступаетъ онъ знаменитѣйшимъ пѣснопѣвцамъ. Таково, напримѣръ, описаніе солнца въ большихъ широтахъ, гдѣ на морѣ можно видѣть его въ полуденной и полуночной вывысотѣ, также и вымышленное Нептуново жилище:

Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
Какъ пламенна гора казалось межъ валовъ,
И простирало блескъ багровой изъ за льдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верьхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ
въ очи.
Отъ сѣвера стада морскихъ приходятъ чудъ
И воду вихрями крутятъ, и къ верьху бьютъ,
Предшествуя Царю пространныя пучины,
Что двинулся къ Петру, ошибкою повинный,
Изъ глубины своей, гдѣ царствуетъ на днѣ.
Въ недосягаемой отъ смертныхъ сторонѣ,
Между высокими кремнистыми горами,
Что мы по зрѣнію обыкли звать мѣлями,
Покрытый золотымъ пескомъ простерся долъ;
На томъ сего Царя палаты и престолъ.
Столпы вокругъ его огромные кристаллы,
По коимъ обвились прекрасные кораллы.
Главы ихъ сложены изъ раковинъ витыхъ,
Превосходящихъ цвѣтъ дуги межъ тучъ
густыхъ,
Что кажетъ укротясь намъ громовая буря;
Помостъ изъ аспида и чистаго лазуря.
Палаты изъ одной изсѣчены горы;
Верьхи подъ чешуей великихъ рыбъ бугры;
Уборы внутренни покровъ черепокожныхъ,
Безчисленныхъ звѣрей, во глубинѣ возможныхъ.

Тамъ тронъ жемчугами усыпанный янтарь;
На немъ сидитъ волнамъ сѣдымъ подобенъ царь.
Въ заливы, въ Океанъ десницу простираетъ,
Сафирнымъ скипетромъ водамъ повелѣваетъ.
Одежда Царская порфира и виссонъ,
Что сильныя моря несутъ ему предъ тронъ.
Ни мразы, ни борей туда не досягаютъ,
Лишь солнечны лучи сквозь влагу проницаютъ.
Отъ хлябей сихъ и безднъ владѣтель водъ возникъ:
Воздвигли радостной морскія птицы кликъ.
Онъ въ слѣдъ къ пловущему герою обратился,
И новости судовъ Петровыхъ удивился.

Двѣ пѣсни сей поэмы, не взирая на нецѣлость свою, и нѣкоторыя не вычищенныя въ нихъ небрежности, останутся въ Россiйской словесности безсмертными, равно какъ и письмо къ Шувалову о пользѣ стекла, собранiемъ доказательствъ, ученостiю разсужденiй, и красотою стиховъ превосходное. Ломоносовъ испыталъ силы свои и въ драматическихъ сочиненiяхъ. Онъ написалъ двѣ трагедiи; но въ семъ родѣ талантъ его повиновался больше разуму, нежели сердцу. Онъ вмѣсто изображенiя страстей человѣческихъ увлекался склонностiю звучать и гремѣть. Однакожъ и въ нихъ, тамъ, гдѣ приходилось ему говорить сво-

имъ языкомъ, есть сильныя мѣста и великолѣпныя описанія. Такъ, напримѣръ изображаетъ онъ смерть Мамаеву:

Какъ тигръ ужь на копьѣ хотя ослабѣваетъ,
Однако посмотрѣвъ на раненой хребетъ,
Глазами на ловца кровавыми сверкаетъ,
И ратовище злясь въ себѣ зубами рветъ;
Такъ мечь въ груди своей схватилъ Мамай рукою;
Но палъ и трясучись о землю тыломъ билъ,
Изъ раны чорна кровь ударилась рѣкою;
Онъ очи злобныя на небо обратилъ,
Разинулъ челюсти; но гласа не имѣя,
Со скрежетомъ зубнымъ извергнулъ духъ во адъ.

Или въ Демофонтѣ расказъ Мемноновъ Полимнестору:

За полгода предъ симъ, когда здѣсь не былъ слухъ,
Гдѣ съ воинствомъ тебя водилъ геройскій духъ;
И послѣ какъ пришла во градъ сей вѣсть плачевна,
Что Трою рушила въ конецъ судьбина гнѣвна;
Внезапно солнца видъ на всходѣ сталъ багровъ
И тусклые лучи казалъ изъ облаковъ.
Отъ берегу въ дали пучина почернѣла,

И буря къ намъ съ дождемъ и съ градомъ налетѣла.
Напала мгла какъ ночь, ударилъ громный трескъ,
И мрачность пресѣкалъ лишь частыхъ молній блескъ.
Поднявъ сѣды верьхи, стремились во́лны яры,
И берегъ заревѣлъ, почувствовавъ удары.
Тогда сквозь мракъ едва увидѣть мы могли,
Что съ моря бурный вихрь несетъ къ намъ корабли,
Которы лютость водъ то въ пропастяхъ скрываетъ,
То вздернувъ на бугры, порывисто бросаетъ;
Раздранны парусы пловцы отдавъ вѣтра́мъ,
Ужъ ру́ки подняли къ закрытымъ небесамъ.
Мы чаяли тогда Енеева прихода
Съ остатками Троянъ, нещастнаго народа.
Объята жалостью, подвигнута бѣдой,
Царевна на берегъ безъ страху шла за мной.
Тутъ алчный понтъ пожралъ три корабля предъ нами,
И въ части раздробивъ, извергъ на брегъ волнами.
Увидѣвъ, что съ водой тамъ бьется человѣкъ,
Съ рабами я спѣшилъ и на песокъ извлекъ.
Онъ очи смутныя со страхомъ обращая,
И томныя уста чрезъ силу отверзая,
Къ Филидѣ, обливкись слезами, говорилъ:

Когда небесный гнѣвъ меня такъ поразилъ,
То я ужѐ взирать на небо не дерзаю;
Къ тебѣ, Богиня ты, иль смертна, прибѣгаю,
Или, какъ чаю сихъ владычица бреговъ,
Покрой насъ и превысь щедротою боговъ.
Царевна таковымъ подвиглась жалкимъ слу-
хомъ,
И нѣжнымъ преклонясь отвѣтствовала ду-
хомъ:
Спокоенъ будь теперь, и отложи весь страхъ:
Не варварски сердцà родятся въ сихъ мѣстахъ.
Хотя не знаемъ мы, какого ты народа,
Но бѣднымъ помогать велитъ сама природа.

Мѣлкія сочиненія его имѣютъ въ себѣ также много замысловатости и пріятности. Онъ не приготовясь, по сдѣланному нечаянно ему предложенію, написалъ на спускъ корабля Александра Невскаго слѣдующіе стихи:

Гора что горизонтъ на сушѣ закрывала,
Внезапно съ бéрегу на быстрину сбѣжала,
Между палатъ стоитъ, гдѣ былъ недавно лѣсъ.
Мы веселимся здѣсь въ срединѣ сихъ чудесъ;
Но мы бы въ лодочкѣ на лужѣ тутъ сидѣли,
Когда бъ Великаго Петра мы не имѣли.

Въ одно время ѣздя часто въ Петергофъ съ прозбою, на которую долго не получалъ онъ удовлетворенія, изъявилъ онъ скуку свою слѣдующими стихами:

Кузнечикъ дорогой, коль много ты блаженъ;
Коль больше предъ людьми ты щастьемъ одаренъ!
Препровождаешь жизнь межъ мягкою травою,
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многихъ ты въ глазахъ презрѣнна тварь;
Но въ самой истиннѣ ты передъ нами царь,
Ты Ангелъ во плоши; иль лучше ты безплотенъ!
Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ,
Что видишь, все твое; вездѣ въ своемъ дому,
Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому.

Но я примѣчаю, что дѣлая выписки изъ Ломоносова, невольно увлекаешься красотою его стиховъ, и не примѣтнымъ образомъ выступаешь изъ предписанныхъ себѣ для чтенія предѣловъ. Итакъ прервемъ о немъ бесѣду, умолчимъ о письмѣ его къ Шувалову, о похвальныхъ словахъ, и о другихъ многихъ въ немъ примѣрахъ превосходнаго стихотворства и краснорѣчія, и въ заключеніе скажемъ только, что сей классиче-

скій писатель, украшеніе нашей словесности, умствующій вняшно, справедливо, нравоучительно; громкій съ ясностію, великолѣпный безъ напыщенія, строгій въ точности изображеній, въ сходствѣ подобій, въ порядкѣ теченія мыслей, въ разборчивой приличности значенія и благогласія словъ, долженъ быть образцемъ учащемуся краснорѣчію юношеству. Руководствуемое имъ, оно можетъ придти туда же гдѣ онъ, въ святилище наукъ, въ храмъ славы; но избирая различный отъ него путь, и въ украшеніяхъ, и въ языкѣ, и въ слогѣ, опасно, чтобъ оно не зашло со всѣмъ въ другую сторону. Да не будетъ сего! да не умираютъ никогда между нами Ломоносовы; ибо безъ помраченія ума, безъ оскудѣнія знаній, безъ упадка языка и словесности, они умирать не могутъ.

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕ.

По прочтеніи въ Бесѣдѣ сего разбора одъ Ломоносова не однократно случалось мнѣ слышать о немъ нѣкоторые противные сему толки, и даже читать въ печатныхъ книгахъ тѣмъ же самымъ одамъ его разборы, основанные на подобныхъ же сужденіяхъ. Не льзя не удивляться превратному

понятію о Словесности многихъ нынѣшнихъ писателей и читателей. Вмѣсто чтобъ пользоваться предшествовавшими намъ творцами, мы, не достигая до ихъ познаній, не только не хотимъ заимствовать отъ нихъ искуства писать, но увлекаемые самонадѣяніемъ думаемъ, что когда мы не соображаясь ни съ языкомъ своимъ, ни съ правилами краснорѣчія, начнемъ хулить старое и хвалить новое, то симъ единымъ превознесемся надъ всѣмъ прежнимъ. Ложная и обманьчивая мысль! она ведетъ насъ не къ чести и славѣ, но къ открытію нѣкогда нашего самолюбія и нашихъ заблужденій. Не должно полагать, что даръ стихотворства всегда соединенъ съ познаніемъ справедливаго сужденія о красотахъ и погрѣшностяхъ сочиненій. Часто хорошій стихотворецъ бываетъ худымъ судіею, и напротивъ хорошій судія худымъ стихотворцемъ. Оба сіи качества много между собою различествуютъ: одно требуетъ приличныхъ украшеній и пылкости воображенія, другое хладнокровнаго и здраваго суда. Одно играетъ и звучитъ; другое доказываетъ и объясняетъ. Стихотворцу простительна самонадѣянность, критику не простительна: онъ хочетъ изобличеніемъ одного учить другихъ, и слѣдовательно прежде, нежели примется за перо, надлежитъ ему быть

увѣрену въ своей правотѣ. Доказательства его должны быть ясны, точны, безпристрастны. Приступая къ показанію превосходныхъ или небрежныхъ мѣстъ въ писателѣ, а особливо ученомъ и знаменитомъ, онъ долженъ сказать о себѣ, какъ въ подобномъ случаѣ сказалъ нѣкоторый Французскій критикъ: *je ne l'ai point hasardée sans y avoir mûrement réfléchi*, т. е. я бы безъ зрѣлаго разсужденія сдѣлать сего не осмѣлился. Таковыя разсмотрѣнія, когда дѣйствительно исполнены будутъ съ размышленіемъ и безпристрастіемъ, могутъ приносить въ словесности пользу; но естьли разбиратель, ослѣпляясь самонадѣяніемъ и не давъ себѣ должнаго труда, будетъ думать, что для оцѣнки изящнѣйшихъ стихотвореній довольно одной его безъ всякихъ доводовъ похвалы или хулы, то такая критика легка, неосновательна, и можетъ принести много вреда тѣмъ, которые, по началу упражненія своего въ словесныхъ наукахъ, повѣрятъ ей. Подобный разборъ одъ Ломоносова, изданный въ свѣтъ, находимъ мы въ слѣдующихъ о немъ сужденіяхъ.

Ломоносовъ, почитая смерть Петра Великаго горестнымъ приключеніемъ для Музъ, обрадованныхъ однакожъ возшествіемъ на Престолъ Дщери Его Елисаветы, восклицаетъ:

Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести парнассъ?
О коль согласно тамъ брящаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики;
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова Дщерь
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ,
И къ щастью отверзаетъ дверь.

Толкователи языка и оцѣньщики стиховъ его пишутъ:,, стихи *всей строфы* не ,,имѣютъ ничего особеннаго, кромѣ обыкно- ,,венной правильности, которая, естьли ,,нынѣ перестала быть первымъ достоин- ,,ствомъ слога, то по крайней мѣрѣ во вре- ,,мя Ломоносова составляла и новую и удив- ,,ляющую *заслугу*. Слова: *довольство усугуб-* ,,*ляютъ*, *покрываютъ лики холмы*, *къ щастью* ,,*отверзаютъ дверь*, могутъ быть замѣчены, ,,какъ неприличные.“—Что такое *не имѣютъ ничего особеннаго, кромѣ обыкновенной правильности?* Какой особенности Г. Критикъ требуетъ въ стихахъ? для чего не объяснилъ, въ чемъ оная состоять долженствуетъ? Слово *особенность*, само собою, того не показываетъ. Слѣдующіе стихи, поднесенные нѣкогда одному изъ военачальниковъ, осматривавшихъ войско:

Андрей Петровичъ,
Умовъ Умовичъ,
Твой Кригсъ-Капитанъ,
Бьетъ тебѣ въ барабанъ,
Транъ транъ шараранъ,

имѣютъ не малую особенность, не ужъ ли же они лучше обыкновенныхъ стиховъ Ломоносова? — что такое: *нынѣ обыкновенная правильность перестала быть достоинствомъ слога?* первое, какая въ наукѣ краснорѣчія, или въ какой бы то ни было, можетъ быть *обыкновенная* или *необыкновенная правильность?* слово *правильность* означаетъ *правое* (т. е. прямое, а не кривое) свойство вещи, которое не льзя ни уменьшить, ни увеличить, поелику оно тогда разрушится и будетъ *неправильность.* Второе, по общему понятію и здравому разсудку, *правильность слога*, то есть соблюденіе свойствъ языка и Грамматическихъ правилъ, всегда была, и должна всегда быть первѣйшимъ достоинствомъ всякаго сочиненія, и даже разговора, то какимъ же образомъ *нынѣ перестала она быть главнымъ достоинствомъ?* и можетъ ли съ пренебреженіемъ правильности въ слогѣ быть въ немъ какое либо достоинство? такое заключеніе о нынѣшнихъ писателяхъ есть больше хула, нежели похвала. *Во время Ломоно-*

сова (продолжаетъ критикъ) *составляла она* (т. е. правильность) *и новую и удивляющую заслугу.* Но правильность въ языкѣ и слогѣ никогда не была *новою;* она всегда и до временъ Ломоносова не преставала быть нужною и необходимою, никто ей не *удивлялся*, и не называлъ *заслугою.* Говорить такимъ темнымъ и нечистымъ языкомъ о Ломоносовѣ, что онъ не зналъ кромѣ обыкновенной правильности, почитавшейся въ его времена первымъ достоинствомъ слога, которое нынѣ перестало быть достоинствомъ; называть безъ всякаго основанія и безъ всякихъ доказательствъ выраженія его *неприличными*, искажать ихъ противъ подлинника, не наблюдать ни въ мысляхъ ясности, ни въ словахъ соотвѣтственности, вотъ что по истинѣ есть *новое* и доселѣ не бывалое! замѣчанія наши конечно укоризненны, но между тѣмъ совершенно справедливы: ибо что такое *неприличное* въ выраженіи: *Великая Петрова Дщерь довольство Музъ усугубляетъ?* на что единственное число перемѣнять въ множественное: *усугубляютъ?* что такое *не приличное* въ выраженіи: *всѣ холмы покрываютъ лики?* оно конечно не есть отличное, однакожъ не худое, и поддерженное послѣдующимъ за нимъ стихомъ: *въ долинахъ раздаются клики.* На что искажать

оное, превращая въ безтолковое: *покрываютъ лики холмы?* Что такое *неприличное* въ выраженіи: *къ щастью отверзаетъ дверь?* на что и здѣсь глаголъ *отверзаетъ* перемѣнять въ *отверзаютъ?* для того развѣ, чтобъ ясную Ломоносова мысль запутать и сдѣлать не ясною? въ Священныхъ молитвахъ читаемъ мы: *Милосердія двери отверзи намъ:* гдѣ же и въ чемъ состоитъ неприличіе? кажется довольно изъ сего можно почувствовать, что подобная критика не покажетъ намъ ни достоинствъ, ни погрѣшностей Ломоносова. Но посмотримъ еще нѣсколько. Въ стихахъ:

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнитъ сраженьямъ можетъ воинъ.

Критикъ замѣчаетъ: *сравнить сраженьямъ*—Латинизмъ. и вскорѣ потомъ восхищается стихами о рѣкѣ Ленѣ, а особливо сими послѣдними.

И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю шириной.

Чтожъ значитъ прежнее замѣчаніе его: *Латинизмъ?* развѣ здѣсь не тотъ же самый употребленъ падежъ? хулить и хвалить одно и тоже показываетъ великую неосновательность. О строфѣ:

Се мрачной вѣчности запону
Надежда отверзаетъ намъ;
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ,
И море тщится уступить:
Колумбъ Россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы.
Твои щедроты возвѣстить.

Критикъ разсуждаетъ:,, стихи не очень щасшливы (почему? гдѣ доказательства на то?),, *запóна* нынѣ не употребляется,"—(гдѣ не употребляется? въ разговорахъ; но развѣ книги запрещено читать?) Слово *запóна* было и во время Ломоносова не больше употребительно, какъ и нынѣ; но онъ не усумнился поставить его. Отселѣ заключить должно, что онъ разсуждалъ о словахъ не по одной только наслышкѣ изъ народныхъ разговоровъ, но по силѣ значенія ихъ въ языкѣ и приличія въ слогѣ. Языкъ и книги показывали ему, что отъ глагола *запинаю* произошли имена *зáпонъ*, *зáпонки*, *запóна*. Первыя два общенародныя: *зáпонъ* у повара, у кузнеца, и проч. (замѣняемое иностраннымъ словомъ *фартукъ*); *зáпонками* застегиваются; *запóна* меньше общенародное для того, что вмѣсто онаго обыкновен-

но употребляют слова *занавѣсъ*, *занавѣска*. Ломоносов въ семъ послѣднемъ смыслѣ долженъ былъ избрать слово. Онъ избралъ меньше употребительное *запо́на*, оставя больше употребительныя, и потому самому въ важномъ слогѣ меньше приличныя, *занавѣсъ*, *занавѣска*. Изъ сего явствуетъ, что судъ Ломоносова о словахъ основанъ былъ на разсудкѣ: онъ оцѣнялъ слово по коренному его значенію, а не просто по наслышкѣ отъ частаго упоминанія въ обыкновенныхъ разговорахъ. Сверхъ того вѣроятно, онъ думалъ: мѣшаетъ ли языку изобиліе словъ, хотя и тоже значащихъ, однакожъ одно отъ другаго отличающихся важностію и простотою? не лучше ли писателю, а особливо критику, распространять знанія свои по мѣрѣ обширности языка, нежели обрѣзывать языкъ по мѣрѣ знаній своихъ? Мы бы не распространились такъ много объ одномъ словѣ, ежелибъ не почитали за нужное показать, что сужденіе Ломоносова о словахъ и слогѣ было по видимому весьма различно съ сужденіемъ многихъ нынѣшнихъ писателей и критиковъ. Г. критикъ продолжаетъ: „подъ слѣдующими стихами (гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону, премудрость тамо зиждетъ храмъ) кажется Авторъ *хотѣлъ разумѣть* страны дикихъ и кочующихъ народовъ; но это все непонятно.“—Какъ *хотѣлъ разумѣть?* критико-

вать Ломоносова, и не знать, что онъ говорить не о какихъ то странахъ дикихъ и кочующихъ народахъ, но именно объ Америкѣ. Хотя бы Г. критикъ и не слыхалъ о весьма извѣстномъ покушеніи мореплавателей нашихъ открыть чрезъ Сѣверъ путь въ Америку, то бы изъ послѣднихъ сей строфы стиховъ:

Колумбъ Россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ незнаемы народы,

могъ догадаться, что здѣсь говорится о бывшей Экспедиціи Чичагова. Чтожъ тутъ непонятнаго?—,,Слѣдующіе стихи (продолжаетъ критикъ) останутся превосходнѣйшими по своей быстротѣ и силѣ:

Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ;
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ.

Похвала должна также имѣть свои доказательства, какъ и хула. Стихи сіи конечно плавны, хороши, украшены олицетвореніемъ: невѣжество *блѣднѣетъ*, и приличнымъ замѣненіемъ настоящаго слова иносказательнымъ: влажный флота путь *бѣлѣетъ* (вмѣсто *пѣнится*); но чтобъ въ нихъ была отмѣнная быстрота и сила, сего не видно. По крайней мѣрѣ надлежало бы объяснить, въ чемъ, по мнѣнію критика, состоитъ сія быстрота и сила. Критикъ обязанъ не про-

сто мнѣніе свое объявлять, но доказывать оное. О слѣдующей потомъ достойной Ломоносова строфѣ:

Тамъ тьмою островов посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ Океанъ;
Небесной синевой одѣянъ
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ арамотныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ
Не знаютъ строгія зимы.

критикъ продолжаетъ разсуждать: „что касается до четырехъ первыхъ стиховъ, то мнѣ они кажутся также немного непонятны. Не значитъ ли это: тамъ Океянъ, засѣянный островами, по множеству ихъ„... (не возможно удержаться, чтобъ не прервать здѣсь рѣчь и не воскликнуть: *Океанъ засѣянный островами, по множеству ихъ!* Какой языкъ и симъ то языкомъ осуждается языкъ Ломоносова!)... „Подобенъ рѣкѣ или многимъ рѣкамъ; тамъ и самой воронъ, одѣянный небесною синевой можетъ посрамить павлина, и проч.„—(объявить толь ясные стихи непонятными, пересказать худою прозою смыслъ ихъ, и потомъ вопрошать: не то ли это значитъ? Какъ! это называется кри-

тикою! разборомъ стихотвореній Ломоносова! оцѣнкою его достоинствъ! признаюсь, трудно воздержаться отъ восклицаній; но посмотримъ далѣе. Критикъ продолжаетъ): —,,какая разность въ слѣдующихъ шести стихахъ! но могутъ быть замѣчены критикою слова: *разныхъ*, *пестротою* превышающіе одежду *нѣжныя* весны; ибо тутъ кажется нѣтъ надлежащей *нѣжности* и выбора словъ.,,—Опять духъ мой порывается къ восклицаніямъ. Читатель позволь мнѣ отдохнуть. Здѣсь столько представляется противнаго моимъ понятіямъ, что я не знаю съ чего начать. Какъ! назвать четыре первые стиха не понятными, и сказать о шести прочихъ: *какая разность!* слѣдовательно предполагать въ нихъ отмѣнную красоту, превосходство. Я ожидаю услышать въ чемъ состоитъ сія отличная красота и къ удивленію моему читаю, что они по сказанію критика ни куда не годятся! ибо онъ, не взирая на прежнюю похвалу свою, находитъ въ нихъ и слова и мысли не свойственныя. А когда въ шести короткой мѣры стихахъ слова поставлены безъ выбора и мысли погрѣшительны, то мудрено ихъ назвать прекрасными. Здѣсь критикъ самъ съ собою не согласенъ, и, такъ сказать, собственное свое утвержденіе отрицаетъ. Худой способъ критиковать! Но посмотримъ, на

чемъ основываетъ онъ мнимыя свои доказательства: ему не понравилось, не извѣстно по какой причинѣ, слово *разныхъ*; но оно весьма нужно, поелику стихотворецъ говоритъ о *птицахъ питающихся въ рощахъ* и *плавающихъ въ струяхъ*. Не ужъ ли между сими двухъ родовъ птицами нѣтъ *разности?* сверхъ того онѣ могутъ и перьями и породою и величиною быть *разныя*, и такъ да позволитъ намъ Г. критикъ остаться о приличіи сего слова при нашемъ, а не при его мнѣніи. Далѣе не понравилось ему выраженіе, что птицы *пестротою* превышаютъ одежду *нѣжныя* весны. Онъ не находитъ тутъ *надлежащей нѣжности и выбора словъ*. Здѣсь надобно закричать *караулъ! рѣжутъ!* какъ! отнимать у весны *нѣжность*, у одежды ея *пестроту?* да кудажъ дѣнутся лучезарное сіяніе, прохладные вѣтерки, благорастворенный воздухъ? Куда дѣнутся зеленые ковры травъ, синіе, желтые, бѣлые, голубые, розовые цвѣты? Заключимъ изъ всего вышесказаннаго, что лучше бы сперва поучиться у Ломоносова языку и выбору словъ, и потомъ дѣлать опыты надъ критикою. У него не только *разныя птицы пестротою превышаютъ одежду нѣжныя весны*, но и *плаваютъ въ струяхъ пріятныхъ, не зная строгія зимы*. Выраженія сіи, далеко отъ чего либо несвойственнаго или небреж-

наго, дышутъ нѣжностію весны, разстилаютъ многоцвѣтныя долины предъ очами, и тѣмъ болѣе услаждаютъ воображеніе, что въ противуположность имъ упоминается о *строгой зимѣ*, снѣдающей мразами своими всѣ ея прелести.

Но довольно сего. Окончимъ. Я по истиннѣ съ крайнимъ сожалѣніемъ изобличаю Г. критика, заслуживающаго по другимъ обстоятельствамъ болѣе уваженія; но любя языкъ мой и видя неправыя его о немъ сужденія, почитаю долгомъ предостеречь молодыхъ людей, чтобъ они не имѣли слѣпой довѣренности къ симъ мнимымъ Квинтиліянамъ, которые тѣмъ больше могутъ быть вредны, что одарены нѣкоторыми талантами, внушающими имъ толь самолюбивое о себѣ мнѣніе, что они думаютъ уже быть верховными всему судіями. Они хотятъ увѣрить что Гомеръ и Виргилій ни что безъ ихъ одобренія. Не слышимъ ли мы нѣкоторыхъ мѣлкихъ журналистовъ, мечтающихъ что они критиками своими, состоящими въ нелѣпыхъ толкахъ и дерзкихъ браняхъ, поправили языкъ, очистили слогъ, и научили вкусу? Такъ комаръ, сидя на спинѣ лошади, которая везла тяжелый возъ, слетѣлъ съ нее, и думалъ, что ежели бы онъ сего не сдѣлалъ, то лошадь упала бы подъ бременемъ. Къ поддержанію наглости таковыхъ критикъ обыкно-

венно говорятъ: критика во всякомъ случаѣ полезна, хорошая наставитъ, исправитъ, а худой будутъ смѣяться. Нѣтъ! сіе разсужденіе весьма ошибочно: едва ли худая не больше приноситъ вреда, нежели хорошая пользы. Кто знаетъ цѣну хорошей критики, тотъ уже и самъ силенъ въ языкѣ и наукѣ краснорѣчія; но кто еще не довольно въ томъ утвержденъ, тотъ худую приметъ за хорошую, и утвердится въ ложныхъ понятіяхъ. Зло сіе, равно какъ и другія нравственныя злы, сообщаясь отъ одного къ другому растетъ и умножается. Умъ не всегда ограждаетъ насъ отъ заблужденій: онъ часто самъ временнымъ безуміямъ своимъ удивляется. Ничто не приноситъ столько вреда языку и словесности, какъ распространеніе ложнаго мнѣнія, что прежній языкъ нашъ былъ худъ, труденъ для простаго слога, и что потому надлежитъ истребить изъ него всѣ важныя, по ихъ названію *Славенскія* слова, и вездѣ замѣнять ихъ обыкновенными, простыми, которыя называютъ они *Рускими* словами. Мнѣніе сіе, какъ ни ложно, однакожъ имѣетъ нѣкоторое основаніе; ибо дѣйствительно потребно не малое знаніе для употребленія словъ, не токмо по точности ихъ смысла, но сверхъ того и по важности или простотѣ имъ свойственной. Оно требуетъ отъ

писателя великаго искуства и прилѣжнаго чтенія старинныхъ книгъ, въ которыя рѣдко заглядываютъ, и даже стараются вводить ихъ въ презрѣніе. Отселѣ происходитъ, что слогъ новѣйшихъ писателей часто подобенъ бываетъ городу, въ которомъ между француских и нѣмецкими домиками стоятъ иногда готическія зданія, иногда крестьянскія избы. Должно ли силу и достоинство языка разрушать для того, чтобъ подвесть оныя подъ ограниченность знанія писателей? Должно ли писателямъ симъ вѣрить и почитать ихъ законодателями въ языкѣ? Мнѣ случалось не однократно слышать, что сами учители, преподавая ученикамъ своимъ уроки изъ риторики, слѣдующіе Ломоносова прекрасные стихи, въ которыхъ олицетворяя Россію говоритъ онъ:

Сѣдитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ
И вкругъ довольства исчисляетъ,
Возлегши лактемъ на Кавказъ.

Сами, говорю учители, читая стихи сіи, произносятъ, вмѣсто сѣдитъ, *сидитъ*; вмѣсто веселый, *весёлый;* вмѣсто лактемъ, *локтемъ*. Чемужъ научатъ они учениковъ

своихъ, когда не чувствуютъ сего грубаго искаженія языка? Мнѣ кажется, давъ Россіи толь величавый видъ, стольkожъ не хорошо сказать о ней *сидитъ*, сколько о курицѣ: *сѣдитъ на яицахъ*; стольkожъ худо въ важномъ слогѣ произносить: *возлегши локтемъ на Кавказъ* (вмѣсто лактемъ.), сколько въ простой рѣчи, такой на примѣръ, *какъ ударь его по локтю*, сказать: *ударь его по лактю.* Вотъ трудности языка нашего, не встрѣчаемыя или меньше встрѣчаемыя въ другихъ языкахъ, и не преодолимыя для тѣхъ писателей, которые чрезъ чтеніе Священныхъ книгъ не утвердятъ себя въ немъ. Ежели мы сего приличія словъ разбирать не станемъ, то со всею своею *эстетикою, филотехніею, филологіею,* и прочими *филами* и *логіями,* далеко отстанемъ отъ нашихъ предковъ, которые, хотя и мало или совсѣмъ не упражнялись въ свѣтскихъ сочиненіяхъ (можетъ быть истребившихся и не достигшихъ до насъ), однакожъ въ духовныхъ витійствовали, гремѣли, возносились высоко мыслями, и вмѣстѣ съ правильностію слога знали, гдѣ говорить *ладонь, правая рука, огонь, севодня* и проч. и гдѣ *длань, десница, огнь, днесь,* и проч., они не называли сихъ словъ *Славенскими, не употребительными,* не вооружались противъ нихъ, не говорили, что ихъ надобно истреблять, выкидывать изъ языка.

Толь странная мысль, чтобъ подъ предлогомъ очищенія языка забыть лучшую великолѣпнѣйшую часть онаго, единственно для того, дабы Рускимъ языкомъ говорить по Французски, никогда не приходила имъ въ голову. Они даже и въ произношеніи словъ сообразжались съ важностію ихъ и достоинствомъ, разсуждая справедливо, что ежели нѣсколько площадныхъ, низкихъ словъ, таковыхъ какъ *шлёпнуться*, *клёкъ* и тому подобныхъ, также нѣкоторое число простыхъ, таковыхъ какъ *ёлка*, *берёзка*, *звѣрёкъ*, *кулёкъ*, и проч; и требуютъ сего выговора, то лучше писать и въ чтеніи произносить ихъ по книжному, нежели сіе простонародное произношеніе вводить въ писменный языкъ и сообщать оное словамъ, не употребляемымъ иначе какъ токмо въ важномъ и благородномъ слогѣ. По истиннѣ, ежели бы мнѣ какой поселянинъ сказалъ: *у нашева барина много этакихъ сёлъ*, я бы продолжалъ съ нимъ разговаривать, но ежели бы Ломоносовъ написалъ:

Желѣзо браней да не знаетъ,
Служа въ трудѣ безмолвныхъ *сёлъ*,

то бы я не сталъ его далѣе читать.

НѢЧТО
О СОКРАЩЕНІИ СЛОВЪ.

Сокращеніе словъ въ языкѣ нашемъ происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ: 1е, гласныя буквы въ составѣ слова почитались ненужными, или выбрасывались, или вставлялись по произволенію. Отсюду и нынѣ во многихъ Славенскихъ нарѣчіяхъ пишутъ однѣ согласныя *влк*, говорятъ же или чуть произнося гласную, или измѣняя оную въ *волкъ*, *вилкъ*, *вулкъ*, тоже дѣлаютъ и съ другими многими словами, какъ напримѣръ *крв*, *сткло* (кровь, стекло), и проч. Слѣды сего сохраняются и въ нашихъ нѣкоторыхъ рѣченіяхъ: напримѣръ отъ *стекло* говоримъ и пишемъ *скляница*, а не *стклянница* или *стекляница*. (Отсюду же слово *скло*). Вмѣсто *крестины* въ просторѣчіи говорятъ *кстины* и проч. 2е. Во всѣхъ языкахъ, а особливо въ нашемъ, яко богатѣйшемъ, въ высокихъ сочиненіяхъ, для отличенія важнаго слога отъ простаго, стараются избѣгать употребляемыхъ всѣми вообще словъ и выраженій, которыя дѣлаются чрезъ то простонародными или слишкомъ обыкновенными, такъ что не отличаютъ рѣчи

Царя или Вельможи или мудреца отъ рѣчи простолюдина, или сближаютъ разговоръ о великихъ предметахъ съ разговоромъ о малыхъ, и чрезъ то отнимаютъ у перваго силу и важность. Въ семъ-то разумѣ Ломоносовъ сказалъ, что ежели бы Карлъ V, разсуждавшій, что Гишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, Француским съ друзьями, Нѣмецкимъ съ недругами, Италіянскимъ съ женщинами разговаривать прилично, искусенъ былъ въ Рускомъ языкѣ, то присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Отсюду для избѣжанія въ высокомъ слогѣ тѣхъ словъ, которыя чрезъ общенародное употребленіе сдѣлались приличны одному только простому разговору или слогу, стали сокращать ихъ, дабы симъ малымъ измѣненіемъ возвысить и отличить оныя. Такимъ образомъ вмѣсто *корова*, *молоко*, *соловей*, *воробей*, *огонь*, *полымя*, и проч., стали въ возвышенномъ слогѣ писать: *крава*, *млеко*, *вранъ*, *славій*, *врабій*, *огнь*, *пламя*. Сія способность малымъ измѣненіемъ отличать слова возвысила достоинство языка, но вмѣстѣ съ симъ умножила трудъ писателей; ибо сдѣлалось нужно читать много книгъ, дабы чрезъ познанія изъ нихъ свойствъ языка своего умѣть употреблять слова прилично слогу. Сіе самое сдѣлалось камнемъ претыканія для тѣхъ,

которые мало читают, еще меньше разсуждают, и думают что для знанія языка довольно одного изустнаго употребленія онаго, или что надобно весь Французской языкъ перевесть по Руски. Сіе ввело ихъ въ заблужденіе и понудило нелѣпицу и невѣжество выдавать за вкусъ и науку. Отселѣ сіи вопіянія и крики: *мы не знаемъ книжнаго языка*, *мы хотимъ писать*, *какъ говоримъ*, и тому подобныя. Но оставимъ ихъ и обратимся къ нашимъ примѣчаніямъ. Сокращеніе словъ не дѣлаетъ иногда никакой перемѣны въ значеніи оныхъ, а иногда дѣлаетъ не малую, такъ что уже значитъ не ту самую вещь, но другую, имѣющую съ нею сходство, или лучше сказать туже но въ иномъ видѣ: *воронъ* и *вранъ*, *корова* и *крава*, *соловей* и *славій*, значатъ одно и тоже. Но *порохъ* и *прахъ*, *волость* и *власть* *хоромы* и *храмъ*, означаютъ въ коренномъ токмо смыслѣ одинакія, въ частномъ же различныя вещи; ибо хотя *порохъ* и значитъ иногда вообще *прахъ*, *пыль*, какъ-то *въ глаза порошинка попала*; однакожъ болѣе разумѣется подъ онымъ особаго рода *прахъ* искуственный, возгарающійся, употребляемый для стрѣлянія изъ пушекъ и ружей. На многихъ иностранныхъ языкахъ оба сіи праха т. е. общій и частный (или прахъ и порохъ) подъ однимъ словомъ разумѣются:

по Лат. *pulvis*; по Нѣм. *pulver*; по Итал. *polvere*; по Франц. *poudre* (вѣроятно однокоренныя съ нашимъ пыль). *Волость* и *власть*, хотя въ частномъ значеніи и различаются; ибо первое въ Акад. Словарѣ опредѣлено: „нѣсколько деревень или селъ одного вѣдомства или одного помѣщика и однимъ начальникомъ управляемыхъ;" второе: „воля, произволъ, свобода дѣлать то, что заблагоразсудится;" однакожъ коренной смыслъ не престаетъ быть въ нихъ одинъ и тотъже; ибо и *волость* (въ смыслѣ многихъ деревень вмѣстѣ) говоритъ тожъ самое, т. е. моя власть, мое владѣніе, деревни подъ моею властію находящіяся, между тѣмъ частныя значенія сихъ словъ (или справедливѣе одного и того же слова нѣсколько измѣненнаго) производятъ и вѣтви къ каждому смыслу относящіяся: къ общему *властитель* или *властелинъ*, къ частному *волостѐль* (начальникъ надъ волостью, см. Судебн. Царя Іоан. Вас. гл. 22, 65, 72). Иногда въ производствѣ отъ сего колѣна вѣтвей благозвучіе принуждаетъ сокращать коренныя буквы: такимъ образомъ въ словѣ *область* отъ слова *власть*, по причинѣ соединенія съ нимъ предлога *объ* буква *в* выпускается, и остается только *ласть*. Тоже и при другихъ вѣтвяхъ: *обладатель*, *обладать*, и проч.; а не *обвладатель*, *обвла-*

дать. — Нѣкоторыя слова хотя равно какъ полныя такъ и сокращенныя одну и туже вещь безъ всякаго различія означаютъ, однакожъ приличіе слога требуетъ непремѣнно индѣ полнаго, индѣ сокращеннаго слова: *хоромы* и *храмъ*, *голова* и *глава*, *ладонь* и *длань* *), *локоть* и *лакть*, и проч., есть одно и тоже; но приличіе требуетъ въ простомъ слогѣ говорить: *онъ въ деревнѣ построилъ себѣ хоромы* (а не храмъ), въ важномъ же: *онъ соорудилъ Богу великолѣпный храмъ* (а не хоромы), или: *онъ пошелъ въ свою хоромину*, (а не храмину), и *грядетъ во храмину свою* (а не въ хоромину). Весьма бы странно было сказать: у меня *глава* болитъ (вмѣсто *голова*); но еще бы страннѣе было написать: Церковь о пяти *головахъ* (вмѣсто *главахъ*). Также книгу раздѣлять должно на *главы* (а не на *головы*). Сія разность одного и того же слова, сперва состоящая токмо въ приличіи употребленія онаго, смотря по возвышенію или простотѣ слога, становится напослѣдокъ такъ велика, что кажется уже иною, какъ бы не истекающею изъ сего источника мы-

---

*) Слово *длань* сокращено изъ слова *долонь*, происходящаго отъ имени *доль* или *долина*, по причинѣ, что кисть руки сгибается и нижнею стороною своею представляетъ подобіе *дола* или *долины*. Просторѣчіе, переставя начальные слоги, сдѣлало изъ *долонь*, *лодонь* или *ладонь*.

слію; ибо каждое изъ сихъ словъ (т. е. полнаго и сокращеннаго), аки корень, пускаетъ свои особенныя отрасли: отъ *голова* происходящія отрасли суть: *головка*, *головушка*, *головня*, *головешка*, *головоломный*, *головорѣзъ*, и проч. Во всѣхъ сихъ словахъ первоначальный слогъ *голо* не можетъ сокращаться въ *гла*: приличіе не позволяетъ; ибо хотя понятіе и одинакое, или подобіе одно и тоже, но оное имѣетъ свою важность и маловажность, свое величіе и малость, свою высокопарность и простоту: на булавкѣ *головка*, на Церквѣ *глава*. Отсюду слово *глава*, важнѣйшее нежели *голова*, переходитъ къ означенію и другихъ важныхъ выраженій или словъ, таковыхъ какъ *начало*, *преимущество* (глава въ книгѣ, глава народа). Въ вѣтвяхъ же производимыхъ отъ сихъ двухъ словъ (голова и глава) разность смысла еще болѣе увеличивается, какъ напримѣръ: *головной уборъ* и *главный уборъ*, суть два выраженія весьма между собою различныя: *головной* значитъ принадлежащій головѣ (поелику другія части тѣла какъ то руки и ноги, могутъ также имѣть свои уборы), а подъ словомъ *главный* (поелику слово *глава* перешло ужѐ, какъ мы выше сего видѣли, въ значеніе начала, преимущества) не разумѣется *принадлежащій головѣ*, но превосходнѣйшій, преимуществен-

нѣйшій прочихъ, начальный. — Новѣйшіе наши писатели, учители краснорѣчія, разбиратели въ сочиненіяхъ красотъ и погрѣшностей, далеко отступаютъ отъ истинныхъ началъ въ преподаваніи сихъ уроковъ. Они толкуютъ объ *изящномъ*, о *прекрасномъ*, о *вкусѣ*, и проч., не разсуждая никогда о томъ, безъ чего не льзя понимать и чувствовать *изящнаго* и *прекраснаго*, то есть о составѣ, правилахъ и свойствахъ языка, или еще хуже, хотятъ чрезъ истребленіе въ немъ всѣхъ важныхъ словъ и выраженій унизить оный до единообразія Французскаго языка, въ которомъ нѣтъ, или очень мало различія между высокими и простыми словами, такъ что книжной ихъ языкъ почти одинаковъ съ разговорнымъ. Сей недостатокъ ихъ языка, самими Французами признаваемый, отъемлющій у нихъ всякую надежду читать на немъ какое либо важное Эпическое творение, пріемлютъ многіе неопытные и науками не утвержденные, хотя впрочемъ довольно острые умы, за достоинство, и хотятъ изъ Рускаго величаваго языка, выкидывая изъ него всѣ высокія, въ простыхъ разговорахъ не употребляемыя слова и выраженія, сдѣлать скудной Французской языкъ, или еще несравненно скуднѣйшій онаго, потому что тогда будетъ онъ съ недостаточнаго подлинника самобѣднѣй-

шій сколокъ. Намѣреніе сколько безразсудное, столько же и не возможное, однакожъ не взирая на то многими проповѣдуемое и распространяемое, соблазняющее тѣмъ ложнымъ мнѣніемъ, что на немъ легче будетъ писать, словно какъ бы въ сочиненіяхъ не умъ долженъ былъ располагать языкомъ, но языкъ умомъ, и что достоинство всякаго произведенія состоитъ не въ выборѣ приличныхъ, выражающихъ мысли слов, но только въ томъ, чтобъ онѣ были обыкновенныя, въ разговорахъ употребляемыя. Сіе называютъ они гладкостію и чистотою, и всякую другую рѣчь, какъ бы она сильно ни выражала мысли, почитаютъ обвѣтшалою, Славенскою, какъ скоро найдутъ въ ней такое слово, или нѣсколько словъ, которыя въ простыхъ разговорахъ рѣдко употребляются. На семъ премудромъ правилѣ основываютъ они всѣ свои сужденія о красотѣ слога, часто сами себѣ противурѣча, и не разсуждая о томъ, что сіе противное истиннымъ познаніямъ мнѣніе ведетъ ихъ къ презрѣнію всего древняго, и къ загражденію чрезъ то всѣхъ источниковъ созидавшаго языкъ человѣческаго ума.

Разсмотрѣніе въ составѣ словъ первоначальныхъ частей ихъ, коими всѣ наши понятія разнообразятся и дѣлятся на тысячи разныхъ видовъ, есть еще нужнѣйшій,

нежели обыкновенныя наши грамматики, ключь, отверзающій двери къ познанію силы, свойствъ и правилъ языка, познаніе, безъ котораго легко можемъ мы заблуждаться, внимать съ излишествомъ невѣжественному гласу навыка, и по его часто противнымъ здравому разсудку внушеніямъ принимать хорошее за худое и худое за хорошее. Упражненіе въ Словесности, безъ упражненій въ языкѣ, и даже самый даръ стихотворства, не защититъ насъ отъ сихъ заблужденій. Не видимъ ли мы такихъ писателей въ стихахъ и прозѣ, которые, даже и отличаясь краснорѣчіемъ и силою воображенія, впадаютъ иногда въ грубыя погрѣшности, какихъ не сдѣлалъ бы тотъ, кто не имѣя равнаго имъ дара писать, основательнѣе ихъ знаетъ языкъ? — Сокращеніе словъ имѣетъ свои законы, въ которыхъ надлежитъ себя утверждать, въ иныхъ изъ грамматическихъ правилъ, а въ другихъ изъ чтенія книгъ и еще болѣе изъ изслѣдованія свойствъ языка. Ломоносовъ говоритъ:

Увидѣвъ времена златыя
Среди градовъ своихъ и селъ,
Гласитъ спасенная Россія
Къ защитницѣ своихъ предѣлъ.

Здѣсь слово *предѣлъ* не есть единственнаго числа именительный падежъ, но роди-

тельный множественнаго, и слѣдственно сокращено изъ слова *предѣловъ*. Сіе сокращеніе свойственно одному токмо важному слогу, въ которомъ и можетъ съ разборомъ быть употребляемо.

Сокращеніе окончанія *и* на ъ, давно уже присвоено было простымъ словамъ, въ обыкновенныхъ разговорахъ употребляемымъ; но мало по малу распространилось оно и вообще на всѣ слова, такъ что въ нынѣшнемъ слогѣ окончаніе на *и* сдѣлалось нетерпимо; однакожъ сія нетерпимость не должна простираться на весь важный языкъ; ибо чрезъ то витійство, а особливо стихотворство безъ всякой нужды во многихъ случаяхъ лишитъ себя способовъ величаво объясняться, и принуждено будетъ наполнять стихи такъ называемыми вставками. Для чего въ пристойныхъ мѣстахъ, не оскорбляющихъ ни ума, ни слуха, воспрещать сіе? Для чего въ стихахъ Ломоносова:

Въ небесны уранія круги
Возвыси посреди лучей
Елисаветины заслуги.

или:

Чтобъ ратай могъ *избрати* время
Когда землѣ повѣритъ сѣм*я*.

или:

Помысли зря дѣла велики
И трудъ, что можемъ *понести*,

Что можетъ нынѣ Петръ Великій
Чрезъ дщерь свою *произвести.*

или:

Геройскихъ подвиговъ хранитель
И проповѣдатель Парнассъ,
Временъ и рока побѣдитель,
Возвыси нынѣ свѣтлый гласъ,
Приближи къ небесамъ вершины,
И для похвалъ Екатерины
Какъ наша радость разцвѣтай.

Или въ стихахъ Дмитріева:

Можетъ быть въ сію минуту,
Милый другъ, всесильный рокъ
Посылаетъ парку люту
Дней моихъ *прервати* токъ.

Для чего, вопрошаю, не терпѣть глаголовъ: *возвыси*, *избрати*, *понести*, *произвести*, *приближи*, *прервати?* Убѣгая ихъ въ простомъ слогѣ, или въ разговорахъ, мы основываемся на томъ, чтобъ не говорить пышно, высокопарно, не свойственно простотѣ; но почему распространять сіе на важный, величавый слогъ, которому несвойственно просторѣчіе? Для чего не сказать иногда *возвыси*, иногда *возвысь*, какъ тотъ же Ломоносовъ и въ той же одѣ сказалъ:

Изъ горъ изсѣченны колоссы,
Механика, ты въ честь возвысь
Монархамъ, отъ которыхъ Россы
Подъ солнцемъ славой вознеслись?

Что тут противнаго разуму? дѣлая правилы без исключенія напрасно называют оное вкусом. Вкус состоит в знаніи употреблять слова прилично слогу. Иногда и то и другое слово (т. е. сокращенное и не сокращенное) оба не портят, иногда же одно приличнѣе другаго, смотря по простотѣ или важности выраженія. Ломоносов в одном мѣстѣ восклицает:

Ты, муза; лиру *пріими*,
И чтоб услышала вселенна,
Коль здѣсь наукам жизнь блаженна,
Возникни, вознесись, греми!

А в другом Славянка говорит у него Невѣ:

Но малые мои потоки
Прими в себя как Нил широкій.

Гдѣ мысль возвышеннѣе, там он поставил полное слово *пріими*, а гдѣ простѣе, там сокращенное *прими*. Конечно мы не скажем нынѣ: *пойдем гуляти, станем плясати*; но и никогда таким образом не говорили; однакож писали и нынѣ должно писать: *погребсти во глубинѣ моря, сподобитися причастію, спасти невиннаго*, а не *погресть, сподобиться, спасть*, хотя сіи послѣднія выраженія и могут в простом слогѣ быть употребляемы.

Между тѣм сколь сіе сокращеніе ни сдѣлалось общим для всѣх слов, но

остаются еще такія, въ которыхъ оно нетерпимо. Напримѣръ вмѣсто *престани* можно не унижая важности слога сказать *престань*, поелику есть слово ниже сего, *перестань*; но *очисти* неприлично иначе сократить, какъ развѣ въ самомъ простомъ выраженіи, такомъ, какъ *очисть огурецъ*, или тому подобномъ. Въ важныхъ же или возвышенныхъ словахъ, таковыхъ какъ *уклони*, *опредѣли*, *возбрани*, и проч., сокращеніе сіе совсѣмъ несвойственно языку.

Просторѣчіе для скорѣйшаго выговора, стихотворство же для мѣры стиха, сокращаютъ, или лучше сказать измѣняютъ букву *и* на *ь* даже и въ срединѣ словъ, какъ-то вмѣсто *щастіе*, *страданіе*, *терпѣніе*, и проч. произносятъ и пишутъ *щастье*, *страданье*, *терпѣнье*; однакожъ сіе второе сокращеніе еще меньше свойственно важному слогу; ибо естьли худо вмѣсто *брусье*, *отрепье*, говорить *брусіе*, *отрепіе*, то еще хуже вмѣсто *благолѣпіе*, *великолѣпіе*, писать *благолѣпье*, *великолѣпье*. Надлежитъ въ семъ случаѣ, смотря по слогу, наблюдать крайнюю осторожность и разборчивость.

Сокращеніе прилагательныхъ именъ, отнятіемъ у нихъ оконечной буквы, въ стихахъ необходимо нужно, какъ-то:

Ты пола превышая свойство
Явила *мужеско* геройство.

и л и:

Врагамъ *ужасно* сиротство.

и л и:

Котору онъ для насъ тобою
Подобну обоимъ родилъ.

Всѣ сіи сокращенія *мужеско*, *ужасно*, *котору*, *подобну*, вмѣсто *мужеское*, *ужасное*, *которую*, *подобную*, не дѣлаютъ ничего для ума и слуха противнаго, а потому и позволительны. Ломоносовъ простиралъ далѣе сіи сокращенія. Напримѣръ:

На *Встокѣ*, Западѣ и Югѣ.
(вмѣсто на *Востокѣ*)

Отмститель *храбрѣ* враговъ сварливыхъ.
(вмѣсто *храбрый.*)

Къ наукамъ *матерьски* нисходитъ.
(вмѣсто *матерински.*)

Когда открылъ Петрову граду
Избавльшія богини зракъ.
(вмѣсто *избавившія*)

Къ утѣхѣ *Росскаго* народа
Петра съ Екатериной вновь
Сгетастѣ щастье и порода,
Пригожство, младость и любовь.
(вмѣсто *Россійскаго, сочетаваетѣ.*)

Отсутствуя ты будешь съ нами:
Покрытымъ *орлими* крилами
Кто смѣетъ прикоснуться намъ?
(вмѣсто *орлиными.*)

Всѣ сіи сокращенія не столько нужны въ прозѣ, сколько въ стихахъ; и для того не позволять оныя, тогда, когда не дѣлаютъ онѣ ни малѣйшей темноты въ смыслѣ, было бы наблюденіемъ излишней строгости стѣснять свободу мыслей; однакожъ и въ стихахъ нѣкоторыя изъ нихъ преимущественнѣе другихъ. Напримѣръ *на встокѣ*, *сгетаетъ*, кажутся нѣсколько натянутыми; напротивъ того *избавльшія*, *орлими*, величавѣе и лучше, нежели *избавившія*, *орлиными*.

Сокращеніе словъ произвело предлоги, которые сами сокращеніемъ своимъ даютъ разнообразіе словамъ, не перемѣняя смысла ихъ, но токмо дѣлая однѣ изъ нихъ приличнѣйшими важному, а другія простому слогу. Такъ напримѣръ, хотя предлогъ *пере* и *пре* есть одинъ и тотъ же, однакожъ *пере* приличествуетъ простымъ, а *пре* болѣе важнымъ выраженіямъ: *перейти* черезъ дорогу, *прейти* путь жизни; *переступить* черезъ порогъ, *преступить* заповѣдь; *перервать* по поламъ, *прервать* знакомство, дружбу, и проч. Многія слова, а особливо простыя, не терпятъ въ предлогѣ сокращенія, а другія напротивъ, а особливо весьма важныя, не терпятъ въ немъ растяженія: *перепрыгнуть*, *перекувырнуться*, *перекинуть*, *переинагить*, *перевозъ*, *переулокъ*, и проч., отвергаютъ предлогъ *пре*; а другія: *пре*-

возносить, *пребываніе*, *преимущество*, *прелесть*, *пренебреженіе*, и проч., отвергаютъ предлогъ *пере*. — Равнымъ образомъ предлогъ *воз*, или правильнѣе *вос* (поелику сокращенъ изъ имени *высь*, *высота*), сокращается и самъ, теряя гласную букву, какъ напримѣръ *возстани* и *встань*, *воскрикнуть* и *вскрикнуть*, *возрыдать* и *взрыдать*, и пр. Предлогъ сей послѣдуетъ тому же общему правилу, то есть полный увеличиваетъ важность словъ, сокращенный же уменьшаетъ оную. Въ словахъ, таковыхъ какъ: *возстеналъ*, *возникъ*, *воскурился*, *возтекъ*, *возблисталъ*, *воспарилъ* и проч., не можетъ онъ сокращаться; въ словахъ же, таковыхъ какъ: *вспрыгнулъ*, *взлезъ*, *вскарабкался*, *вскочилъ*, *вздуло*, *вспучило*, и проч., не можетъ быть полный.

Сіи не разлучныя съ нашимъ языкомъ свойства отличаютъ его отъ многихъ другихъ, въ которыхъ сокращенія словъ, а особливо предлоговъ, мало участвуютъ въ ихъ словосочиненіи. По сей причинѣ желающему въ немъ утвердиться надлежитъ вникать въ сей коренной его составъ, дабы противусвойственно ему не дѣлать его похожимъ на чужой языкъ, и не смѣшивать въ немъ высоты съ низостію, красоты съ безобразіемъ. Французъ, напримѣръ, судя по своему языку о нашемъ, не почувствуетъ различія

между *исходить* и *выходить*; ибо онъ и то и другое назоветъ *sortir*; но Рускому не чувствовать разности въ выраженiяхъ: *изшелъ на брань* и *вышелъ изъ бани*, или въ простомъ разговорѣ сказать: *студень изъ тѣльчихъ ножекъ* (вмѣсто изъ *тѣлятьихъ*) а въ возвышенномъ слогѣ написать: *возносятъ на жертвенникъ тѣлятьи стегна* (вмѣсто тѣльчiя) было бы не знать свойствъ языка своего, не знать различiя между важнымъ словомъ *тѣлецъ* и простонароднымъ *тѣленокъ*.

Въ сокращенiи (равно какъ и въ растяженiи) словъ корень часто закрывается, и чрезъ то въ словѣ затмѣвается первоначальная произведшая оное мысль. По сему надлежитъ самымъ симъ сокращенiемъ руководствоваться для отысканiя сей мысли. Напримѣръ въ глаголѣ *обѣщать*, представляющемъ намъ предлогъ *объ*, и никакого смысла въ остальной своей части *ѣщать*, мы, примѣчая въ языкѣ свойство сокращенiя словъ, легко можемъ добраться, что онъ происходитъ отъ *обвѣщать*, и что оба сiи глагола (полный *обвѣщать* и сокращенный *обѣщать*) выражаютъ въ коренномъ смыслѣ одно и тоже понятiе о *вѣщанiи*, но въ вѣтвенномъ или частномъ первый означаетъ *вѣщанiе*, обносимое вокругъ чего нибудь (обвѣстить по городу, по всей округѣ)

а второй *вѣщаніе,* обнадеживающее кого въ чемъ либо, иначе называемое *дать слово.* — Въ глаголѣ *сплю* сокращеніе показываетъ намъ, что оный происходитъ отъ *соплю* (сопѣть), поелику одно изъ сихъ дѣйствій всегда или часто соединено бываетъ съ другимъ. — Изъ названій *усерязи* и *серги* видимъ мы, какъ много послѣднее измѣнилось отъ перваго (*усе*, т. е. уши, сократилось въ *се*, а изъ *рязи,* ряжу, наряжаю, сдѣлалось *рзи* или *рги*), и ежелибъ полное, сложное (усерязи) не сохранилось въ старинныхъ книгахъ, то бы сокращенное (серги) почитали мы первообразнымъ, и не знали откуда оное происходитъ. Слово *ферязи* изъявляющее нарядную одежду крестьянокъ, по той же причинѣ легко могло сократиться изъ *тѣлорязи*, такъ что существительное имя *тѣло*, сохранившееся въ подобномъ же названіи *тѣлогрѣя*, здѣсь не сохранилось, и сперва сократилось въ *тѣ*, а потомъ произносимое шепелевато (подобно Греческому слову *теорія* и *ѳеорія*) измѣнилось въ *фе.* Многія подобныя сему слова, до которыхъ начала не стараемся мы добираться, во влекаютъ насъ въ ложное, несвойственное разумному существу мнѣніе, что будто бы языкъ не былъ плодъ размышленій человѣческихъ, но состоялъ только изъ пустыхъ звуковъ, къ которымъ люди, подобно без-

словеснымъ животнымъ, чрезъ навыкъ прилагаютъ свои понятія; ибо такимъ образомъ и птицы, или звѣри, разнообразятъ голосъ свой, и разумѣютъ одни другихъ. — Измѣненіе, такожъ сокращеніе и растяженіе (т. е. убавка и прибавка буквъ), сіи необходимо нужные способы, которыми умъ человѣческій, для раздробленія мыслей своихъ на множество понятій, при составленіи языка дѣйствовалъ, могутъ быть намъ вѣрными руководителями къ открытію сихъ таинствъ словопроизводства, обнаруживающихся при вниканіи, и помрачающихся при невниканіи въ оныя. Оставимъ измѣненіе и растяженіе словъ (ибо каждая изъ сихъ статей требуетъ особеннаго изслѣдованія), и скажемъ токмо о сокращеніи. Возмемъ, напримѣръ, выраженіе *щурить глаза*, и спросимъ: откуду происходитъ глаголъ *щурить?* Сокращеніе покажетъ намъ первоначальную, содержащуюся въ немъ мысль. Буква *щ* есть не иное что, какъ сокращенное или слитное произношеніе буквъ *сч*. Итакъ въ семъ словѣ видимъ мы предлогъ *со* или *сѣ* (означающій всегда соединеніе или сближеніе двухъ вещей), и корень *чур*. Слово *чурѣ* значитъ черту, предѣлъ. По сему *щурить* значитъ *сочурять*, то есть сближать двѣ какія нибудь вещи къ одному и томужъ чуру или предѣлу. Посмотримъ

теперь дѣйствіе глазъ, изъявляемое глаголомъ *щурить:* не есть ли оное сближать, соединять верхнюю и нижнюю ресницы съ тою проходящею по срединѣ очей чертою или предѣломъ, которой составился бы, когдабъ сіи ресницы совершенно сомкнулись? Вотъ какъ человѣкъ глубоко умствовалъ и разсуждалъ при составленіи словъ! Далеко отъ того, чтобъ быть пустыми звуками, онѣ содержатъ въ себѣ умъ его и мысли, которыхъ не познавать есть отчуждать себя отъ знаній языка.

Конецъ девятой части.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 06739 5411

Digitized by Google